МАКСИМ ЗВЕРЕВ

ХОЗЯИН НЕБЕСНЫХ ГОР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга рассказов и повестей старейшего писателя-натуралиста и учёного Максима Дмитриевича Зверева.

Много десятилетий провел писатель в горах Тянь-Шаня, в степях и пустынях, накопил интересные наблюдения, написал немало книг о природе Казахстана и Сибири. В книгу «Хозяин небесных гор» наряду с произведениями уже издававшимися, такими, например, как повесть «Волчок из Бетпак-Далы», в книгу вошли новые рассказы: «Под тропой архаров», «Беглец» и другие.

-
- ПОД ТРОПОЙ АРХАРОВ
- СОЛОВЬИНЫЕ ОСТРОВА
- ЗАГАДКИ РЯДОМ
- СОДЕРЖАНИЕ
-
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

МАКСИМ ЗВЕРЕВ

Хозяин небесных гор

Повести и рассказы

ПОД ТРОПОЙ АРХАРОВ

ХОЗЯИН НЕБЕСНЫХ ГОР

Холодно зимой на вершинах гор. Облака окутывают их, скрывая от глаз. Только изредка поблёскивает голубоватый лёд. Всё живое в горах перекочёвывает зимой на южные склоны. Там теплее – снег выдувается ветрами и тает во время оттепелей. Сюда приходят стада диких горных козлов и пасутся на мелкой

травке – типце. Сюда же прилетают горные индейки – улары. Они, как куры, роются на обнажённой от снега земле.

...Огромный барс бесшумно вскочил на камень. Его светло-серое в чёрных пятнах тело почти незаметно на камне. Вершина горы упрятана в облаке. Барс будет ждать, пока ветер унесёт облако.

Вот подул легкий ветерок. Клубы тумана заколебались, южный склон очистился, и на нём показались горные козлы. Дрожь пробежала по телу зверя, измученного голодом. Когти вцепились в выступы камня, нервно завилял кончик хвоста.

Не подозревая опасности, козлы всё ближе подходили к хищнику. Ещё немного – и внезапным длинным прыжком зверь опустится на ближайшего козла. Барс замер. И в этот миг на соседний камень сел улар, сел и тотчас ракетой взвился вверх. Его громкий свист прозвучал сигналом смертельной тревоги. Козлов словно бы подхватило ураганом – они бросились вниз и скрылись за поворотом скалы.

Барс раздражённо заворчал, потянулся, спрыгнул с камня и медленно побрёл в лощину, откуда до его чуткого слуха донеслось едва слышное пение петуха. Синие сумерки скрыли зверя. Всё стихло на перевале.

Большие снега в середине зимы засыпали глубокие ущелья Тянь-Шаня. Под тяжестью снега низко осели ветви елей. Здесь, в зимних горах, различались только три цвета: синее небо, белый снег и тёмная зелень густых ельников.

Снег с «головой» укутал маленький домик пасеки. Издали можно подумать, что дым тонкой струйкой поднимается прямо из сугроба. Сегодня хозяйничала четырнадцатилетняя Аня. Отец с матерью и маленьким братом уехали на два дня в колхоз. Вместе с ними увязался и пёс Бобка.

Кончались зимние каникулы. Скоро Аня уедет в интернат. Прощайте горы и ущелья! Прощай вольная жизнь!

Девочка давно подоила корову, поужинала и теперь сидела над книгой. Наступала ночь, дворик горной пасеки наполнился голубоватым лунным светом, но спать не хотелось.

Вдруг в хлеве замычала корова. Аня посмотрела в окно. Снежные сугробы переливали серебром, хлев выделялся на фоне снега чёрным пятном. Стёкла на окне уже подёрнулись тонким ледком. На улице крепчал мороз.

«Наверное, опять запуталась на привязи», – подумала Аня, торопливо надевая полушубок. Перед самым выходом она снова взглянула в окно и замерла в испуге... Посередине двора стоял барс! При свете луны резко чернели пятна на шкуре. Длинный хвост извивался. Зверь стоял боком к окну и смотрел на хлев, в

котором испуганно мычала корова. Точно такого барса отец Ани убил в начале зимы высоко в горах.

Девочка родилась и выросла на пасеке. Она была здесь дома и ничего не боялась. Но зверь в нескольких шагах от неё за тонким стеклом мог испугать и взрослого. Аня задула лампу. Теперь зверь стал виден ещё отчётливее. Он на миг повернулся к окну, глаза его сверкнули зеленоватыми огоньками. Девочка присела на корточки. Так прошло с минуту. Затем зверь неслышными шагами подошёл к хлеву и стал осторожно скрести дверь, пытаясь открыть её. Корова замолчала. Дверь не поддавалась, и тогда мягким прыжком барс взлетел на крышу хлева и медленно прошёлся по гребню, оставляя на снегу чёрные пятна следов. Потом он прилёг и надолго остался недвижен, словно бы задремал...

Тишину ночи не нарушал ни единый звук. Луна поднялась выше, и стало светло, как днём. Корова молчала. И девочка немного успокоилась. Не зажигая огня, она легла в постель, накрылась полушубком и уснула. Она не слышала, как ночью опять ревела корова, не слышала, как спрыгивал во двор барс, обходил хлев с разных сторон. Близкий запах коровы не давал покоя голодному зверю.

Проснулась Аня от солнца, светившего в окна. Она вскочила и бросилась к окну. Следы на крыше хлева, следы во дворе, но хлев был по-прежнему заперт, на дверях висел тяжёлый замок. Курятник тоже закрыт. Оттуда донеслось пение петуха. Ничто, кроме следов, не напоминало о ночных страхах. Наверное, с рассветом барс ушёл в горы...

Аня оделась, взяла ломоть хлеба, подойник и вышла во двор. «Хорошо, что на крыше остались следы, а то папа не поверил бы», – подумала Аня, открывая хлев. Корова стояла около яслей с нетронутым сеном и тряслась.

– Что с тобой, Бурёнка? – удивилась Аня. Она оглянулась назад и уронила ведро: на крыше дома, из которого она только что вышла, лежал барс! Осталось загадкой, почему он не бросился на неё. Аня кинулась к двери, захлопнула её, подпёрла вилами и только после этого беспомощно опустилась на корточки. Сердце стучало, ноги противно тряслись. Она долго не могла овладеть собой.

Над дверью было окошко для голубей. В него не могла бы пролезть даже курица. Успокоившись, Аня подтянулась на руках и выглянула наружу. Барс всё ещё сидел на крыше. Он не шевелился.

Аня спрыгнула вниз и вдруг услышала шаги. На миг девочка обрадовалась, решив, что это идут свои. Она снова подтянулась к

окошку и не увидела барса на крыше. Значит, это были его шаги! В ужасе Аня спряталась за корову. Бурёнка тряслась, переступая с ноги на ногу. Барс начал скрести дверь в хлев, басисто ворча. Обмирая от страха, девочка подобралась, к двери и навалилась всем телом на вилы – на всякий случай, чтобы они не сорвались. За дверью опять стихло – видно, барс отошёл. Испуганно вздрагивая от шороха своих же шагов, Аня зарылась в сено, прижалась к тёплому боку Бурёнки и в ужасе ждала, что барс с минуты на минуту ворвётся в хлев.

Но время шло, а за дверью было тихо. Незаметно девочка забылась тревожным сном...

В полдень вернулись родители. Не застав девочку дома, отец окликнул её, но ответа не было. На хлеве не было замка, но странно – дверь не открывалась. Пришлось приставить лесенку к окошку и шестом отвалить вилы. Аня спала, прижавшись к корове, и долго не могла прийти в себя и толком рассказать, что произошло.

Могла ли Аня подумать, что вскоре будет воспитывать детёныша этого страшного барса.

На летние каникулы Аня опять приехала на пасеку. Она любила вставать на рассвете, сидеть на крылечке и любоваться снежными вершинами Заилийского Алатау. Кругом долго стоит тишина. Но вот раздаются первые звуки... Далеко на каменистых россыпях свистнет горная индейка. Закричит в ельниках кедровка. Деловито застучит дятел. Разноголосо защебечут горные овсянки и пеночки. Наконец, всё перекрывая, загорланит петух в курятнике. Значит, наступило утро! Аня встаёт и идёт в хлев доить корову...

В это раннее утро высоко в горах барсиха принесла козлёнка в заросли арчи. Но барсята не выскочили на её басовитый призыв. Зверь тревожно оглянулся. Шерсть поднялась дыбом на загривке: поляна была отравлена запахом человека! Крадучись, барсиха неслышно поползла вдоль кустов. Следы человека вели вниз. Барсиха заметалась по зарослям. Вот они, двое барсят. Но где же третий? Его нигде не было. Человек унёс барсёнка в рюкзаке.

Барсиха увела малышей в самую гущу арчевника и продежала там до вечера, насторожённо поводя ушами. Насосавшись молока, барсята беззаботно спали. Мясной завтрак для них был ещё не обязателен.

...Первым заметил труп козлёнка ворон. «Крру!» – вырвался у него торжествующий крик. Ворон описал несколько «смотровых» кругов над арчевником и сел в стороне. Оглядевшись, он осмелел, подобрался к козлёнку и клюнул его в глаз...

Но громкое «крру» уже сделало своё дело: звук услышала

пара воронов на скалах, где они приводили в порядок свои перья после купания в ручье. Вороны сорвались с места и вскоре пристроились к первому. Не успели они насытиться, как с поднебесной высоты их заметил гриф. Сложив двухметровые крылья, он с громким шумом спикировал на козлёнка. Вороны поспешно отскочили в сторону. И тотчас с горных вершин слетели ещё несколько таких же чёрных птиц с пышными жабо на шеях. Через несколько минут под живой грудой огромных птиц от козлёнка ничего не осталось.

...День прошёл спокойно. Порозовели блестящие ледники на вершинах гор. В ущельях быстро сгущались сумерки. Потемнело и в арчовых зарослях. В дальних россыпях прокричали кеклики, и всё стихло. Вершины окрасились в фиолетово-синие тона, а потом быстро стало темнеть.

Барсиха вышла из своего убежища, обошла заросли и негромко позвала барсят. Они выскочили из арчевника, играя друг с другом. За ночь осторожный зверь перетащил в зубах детёнышей в узкое непроходимое ущелье. Там прыгал по камням ручей. Сюда по утрам спускались стайки кекликов. Горные козлы протоптали тропу среди нагромождения крупных камней. Над ней и залегла утром барсиха на ровной площадке, удобной для броска.

И вот болтливая стайка кекликов беззаботно побежала к ручью. Краснолапый петушок с чёрным ошейником на зобу вспрыгнул на камень и заполнил своим кудахтаньем всё ущелье.

Барсиха прыгнула сверху прямо в середину стаи. Взмах лапой – и один кеклик пришлёпнут к земле. Другая лапа промахнулась. Кеклики взорвались вверх, как маленькие ракеты. Они перемахнули на каменную осыпь и долго ещё взволнованно там кричали.

Барсиха отнесла добычу в логово и опять улеглась на своей площадке, готовая к новому прыжку. Вскоре снова послышались голоса кекликов. Очередной табунок спускался к водопою...

На станцию юных натуралистов в Алма-атинском зоопарке привезли ящик с сетчатой стенкой. В тёмном углу сверкали два зелёных огонька. Ребята окружили ящик. Нетерпеливые возгласы сыпались со всех сторон:

– Пусти, ты уже посмотрел!

– Не лезь, тебе говорят!

– Ой, девочки, ворчит!

– Смотри, укусит!..

Гвозди на крышке не сразу поддались усилиям ребят. Наконец крышку с ящика сняли. Барсёнок сидел в углу и урчал, шевеля длинными белыми усами. Ящик положили набок, а потом

перевернули вверх дном и подняли. Барсёнок оказался на полу. Он испуганно сжался в комок.

– Ой, какой смешной!

– Кис-кис-кис!

– А можно его потрогать?

– Как мы его назовём?..

Барсёнок был так ошеломлён, что без сопротивления позволил взять себя на руки. Ребята передавали его друг другу, как большого плюшевого тигрёнка.

– Барсик, Барсик!

– Назовём его Барсиком?

Это имя понравилось всем.

Барсёнка поместили в большой пустой клетке на главной аллее зоопарка, рядом с клетками взрослых барсов. Впрочем, это помещение Барсик занимал только ночью. С утра до вечера юннаты не спускали его с рук. Барсёнок бегал за ними по всему зоопарку. Он неуклюже прыгал по аллеям и стал совершенно ручным. Не было случая, чтобы он огрызнулся. Барсик добродушно переходил с рук на руки, лакая молоко из чашки у кого-нибудь на коленях, а потом долго умывался, совсем как кошка. Развалившись на середине комнаты или у порога, он сразу же засыпал. Тогда юннаты ходили на цыпочках и разговаривали шёпотом. А если кто, забывшись, громко смеялся, раздавалось испуганное:

– Тише, Барсик спит!

Но барсёнок спал мёртвым сном: через него можно было перешагнуть и даже осторожно передвинуть его в сторону – он не просыпался, а только шевелил усами, не открывая глаз, или подёргивал во сне толстыми лапами. Его длинный хвост в это время можно было завязать узлом.

В летний день в саду зоопарка, где не было клеток с животными, юннатка Аня гуляла с Барсиком. Она была уже «знакома» с барсами, и её поэтому назначили главным опекуном Барсика. Они вперегонки с азартом гонялись за бабочками, но так ни одной и не поймали. А потом долго барахтались в траве, пока Барсик не зевнул во весь рот, зажмурив глаза.

– Понимаю! – воскликнула девочка. – Мы захотели спать! Идём домой, в нашу комнату!

Прямо через сад Аня повела Барсика к конторе зоопарка, где была юннатская комната. Сначала Барсик шагал рядом, потом стал плестись сзади. Когда же пришлось переходить через широкую главную аллею, девочка волокла барсёнка силой за верёвочку от ошейника: сон на ходу неудержимо овладевал зверёнышем. На аллее барсёнок решительно затормозил всеми

четырьмя лапами и зажмурился. Не успела Аня опомниться, как Барсик уютно свернулся калачиком на середине аллеи и мгновенно уснул.

– Барсик, вставай, кому говорю! Здесь же не спят, вставай сию минуту! – волновалась Аня и дёргала за верёвочку, хотя и знала, что это теперь бесполезно – сон у барсёнка был поразительно крепкий, словно он наглотался снотворных пилюль.

В воскресный день посетителей в зоопарке было много, и они сразу столпились около спящего барсёнка и девочки в красном галстуке. Раздались возгласы:

– Смотрите, подох какой-то зверь!

– Надо оттащить его с аллеи в сторону!

– Почему ребёнок рядом? Зовите директора!

Аня вскочила, и её звонкий голосок перекрыл все возгласы:

– Это наш Барсик, не троньте его! Он не умер, а уснул, честное пионерское!

Толпа с удивлением увидела, как девочка подняла Барсика, словно большую пушистую куклу. Барсёнок и не подумал проснуться. Он безвольно свесил толстые лапы и хвост, только тяжело вздохнул и пошевелил усами, а голову с зажмуренными глазами трогательно положил на плечо девочке.

Люди расступились, и Аня бегом утащила своего воспитанника в юннатскую комнату досматривать звериные сны.

Однажды барсёнок насмешил своих воспитателей до слёз. Они гуляли с ним в жаркий полдень по аллеям зоопарка и в одном из киосков купили мороженое. Барсёнок с интересом стал принюхиваться.

Ему дали на листочке яблони немного мороженого. Барсёнок съел его вместе с листком. Тогда каждый из юннатов угостил его остатками из своего стаканчика, а потом ребята купили ему целую порцию.

Барсёнок съел мороженое, сжался и лёг на живот среди раскалённого солнцем песка аллеи.

– Ребята! Да ведь Барсик греет живот! – догадался кто-то.

– Что, брюхо замёрзло от мороженого?

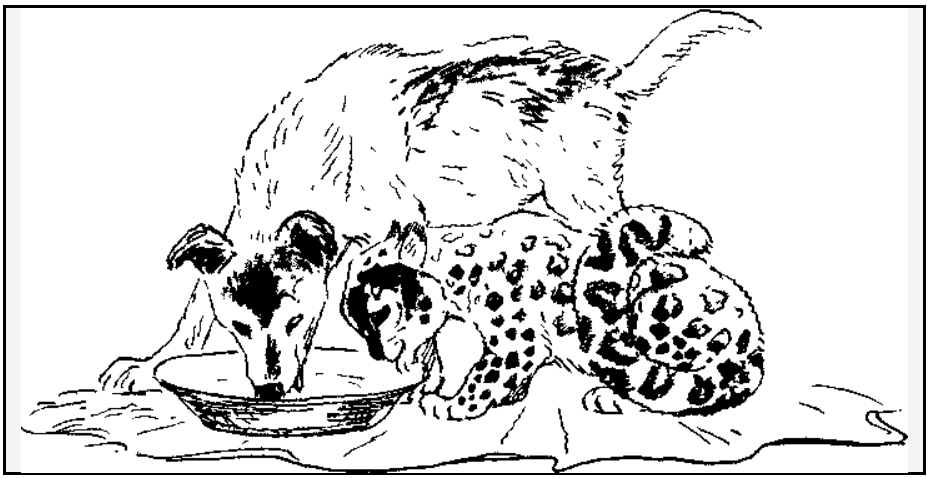
Все рассмеялись.

Вечером ребята уходили домой и закрывали барсёнка в клетке. Он долго смотрел им вслед, а затем тревожно бегал из угла в угол. Сторожа утверждали, что ни разу не видели его спящим ночью. Утром, когда приходили юннаты, радости Барсика не было конца. Он прыгал из клетки прямо на руки, едва открывали дверку.

Чтобы барсёнок не скучал, вместе с ним стали запирать на ночь щенка немецкой овчарки, такого же возраста, как и Барсик.

Звали его Джек. Они сразу подружились и в первый же вечер возились в клетке до темноты. А затем всю ночь спали, прижавшись друг к другу.

Теперь гулять с Барсиком можно было, не держа его на поводке. Водили щенка, а барсёнок сам прыгал сзади, боясь отстать.



Первое время ели они вместе. Барсик садился около чашки, подбирая под себя передние лапы, обвивал туловище сбоку хвостом и начинал медленно есть. Джек, наоборот, кидался к своей чашке так стремительно, словно его никогда не кормили, лакал с жадностью, торопясь и давясь. Вылизав языком опустевшую чашку, он бросался к Барсику и бесцеремонно отталкивал его от еды, грозно ворча. Барсик безропотно отходил в сторону и только смотрел, как быстро исчезает его порция. Даже если барсёнок успевал завладеть куском, Джек вырывал у него прямо из пасти. Кормить друзей пришлось порознь.

По утрам Аня делала с Барсиком зарядку. До десяти часов утра зоопарк был закрыт для посещения, и по безлюдным аллеям можно было бегать сколько угодно...

В это утро, как обычно, Аня открыла клетку и вывела на цепочке Джека. За ним бесшумно спрыгнул на аллею Барсик. Щенок натянул цепочку и потащил за собой девочку. Аня побежала. Барсик прыжками гнался за ними. Аня обежала вокруг пруда и свернула к вольерам с обезьянами. Макакам только что принесли завтрак, и они сидели на полу около чашек с компотом.

При виде щенка и барса обезьяны мигом оказались под потолком и повисли там на сетке, угрожающе хрюкая. Не успела Аня опомниться, как барс стремительным прыжком взлетел на

крышу вольеры, прошёлся по ней и лёг на край, свесив длинный хвост вдоль решётки.

– Барсик, Барсик! – звала его Аня.

Зверь был упрям и только щурился, виляя кончиком хвоста.

Макаки не упустили случая позабавиться – они втащили хвост в вольеру, наперебой дёргая его и кусая. Барсик вскочил, зашипел, рванулся, но не тут-то было! Макаки гурьбой вцепились в его хвост. Аня бегала около вольеры, кричала, махала на обезьян косынкой. Джек лаял, но хвост оставался в плену...

Неизвестно, чем бы всё это кончилось, если бы не подошла работница с метлой и не замахнулась на макак. Они с недовольным хрюканьем разбежались. С крыши Барсик прыгнул прямо на Аню и сбил её с ног. Не успела девочка встать, как Барсик, трясясь всем телом, прижался к её ногам. Девочка схватила его на руки и унесла подальше от обезьян. Около пруда барсёнок успокоился и долго зализывал поредевший хвост...

Однажды Аня возвращалась с Барсиком и Джеком с прогулки. У загона с зубрами вспорхнула стайка воробьев, и надо же было одному из них пролететь перед самым носом Джека! Щенок бросился за ним, сорвался с поводка и неожиданно вскочил в загон к зубрам. А за Джеком в загоне, как тень, оказался и Барсик.

Огромные свирепые животные приподняли хвосты и, нагнув рогатые головы, бросились на непрошеных гостей. Щенок успел выскочить, поджав хвост и жалобно айкая. Но Барсику зубры отрезали путь к отступлению. И вот один бык уже рядом... Ещё секунда – и он подденет барсёнка на рога.

Однако это оказалось не так просто! Барсик промелькнул под животом быка и одним прыжком оказался на столбе между двумя загонами. Он поджал лапы и сердито зашипел. Но длинный хвост его низко свисал. Хорошо, что зубры не хватают зубами, а то они сдёрнули бы Барсика на землю. Зубры издавали угрожающие басовитые звуки, рыли землю передними ногами и били лбами в столб из обоих загонов.

Началась длительная осада. Аня и другие юннаты метались по аллее, не зная, как выручить Барсика из беды. Подошли рабочие. Но в загон к зубрам никто не входил: разъярённые животные были очень опасны.

Выручило жаркое алма-атинское лето. У откормленных жирных зубров языки вскоре свисли из открытых ртов. Долго беситься на жаре им было тяжело. Один за другим они укрылись в тень навесов. Аня подвела Джека к загону. Барс спрыгнул со столба и направился к аллее. Но, к ужасу юннатов, Барсик шёл спокойным шагом через весь загон, волоча хвост, словно это не он только что спасался от смерти на столбе...

Быстро проходило лето. Барсик рос не по дням, а по часам. В жаркий летний полдень он рвался в тень или в комнаты. Особенно ему нравился кабинет директора. Окна из него выходили на север, и эта комната была одной из самых прохладных. Барсик растягивался на полу и мгновенно засыпал. Звонки телефона и громкие разговоры не будили его.

Однажды в полдень, волоча за собой на поводке Аню, Барсик прибежал в кабинет директора с высунутым языком и рухнул на пол. Девочка сняла с него поводок и ушла. В воскресный день в зоопарке было много посетителей, и юннаты помогали следить за порядком. Аня была спокойна – она знала, что Барсик никуда не уйдёт.

Вскоре в кабинет вошёл директор. Он улыбнулся и почесал за ухом общего любимца. Но Барсик не проснулся. Во сне он только подёргал лапой, как собака, когда ей чешут живот. Зазвонил телефон. Входили и выходили служащие зоопарка. Барс крепко спал перед столом директора.

Вдруг дверь порывисто распахнулась, и в кабинет влетела толстая женщина в больших очках, возбуждённая и чем-то сильно расстроенная.

– Вы директор зоопарка? – спросила она угрожающе.

– Да, садитесь, пожалуйста!

– Это безобразие, товарищ директор! – Женщина сняла с носа очки и близоруко прищурилась. – Ваши животные хулиганят!

– Успокойтесь, пожалуйста! В чём дело? – Директор налил посетительнице воды, но она гневно отстранила стакан.

– Понимаете, у меня вытащили паспорт!

– Но при чём тут наши звери?

– А вот при том... Я стою около ваших отвратительных обезьян, открыла сумочку, тут вдруг из клетки мохнатая лапа просовывается и выхватывает у меня паспорт. Эти хулиганы разорвали в клочья все страницы и корочку...

Женщина вскочила и всей тяжестью наступила на лапу Барсика. Он подпрыгнул, изогнулся дугой и зашипел...

Глаза у женщины закатились, она вскрикнула и повалилась на диван. Как потом выяснилось, она приняла спящего барса за шкуру около стола, и вдруг эта шкура оказалась живым зверем!

Барсик опрометью выскочил из кабинета, тряся лапой, и помчался по аллее к своей клетке. В зоопарке в это время шумела праздничная нарядная толпа. Около клеток с обезьянами собралось много людей. Весёлые мартышки забавно играли или с серьёзным видом искали друг у друга блох. Два малыша замерли с открытыми ртами.

– Колька, может, это немножко человечки?

– Конечно. Они даже понимают, про что мы говорим.

– Ну да! А этот маленький тоже понимает?

– Этот ещё не понимает – видишь, он совсем ещё малыш!

В это время раздался дикий крик:

– Зверь, зверь выскочил!..

Толпа перед клетками обезьян замерла. Все увидели, как через барьер мягко перескочил пятнистый зверь.

Что тут началось! Люди побежали вправо и влево по аллеям. Толстые и пожилые сразу отстали. Мужчина в чесучовом костюме бросился бежать, поскользнулся и упал в арык. Женщина в открытом сарафане стала отступать, размахивая зонтиком. Заплакали малыши. Кто-то пытался взобраться на яблоню, но срывался и падал. А Барсик спокойно стоял посреди аллеи и отряхивал лапы от воды – он только что вылез из арыка, в который угодил мужчина в чесучовом костюме.

И тут посетители зоопарка увидели, что по аллее прямо к зверю бегут дети. Все в ужасе замерли.

– Что же вы стоите, граждане?! – истерически закричала женщина с зонтиком. – Зверь разорвёт их!

Мужчина в военной форме выхватил револьвер и прицелился.

Но в это время к барсу подбежала девочка, схватила его поперёк живота и с трудом приподняла. Другие помогли ей. Один нёс длинный хвост, как шлейф, чтобы он не волочился по асфальту, другой придерживал свисавшую толстую заднюю лапу. Толпа изумлённо расступилась перед мирной процессией. У открытой клетки юннаты остановились. Барс прыгнул туда, громыхнула железная дверка, и юннаты убежали по своим делам.

В жалобной книге зоопарка появилось несколько протестующих записей. Директор запретил выпускать барса из клетки в часы, когда зоопарк открыт для посещения.

Барсик настолько вырос за лето, что дети уже с трудом таскали его на руках.

Осенним солнечным днём служебный автобус с рабочими шёл к высокогорному катку. В радиаторе закипела вода, и автобус остановился. Шофёр взял ведро и пошёл к речке за водой. Рабочие ждали, поглядывая в окна.

– Смотрите, барс! – крикнул один из рабочих.

– Где, где?!

– Вон на скалах!

Отвесные скалы нависли над самой дорогой. Автобус стоял как раз под ними. Высоко вверху медленно пробирался барс. Его пятнистая шкура то исчезала за камнями, то появлялась снова. Рабочие заволновались.

– Эх, двустволки моей нет! – сокрушался старик плотник.

– Разве отсюда дострелишь? – возразили ему.

И тут сверху донёсся голос:

– Аня, заведи его повыше!

К барсу быстро спускалась девочка. Ещё выше два человека устанавливали на треноге фотоаппарат. Девочка подошла к зверю и спокойно повела вверх. Барс послушно шагал рядом. Задрав головы вверх, рабочие изумлённо смотрели на эту сцену.

– Да это из зоопарка ручной барс! – догадался кто-то.

– Точно! – подтвердил другой. – Снимают в родной обстановке. Сам видел, как ребята таскали его по зоопарку.

Фотография барса украсила потом обложку одного из популярных наших журналов.

В городском Театре юного зрителя было назначено собрание по итогам пионерского лета. Юннаты тоже готовились к нему. Решили показать Барсика как один из примеров приручения дикого зверя.

Барсика повезли в город вместе с Джеком. Директор зоопарка решил сначала заехать к себе на квартиру и посмотреть, как барс будет вести себя в непривычной обстановке.

По улицам Барсик ехал совершенно спокойно. Он лежал на коленях у Ани, без особого интереса поглядывал по сторонам, щурил глаза и даже зевал. Опасение, что он будет пугаться встречных машин, оказалось напрасным.

Джек влетел в квартиру первым. Барсик вошёл не спеша, мягкой, неслышной походкой. Аня отстегнула цепочку от ошейника, и барс как ни в чём не бывало прыгнул на диван. Он уселся, свесив хвост на пол, лизнул подошву передней лапы и умыл ею морду, совсем как домашний кот.

Директор, его семья и юннаты с улыбкой смотрели на эту мирную сцену. Барс вёл себя так, словно вырос в этой комнате. Аня привязала к верёвочке бумажку и, шурша ею, потянула по полу мимо дивана. Как сразу преобразился барс! Он припал на передние лапы, завилял кончиком хвоста и широко открыл глаза.

Прыжок!

Аня дёрнула верёвочку, бумажка подлетела вверх. Барсик подпрыгнул, но не поймал. Он носился по незнакомой квартире, совсем как у себя в зоопарке.

Дети и взрослые забавлялись с ручным зверем. Преследуя бумажку, Барсик ни разу не задел стул или комнатный цветок. Полакав молока, он улёгся на диван и заснул. Его разбудили, когда настало время ехать.

В театре Барсика вместе с Аней и Джеком поместили в одной из гримировочных комнат. Он вёл себя по-прежнему спокойно. В дверях толпились рабочие и служащие сцены: такой артист был

впервые в их театре.

Первыми выступали со своими сообщениями мичуринцы и животноводы. До юннатов зоопарка очередь дошла только после перерыва.

Когда на сцену, сгибаясь под тяжестью снежного барса, вышла Аня, в зале установилась тишина. Но ненадолго. Раздались рукоплескания. Яркий свет прожекторов и аплодисменты не произвели на Барсика ни малейшего впечатления.

Потом за кулисы набились ребята, а среди них пионеры из Чехословакии. Они восхищались зверем громче всех. И тогда кому-то из юннатов пришла в голову мысль:

– Ребята, подарим нашего барса чехам!

Через несколько дней на аэродроме юннаты прощались с барсом. Вместе с новыми друзьями алма-атинских ребят он улетал в далёкую Чехословакию.

Барсёнка выпустили из клетки, и он в последний раз оказался на руках своих воспитателей. Они гладили его, угощали мороженым, просили «писать». Самая маленькая девочка-юннатка поцеловала Барсика и громко заплакала, обхватив зверя руками за шею. А он слизывал с её щёк слёзы...

Но вот Барсика водворили в клетку, где его приветствовал друг детства – подросший Джек. Только с ним вместе барс вёл себя спокойно в клетке. Пришлось отправить за границу обоих.

Заревели моторы. Самолёт разбежался по бетонной дорожке и взмыл в воздух. Ребята долго смотрели самолёту вслед, пока серебристая точка не растворилась в небе.

На родине Барсика в густых чёрных ельниках Тянь-Шаня снег был глубокий, и барсиха проваливалась на каждом шагу. Двум молодым барсам, это были брат и сестра Барсика, идти сзади друг за другом было легче, и они точно ступали в следы, оставленные барсихой. Поэтому казалось, что прошёл по снегу один зверь.

Кедровки тревожными криками с вершин елей сопровождали грозное семейство огромных кошек. Откуда-то прилетела сорока и долго испуганно стрекотала, мелькая в тёмной хвое белым как снег комочком. Даже крошечные синицы-московки тревожно пищали из глубины еловых ветвей, хотя, конечно, им барсы были не страшны.

Барсиха зло прижимала уши, морщила нос и косилась на крикливых птиц. Но она не могла заставить их замолчать.

Косули вовремя вскакивали со своих лёжек: птичий сигнал опасности они усвоили с молоком матери. Тетерева прекращали клевать хвою тянь-шаньских елей и взлетали на самые вершины. Они испуганно вытягивали шеи и косились вниз на барсов.

С такими крикливыми провожатыми звери могли брести по снегу в ельниках сколько угодно, без малейшей возможности чем-нибудь поживиться. Барсиха круто повернула вверх к заоблачным высотам. Там снега нет на южных склонах, и пасутся табунки горных козлов.

Вдруг поперёк склона встретились следы человека. Звери пошли по этим следам. Идти стало легче. Рыси и барсы часто ходят по следам людей. Так случилось и в этот раз.

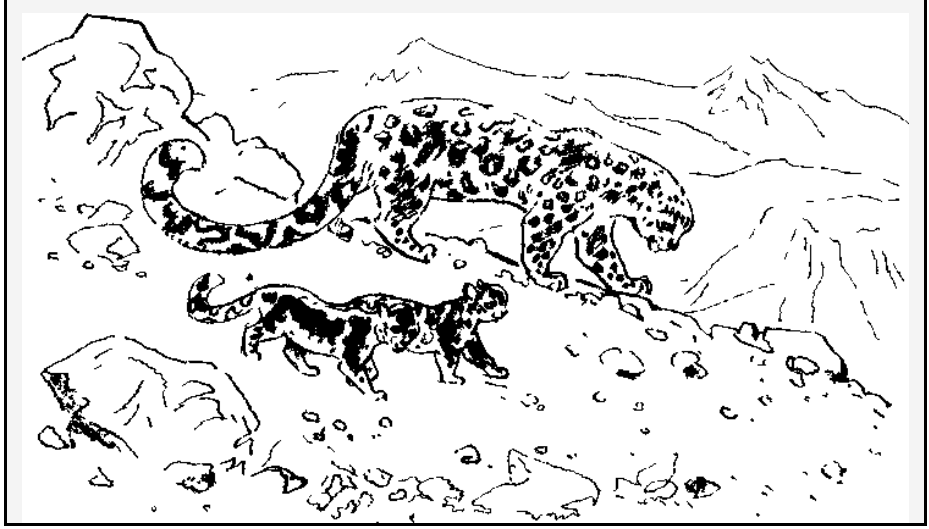
Около поваленной бурей ели, там, где недавно горел костёр, снег протаял до земли. Кругом снег утоптан. Зола в костре была ещё тёплой. Человек ушёл совсем недавно...

Вздыбив шерсть на загривке, барсиха насторожённо ходила вокруг костра. Барсята ждали, навострив круглые уши. Но вот их мать резко подняла голову – ветерок сказал ей, что где-то рядом пахнет мясом...

Это были ещё не замёрзшие внутренности убитой косули, рогатая голова и ноги. Охотник бросил их там, где снимал шкуру с застреленного им животного.

Барсы хорошо поели в этот день за чужой счёт. Но они не ушли «домой», к горным вершинам. Звериная жадность погнала их дальше по следам человека.

Между тем охотник сделал большой круг по ельникам и вышел опять на свои следы. Это был пасечник, отец Ани. Богатырского телосложения, спортсмен и охотник, он всё своё свободное время проводил в лесу. Одного взгляда опытного охотника было достаточно, чтобы он понял, кто идёт за ним. Но барсы так точно наступали след в след, что охотник подумал, будто за ним крадётся один крупный зверь. Барс был где-то недалеко.



Вытащить из заплечного мешка капкан и насторожить его под следом – заняло всего несколько минут. Проволокой охотник привязал капкан к дереву, присыпал снегом и быстро пошёл дальше.

Через час он вернулся. Отчаянные крики кедровки заставили его взять в руки ружьё и подходить ближе как можно осторожнее: кедровки зря волноваться не станут.

Там, где он насторожил капкан, что-то серело на снегу. Ещё несколько шагов, и стало хорошо видно молодого барса. Его лапа была в капкане. Зверь зашипел и закашлял при виде человека. Он рванулся навстречу охотнику, но проволока крепко была привязана к капкану и не пустила зверя.

Охотник подошёл ближе. Он не заметил, как две серых тени метнулись в гору по ельнику, и не подозревал опасности, которая ему угрожала сзади. Но барсы сами нападают на человека редко. Так и на этот раз огромными прыжками они умчались вверх по ельнику.

«Доставлю в зоопарк опять живым!» – решил охотник, повесил на сук ружьё и снял из-за плеч мешок.

Зверь басовито ворчал и яростно хлестал хвостом по снегу. Охотник ловко схватил кончик хвоста. Барс громко закашлял, перевернулся на спину и выставил вперёд когтистые толстые лапы. Даже молодой барс являлся опасным зверем. Но охотник был опытен. За длинный хвост он оттянул зверя в сторону, насколько позволяла проволока с капканом на лапе, и крепко привязал хвост к дереву. Барс оказался растянутым между двух деревьев за лапу и хвост.

«Половина дела сделана!» – подумал охотник и вытряхнул из

мешка в снег мясо косули. Ловким броском он накинул мешок на голову зверя, ослепив его. Барс бешено заревел, перевернулся на брюхо и свободной передней лапой пытался сбросить мешок. Но вдруг захрипел под тяжестью человека, упавшего на него. Связать лапы ослеплённому зверю было делом нескольких минут. С завязанной в мешке головой барс беспомощно бился на снегу. Мёртвой хваткой он вцепился зубами в мешок изнутри, и это было всё, на что он был теперь способен.

Охотник ещё раз проверил прочность связанных лап, снял капкан и сел покурить около своего пленника. В это время далеко вверху на горе, там, где была верхняя граница ельников, кричали кедровки. Там в это время барсиха и барсёнок покинули ельники и скрылись в густых арчевниках. Кедровки покричали ещё немного и смолкли.

Охотник закопал мясо в снег и поволок барса за хвост вниз по ельнику.

Вскоре из-за поворота ущелья показалась крыша пасеки. Лошадь под навесом, почуяв зверя, испуганно забилась на привязи. Скрипнула дверь, выпустив облачко пара на мороз, и на крыльце показалась женщина в пуховом оренбургском платке.

– Кого это ты приволок, отец? – спросила она, спускаясь во двор по ступенькам.

– Подойди ближе, взгляни!

Женщина подошла и всплеснула руками.

– Ну как, хозяйка, хороша кошечка? Может быть, дома будем держать? Пожалуй, всех мышей переловит!

– Как же ты умудрился барса поймать?! – удивилась женщина, разглядывая хищника. – Вот Ани-то нет, совсем как её Барсик!

– Увезу завтра в зоопарк... Помоги-ка мне его в ящик затолкать. Там я ему перережу верёвки, а мешок он тогда сам сбросит.

Так попал в Алма-атинский зоопарк молодой барс, родной брат Барсика. Но кто же мог догадаться об этом? Злой молодой хищник свирепо бросался на решётку своей клетки, если кто-либо подходил близко. О его приручении нечего было и думать.

Шло время. Лапа зажила. На обильной пище барс поправился, вырос и со временем превратился в огромного хищника. За надёжной решёткой его и сейчас можно видеть в Алма-атинском зоопарке – вечно злобного, с лоснящейся пятнистой шкурой. Он часто лежит на деревянной полке в своей клетке, свесив хвост на пол, и смотрит, слепка прищурив зеленоватые глаза, куда-то поверх толпы на аллее. По ночам он неслышно шагает из угла в угол упругими толстыми лапами опасного хищника поднебесных

вершин Тянь-Шаня.

Такой разной оказалась жизнь представителей одной семьи снежных барсов с Заилийского хребта, над столицей Казахстана Алма-Атой.

БЕГЛЕЦ

Застава пограничников в пустыне, за двести пятьдесят километров от пресной воды, была похожа скорее на место ссылки: так здесь было тоскливо поначалу. Но жизнь на заставе текла точно так же, как в любой другой воинской части.

Охрана границ, занятия, клуб, радио, самодеятельность – скучать солдатам не приходилось.

Ручной ворон был старожилом заставы. Уже несколько раз менялись пограничники, отслужив срок, а ворон всё нёс службу на заставе сигнальщиком. У него было прекрасное зрение, и он всегда первый замечал крошечную точку на горизонте в пустыне: это шёл грузовик с пресной водой.

«Крру!» – возвещал ворон на всю заставу и летел навстречу машине, тяжело разгребая крыльями горячий воздух. И тотчас же из-под навеса появлялся верблюд и лениво бежал за вороном, оставляя за собой облачко пыли.

Дневальный выходил из казармы, открывал ворота.

Первым подлетал к машине ворон с открытым клювом. За ним подбегал верблюд. Шофёр останавливал машину и, улыбаясь, наливал в ведро воды. Сначала пил ворон, потом верблюд. Такова была традиция на заставе, и пограничники никогда не нарушали её. Дальше машина шла к заставе с вороном на кабине. Следом тащился верблюд.

Но однажды возле заставы появились охотники на конях. В барханах забелели палатки. К охотникам присоединились пограничники, свободные от нарядов. В бинокль следили за горизонтом, кого-то поджидая. Всю ночь бодрствовал на вышке часовой.

Под утро первым проснулся ворон:

«Крру!»

Из-под навеса высунулся верблюд. Не машина ли с водой? Но на горизонте показался табунок диких ослов, похожих на маленьких лошадок. Это были куланы, совершавшие перекочёвку из Афганистана в Туркмению. Они легко пересекали пустыню, не испытывая жажды; передвигались прохладными лунными ночами, днём питались сочными листьями пустынной ферулы, сухими злаками и даже полубородчатой живокостью – растением,

ядовитым для других животных.

Охотникам предстояла трудная задача – отловить живых куланов для заповедника Барса-Кельмес на острове Аральского моря.

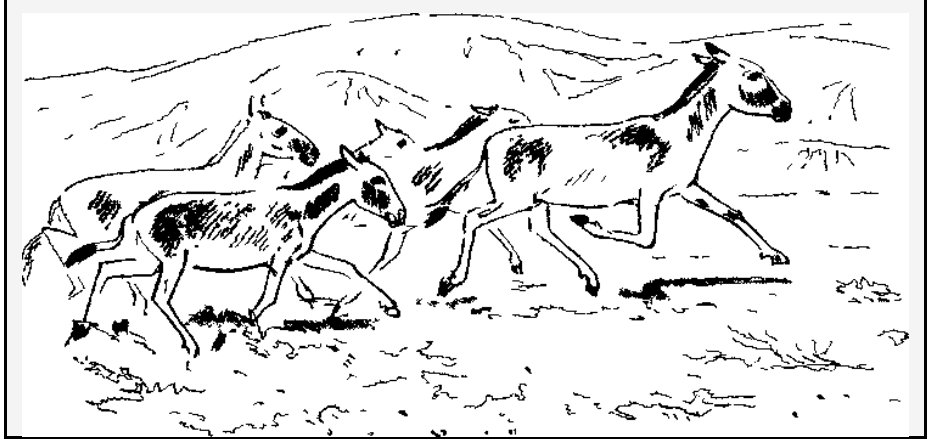
Табун куланов остановился, когда солнце поднялось высоко. Они сгрудились на сопке и опустили головы к самой земле. Начинало сильно припекать, и животные спасали головы в собственной тени.

Охотники затаились среди барханов, в зарослях саксаула, в ложбинах. Цепь засад протянулась далеко по пустыне.

Вожак куланов первый заметил всадника. Охотник мчался прямо на табунок. Вожак захрапел. Куланы подняли головы и насторожили большие уши. Только один жеребёнок продолжал весело прыгать и лягаться. Он ещё не умел бояться. В его жизни этот всадник был первым врагом.

Прижав уши, вожак оскалился и погнал табунок в глубь пустыни. Но всадник ловко заворачивал куланов в сторону первой засады. Куланы прибавили скорость. Сзади бежал вожак, зло фыркал и кусал отстающих. Лошадь под всадником вспотела и замедлила бег. Но из-за бархана выскочил охотник на свежем коне и продолжил гон. Первый всадник устало спрыгнул со взмыленной лошади и начал водить её шагом за повод, чтобы унять дыхание.

Пять раз сменялись всадники, преследуя куланов, десятки километров остались позади, а куланы скакали, всё ещё полные сил. Лишь когда сменился шестой всадник, стал отставать жеребёнок. Вожак безжалостно подгонял его. В погоню включился девятый всадник. Жеребёнок резко кинулся в сторону, увернулся от вожака и лёг у густого куста селитрянки, сунув голову в тень. Он хватал воздух открытым ртом и тяжело поводил боками. Охотник спрыгнул с лошади и без труда взял куланёнка. Теперь ему предстояла другая жизнь – на пустынном заповедном острове Барса-Кельмес.



К вечеру одна из лошадей не выдержала бешеной скачки и околела. Охотники смущённо топтались возле неё.

– Нет, так мы загоняем коней, а толку не добьёмся, – сказал старший охотник.

И вот недалеко от заставы на шестах были развешаны сети. Они растянулись в песках почти на два километра. На следующее утро возле них появились куланы.

На этот раз ловля была организована совсем по-другому. Первый всадник погнал куланов к большому бархану. Когда они были уже близко, из-за бархана с гиканьем вынеслись всадники. На несколько минут кони развили бешеную скорость. Табун куланов удалось разбить на части. Животные бросились в разные стороны и с невероятной быстротой скрылись за горизонтом. Однако одного жеребёнка удалось зажать между конями и погнать к сетям. У самых сетей третий всадник пугнул жеребёнка сзади. Обезумев от страха, он влетел в сети и запутался в них. Так был пойман второй куланёнок.

С величайшими трудностями было поймано ещё несколько взрослых куланов, и все они живут сейчас на заповедном острове.

Когда отлов куланов был закончен и охотники разъехались по домам, неожиданно был получен заказ поймать одного кулана для лондонского зоопарка. Что же делать? Не собирать же снова всех людей ради одного кулана. Вот тогда-то над большим стадом куланов в безбрежной Бодхызской пустыне повис в воздухе вертолёт. Рядом с пилотом сидел известный охотник Николай Семёнович Заморин. В руках у него было ружьё, но не совсем обычное – оно стреляло не пулями, а специальными снотворными зарядами, способными усыпить любое животное, вплоть до слона. Вертолёт снизился над табуном. Куланы рванулись вперёд.

– Вон того! – сказал Николай Семёнович.

Пилот направил машину к большому жеребцу. Счётчик

показывал восемьдесят пять километров в час. Жеребец летел быстрее ветра. Но не его ногам и сердцу было тягаться с вертолётом! Два снотворных заряда пролетели мимо. Но третий точно угодил в ляжку. Жеребец перешёл на рысь, потом на шаг. Вскоре он лёг, табун же умчался. Когда люди подошли, кулан крепко спал.

Взглянуть на редчайшее животное нашей планеты, привезённое в столицу, собрались железнодорожники товарного двора Химок.

Кулан в тесной клетке зло прижимал уши, скалился и яростно лягал доски.

Клетку подцепили краном. Она качнулась в воздухе и поплыла к разгрузочной платформе. Кулан бешено забился, стуча копытами. И случилось непоправимое. Раздался треск досок, клетка накренилась, с грохотом рухнула на платформу и развалилась пополам. Жеребец стоял на платформе совершенно свободный. Его ничто не удерживало, и он понял это раньше, чем опомнились люди. Гигантскими прыжками он бросился мимо людей, отскочивших в стороны, простучал копытами по асфальту товарного двора и унёсся за ворота.

Долго и упорно искали кулана в окрестностях Москвы. Никто из местных жителей не видел ни кулана, ни его следов. И это в густонаселённых окрестностях Химок! Кулан как будто накрылся шапкой-невидимкой.

Через несколько дней поиски прекратили. Было очевидно, что какой-то браконьер в первый же день убил животное. Куланье мясо очень вкусное и высоко ценится в Средней Азии.

Так прошла зима. О кулане давно забыли. И вдруг звонок по телефону из Химок:

– Не ваш ли зверь доедает в лесу сено путевого обходчика?

Да, это был кулан! Оказалось, он никуда не убегал. В необычной обстановке соснового леса он сразу же набежал на стог сена и остановился на полянке. Сено пришлось ему по вкусу.

Так случилось, что за всю зиму сюда не заглянул ни один лыжник, и кулан жил около стога, пока путевому обходчику не понадобилось сено.

Обнаружить кулана было только половиной дела, его нужно было поймать. Это оказалось непосильно москвичам. Пришлось из Самарканда вызвать охотника Заморина. Но и ему не сразу удалось изловить беглеца. Целый месяц он охотился за ним, пока не удалось загнать в чей-то двор на краю лесной деревеньки. Заказ лондонского зоопарка был выполнен с большим опозданием.

„ЗАВЕТНОЕ" СЛОВО

Старый семиреченский казак Иван Андреевич не отличался от сибиряков: он говорил так же кратко, добавляя знаменитое сибирское «однако», носил пышную с проседью бороду лопатой и усы в стороны, как у кота. Верил в приметы.

Утром Иван Андреевич вышел на крыльцо, взглянул на собак, помрачнел и сердито буркнул:

– Однако, сегодня не подфартит... Зря протаскаемся, обождём лучше.

Молодой охотник Евгений выругал про себя собак, неизвестно чем напугавших старика, и поплёлся домой. Специально для охоты отпросился он на три дня с лесозаготовок и вот теперь целый день прождал впустую. Старика уговаривать было бесполезно.

На следующее утро Иван Андреевич, едва взглянул в окно, молча снял ружьё со стены и стал одеваться, хотя собаки бесцельно бродили во дворе, как и вчера.

– Покров сегодня. Однако, к фарту! – Это была единственная фраза старика, пока седлали коней.

Но один час проходил за другим, а кабанов собаки не находили. Горы пестрели от ярких осенних красок. Дорога в зарослях, то поднимаясь, то спускаясь, становилась всё красивее, но ничто не радовало Евгения. Его сильно укачало в седле.

Вдруг старик резко остановил коня, нагнулся в седле и стал что-то рассматривать на тропе. Евгений насторожился, рука невольно потянулась к ружью.

Но никаких следов не было заметно. Собаки сразу занялись своими блохами. Между тем Иван Андреевич тяжело, по-стариковски, слез с коня, медленно нагнулся и поднял с тропы... жёлтый цветок одуванчика! Суровое лицо старого казака потеплело.

– Глядико-ся, паря, диво какое – цветик, однако!

– Вторым цветом цветут, – равнодушно сказал Евгений. – Осень тёплая.

– Сам знаю, а дивлюсь каждый раз. – Дед спрягал цветок в карман. – Внуку надо показать!

Сесть на высокого коня грузному старику было трудно, и он долго вёл его в поводу, пока около тропы не оказался большой камень. Иван Андреевич взгромоздился на коня. Снова охотники закачались в сёдлах, спускаясь в ложбины и поднимаясь. Евгений смотрел на широкую спину старика, удивлялся его чудачествам: одуванчику рад, а вот будет ли охота?

После полудня стало ясно, что, несмотря на Покров и добрые

собачьи приметы, ехать дальше не было смысла. Иван Андреевич обернулся в седле и сказал:

– До дому надо, однако.

– Так ведь Покров сегодня, – усмехнулся Евгений.

Старик ничего не ответил. Он испытующе посмотрел на парня, а тот успел погасить усмешку. И вдруг Евгения, охваченного отчаянием, словно бы осенило, и он брякнул ни с того ни с сего:

– А я, Иван Андреевич, три заветных слова знаю, но берегу их на чёрный день. Для вас не пожалею одно. Хотите, ещё немного проедем?

Старик недоверчиво взглянул на парня.

– Однако, валяй! – согласился он после раздумья, поверив, видимо, в силу заветных слов.

Не прошло и нескольких минут, как Тузик, бежавший впереди, навострил уши, вскинул хвост и с лаем бросился в заросли барбариса. Оттуда послышался треск, и перед всадниками выскочил кабан, перемахнул через тропу и помчался по склону. Тузик заливался лаем и не отставал от зверя. Здоровенный Бобка помчался наперерез, но, вместо того чтобы остановить кабана, бросился на Тузика, повалил и стал трепать его, словно вымещая обиду, что не он первый нашёл зверя.

Всё это произошло так быстро и неожиданно, что охотники даже не успели снять из-за плеч ружья. Евгений соскочил с коня и бросился отбивать Тузика, а старик пригнулся к шее коня и поскакал по склону, рискуя сорваться вместе с конём. Но отрезать кабана от скал не удалось: грузный зверь поднялся по камням с лёгкостью горного козла. Пока старый казак спрыгнул: с лошади да снял ружьё, кабан успел скрыться за поворотом скалы.

Конечно, после болтовни Евгения о «заветных» словах, кабан подвернулся случайно, но суеверный старик проникся уважением к парню. А тут ещё вдобавок закричал кеклик. Он вскочил на камень, за которым пряталась целая стая. Евгений свалился с коня, с ходу выстрелил. На тропу покатилось сразу три убитых кеклика, остальные шумно взлетели. Евгений засунул в сумку у седла убитых птиц и, не глядя на деда, с важным видом сказал:

– Однако, слово ещё действует.

Охотники молчали до самой станицы. Около ворот своего дома дед сказал:

– Спытаем ещё, однако, в субботу?

– Обязательно, Иван Андреевич, – кивнул Евгений.

Дома старик ни словом не обмолвился об охоте. Домашние сами не спрашивали. Всем было ясно, что охота не удалась и дед не в духе. Вечером за ужином Иван Андреевич молча похлебал

щей, встал, перекрестился и сказал, обращаясь к старшему сыну:

– Слышь, Павел, три заветных слова знает парень-то. Нынче одно израсходовали, а два ещё остались. В субботу, может, раскошелится.

– Навряд ли, батя. Прибережёт на чёрный день, – сказал Павел совершенно серьёзно. Домашние посмеивались над суеверием и приметами деда, но вида не подавали, чтобы не обидеть.

– Кто его знает, спробуем. – И дед полез на полати.

В пятницу вечером Евгений приехал с лесозаготовок. Его отпустили на охоту без всяких сроков – лишь бы привёз мяса. Бригада лесорубов жила на одном хлебе и картошке: машина из города с продовольствием где-то задержалась.

Утром дед снял с гвоздя и надел свою старую казачью фуражку с жёлтым околышем времён первой империалистической войны и вышел на крыльцо.

«Неужели опять собакам поверит?» – с тревогой думал Евгений.

Но Иван Андреевич вернулся бодрым и стал одеваться, коротко бросив через плечо Евгению:

– Собирайся, паря!

Через час были уже далеко от дома. Тропа в горах всё время поднималась, виляя в зарослях елей, берёз и осины. Первый морозец «ошпарил» траву, она полегла и ломко хрустела под ногами коней.

Чёрный тетерев с шумом взлетел прямо из-под носа собак и взгромоздился на вершину ели. Он вытягивал шею, заглядывая вниз. После выстрела Евгения тетерев комом упал, пересчитывая ветки.

– К фарту, однако, – одобрил старик и строго добавил: – А словцо-то береги, зря не расходуй по-пустому.

– Что? – не понял Евгений.

– Слово-то береги!

– А, да, конечно, Иван Андреевич! – вспомнил Евгений о своей шутке. Сказать деду правду – не поверит, крепко обидится и вернётся домой.

К вечеру приехали к трём огромным елям, росшим от одного корня. Им было лет по триста, а то и по четыреста. Большое дупло у корней одной из них было кладовой деда. Не один десяток лет он прятал здесь на охоте продовольствие и припасы. Дупло было плотно прикрыто трёхпудовым камнем с выпуклым боком. Этой выпуклостью камень плотно входил в дупло и запирал его, как дверью.

Камень отвалили. В сухом дупле лежали спички, котелок,

топор, чашки и другое таборное имущество. Только теперь Евгений понял, почему дед ничего этого не взял с собой из дома. Развели костёр и стали варить тетерева на ужин, почти всё время молча, без лишних слов. Чёрное небо сверкало бесчисленными крапинками звёзд. Луна взойдёт около одиннадцати, был ещё запас времени, и охотники, поужинав, легли отдохнуть: безлунный, тёмный вечер хорош для кабанов, но совершенно непригоден для охоты на них. Под монотонный лошадиный хруст овсом и крики лесной совы Евгений задремал...

– Айда, паря! – разбудил дед.

Луна только что поднялась из-за гребня горы и ярко осветила южный склон, на котором виднелись даже отдельные камни, зато северный склон весь утопал в непроглядной тьме.

Не торопясь, ведя коней в поводу, охотники пошли тропкой по дну ущелья. Собаки рыскали в стороне, вдруг совсем близко залаяли из ельника на северном склоне.

– Вяжи коней, а сам сверху валяй! – скомандовал старик. – А я тут перехвачу в случае чего. – И он показал на дно ущелья.

Евгений быстро привязал лошадей и стал взбираться по крутому склону среди елей, чернеющих в темноте. Лай доносился из одного места. Значит, кабан не убежал. Весь мокрый, с шапкой в руках, задыхаясь до хрипоты, Евгений поднялся выше собачьего лая и остановился, чтобы сбить дыхание. Кабан не слышал его шагов, занятый собаками. И тогда, передохнув, Евгений осторожно начал спускаться.

На поляне, залитой лунным светом, чёрным стогом высилась ель. Под низко нависшими ветвями стоял кабан и громко клацал клыками. Временами он ухал и бросался на одну из собак, но та отскакивала, а вторая наседала сзади. Кабан оборачивался, тогда опять нападала первая. И так всё время. Но кабан ни разу не выскочил из-под нависших ветвей.

Евгений стал осторожно подбираться к ели. Когда он вышел на свет луны, собаки увидели его и сразу осмелели. Бобка с лаем бросился прямо под еловую гущу. Кабан выбежал на поляну и кинулся вниз, увлекая за собой собак. Он давно заметил человека и с удивительной точностью побежал, закрываясь елью и оставаясь вне выстрела. Пока Евгений отбежал в сторону, кабан скрылся. Не прошло и минуты, как оглушительный выстрел прокатился по горам, и всё стихло.

«Что если дед промахнулся и кабан свалил его?» – тревожно думал Евгений, сбегая вниз. Но дед, ярко освещённый луной, сидел на туше убитого наповал кабана, прикладом отгоняя собак. Старый охотник правильно определил, куда побежит зверь. А промахов он ещё не знал, несмотря на свои семьдесят лет.

– Сподобил господь. Давно этаких агромадных стрелять не приводилось!

Дед спустился к ручью, умылся и гребешком расчесал усы и бороду.

Погрузить тяжёлого кабана было не просто. Лошадь храпела, пятилась, и подвести её к туше зверя оказалось невозможно. Евгений с одной стороны, дед – с другой, тянули упрямое животное, громко кричали и понукали, но лошадь была сильнее.

В изнеможении Евгений сел передохнуть на тёплую тушу зверя.

– Ишь, язви её! – ворчал дед, садясь рядом. – Умаяла, варначка, однако, начисто!

Отдохнув, Евгений снова подошёл к лошади. Она вся напряглась, захрапела и прижала уши. Карие глаза, сверкавшие отсветами луны, казались злыми. Евгений ласково стал уговаривать её тихим голосом, всё время поглаживая. И странное дело: лошадь тяжело вздохнула, вся сразу как-то расслабла и позволила подвести себя к кабану.

Старик с удивлением смотрел на Евгения и на лошадь, сразу ставшую послушной.

– А что, паря, надысь одно словцо спользовал, а теперь второе срасходовал, однако?

– Нет, Иван Андреевич, то всё первое слово действует, а другие ещё в запасе! – бойко соврал Евгений, не моргнув глазом.

– Смотри-ко сила в нём какая! – удивился старик.

Поднять кабанью тушу на лошадь двоим оказалось не под силу. Тогда завели коня в узкую, глубокую промоину, как в коридор, и привязали. Кабана волоком стянули к промоине и верёвкой заволокли на лошадь.

Всю ночь охотники шли по тропе к станице и вели лошадь. Собаки бежали сзади. Луна поднялась высоко, и на тропе была видна каждая былинка. В горах то и дело раздавался рёв маралов. Где-то там, в глубине ельников, дрались рогачи из-за самок. Усталости охотники не чувствовали. Удача подняла настроение. Но под утро лошадь стала то и дело спотыкаться: многопудовая туша зверя надавила ей спину. Евгений повёл лошадь под уздцы.

Поднялось солнце, и охотники вышли на дорогу. Когда до станицы оставалось рукой подать, сзади послышался шум машины. Грузовик поравнялся с охотниками и остановился. Открылась дверца, и раздался весёлый возглас:

– Батя, кладите кабана-то, довезу! – Это ехал сын старого казака.

– Пошёл, пошёл, Пашка, что пристал! – Честолюбивый дед непременно хотел привезти добычу в станицу сам, чтобы все

видели.

Павел нажал на газ и погнал машину. А дома разговор его с женой был краток, как все разговоры в этом доме.

– Видал их? – спросила жена.

– Недалече уж.

– Везут?

– А то нет!

Жена схватила самоварную трубу и стала готовиться к встрече: ей всё было ясно.

ПОД ТРОПОЙ АРХАРОВ

Горы Джунгарского Алатау тянутся вдоль государственной границы, а отроги их кончаются недалеко от Алма-Аты. Это край непуганых зверей – оленей, архаров и медведей, и на охоту сюда приезжал даже какой-то иностранный принц, большой любитель редкостных рогов.

О кладбище архаров в этих горах я услыхал от геологов. Они обнаружили его в верховьях речки Бурха севернее Джаркента. И вот мы с проводником, старым казаком из Семиречья, покачиваемся в сёдлах, пробираясь берегом горной речки Бурха. Я имею при себе лицензию на отстрел крупного архара, чучело которого я должен изготовить для Международной выставки.

За весь день езды не встретилось ни одного посёлка или пасеки. Кругом густые ельники, не знакомые с топором, высокое разнотравье в сырых местах скрывало проводника на коне. Всё, как сто, а может, и тысячу лет назад...

Ночевали мы у костра на берегу, устроившись под ветвями огромной тянь-шаньской ели, способной задержать воду даже в самые сильные дожди. Дереву не менее четырёхсот лет. Кто знает, может, оно впервые на своём веку приютило людей под собой. Остатки нашего костра теперь послужат «визитной карточкой» для будущих путников.

– Чуть свет надо быть на месте, – сказал проводник и лишил меня сна до полуночи: я никак не мог уснуть, воображая встречу с архарами, которых, по его словам, будет «сколь хочешь».

А может быть, заодно удастся разгадать тайну их кладбища? Хотелось поговорить, но старый казак как лёг на потник, подложив под голову кожаную подушку от седла, так сразу и заснул. Забылся я лишь перед рассветом. Мне показалось, что я только что уснул, а казак уже тряс меня за плечо:

– Пора, однако, вставать! Не опоздать бы!

Ещё не рассеялись сумерки, когда мы уже были на месте.

Остановились за скалистым мысом.

– Ихняя тропа вон там, – сказал проводник, показывая на отвесную скалу над ущельем. – Здесь и подождём.

Лежать за камнем пришлось долго. Солнце осветило вершины Джунгарского Алатау, а у нас на дне ущелья было холодно и сыро от росы. На каменистых россыпях закричал петушок-кеклик. Красавица синяя птица села неподалёку от нас и стукнула о камень небольшим османчиком, пойманным в заливе. Заинтересованный, я подался вперёд, но птица заметила нас, вскрикнула и улетела, оставив рыбку на камне.

– Как бы зверя не спугала, – проворчал старик.

Однако синяя птица не испугала архаров. Не прошло и минуты, как проводник толкнул меня локтем: на обрывистой тропе, высоко над нами, спокойно шла архарка, а за ней семенил ягнёнок. Только когда животные скрылись за поворотом скалы, я заметил внизу груды костей и много мощных рогов. Это и было кладбище архаров, о котором я слыхал от геологов.

Новый толчок в бок – на тропе появились два молодых архара. И они спокойно прошли по тропе, не подозревая о нашем присутствии. Ещё раз мимо прошли две архарицы с ягнёнком.

И вдруг вот он! На тропе показался старый архар с огромными рогами. Вряд ли представится ещё раз такой случай. Я поднял карабин над камнем, поймал архара в прицел, но, волнуясь, не учёл близкого расстояния и взял выше, чем надо. Пуля громко шлёпнула в скалу над самой его головой. Звук выстрела покатился по горам, угасая, а красавец архар бросился вперёд по тропе, соря вниз камешками. Вот и поворот скалы, сейчас зверь скроется за ним. Я лихорадочно ловлю его вторично на мушку, но не успел нажать на спуск, как тропа на скале опустела – архар исчез, не добежав до поворота. Глухой удар тяжёлого тела о камни всё объяснил: архар сорвался с тропы... Когда мы подбежали, он был уже мёртв.

– Понял теперь, откуда здесь кладбище? – спокойно спросил проводник. – Рожища-то пудовые...

– Ну и что?

– Как – что? Тропа узкая, рожища-то царапаются по стене. Если спокойно идёт, то и проходит, а побежит, где узко, рогом о стену ударит, рог его и столкнёт. Каждую зиму бьются здесь, когда за своими красавицами гоняются.

Фотографирование, измерения, снятие шкуры, засолка и упаковка заняли много времени.

Проводник сходил за лошадями, сварил обед, а я ещё возился со шкурой.

После обеда я слазил на тропу. Карниз был так узок, что я побоялся пройти по нему и только издали мог рассмотреть кое-где царапины от рогов на стене.

Я с трудом преодолел в себе желание остаться здесь ещё на одну ночь и окончательно убедиться в правоте слов старого казака. Но ценнейший экспонат мог испортиться, и мы тронулись обратно. А я дал себе слово, что при первой же возможности ещё раз побываю здесь.

СТАРЫЙ СЕКАЧ

Лунную ноябрьскую ночь табунок диких свиней проводил на берегу залива Балхаша. В густых зарослях тростника свиньи чувствовали себя в полной безопасности: даже за несколько метров их невозможно было заметить. Ни один враг не мог подобраться сюда – так громко хрустел сухой тростник. Всходы его торчали как свечи, и кабаны с треском ломали их и ели.

С первыми холодами многое начинало решаться в жизни диких свиней. У кабанов наступила пора яростных драк из-за права быть хозяином стада.

Вызывающе задрав хвост, молодой кабан впервые в жизни стал перед старым секачом и загородил собой свиней. Он взъерошил щетину на загривке, сердито зачавкал и застучал белыми, ещё не загнутыми клыками. Это был рискованный вызов с его стороны.

Старый секач удивлённо, предостерегающе загудел. Он выставил жёлтые загнутые клыки и натопорщил огромные мохнатые уши, порванные в драках с соперниками. Дыбом встали щетина и хвост. Вызов молодого нахала был принят. Старик был вдвое тяжелее, и за плечами у него опыт многих боёв, в которых он не знал поражений.

Соперники враз бросились друг на друга. Могучим ударом длинной морды старик легко отбросил молодого кабана, тот кубарем полетел в тростник. Но молодость и вёрткость были на

его стороне. Не успел старый секач повернуться, как получил сильный удар клыком в заднюю ногу. Резкая боль привела его в ярость. Грозно ухнув, секач, как танк, пробил заросли, опрокинул противника и стал наносить ему удар за ударом жёлтыми клыками. С поросячьим визгом молодой кабан обратился в позорное бегство. Право старого секача быть вожаком оказалось и на этот раз непоколебленным.

В коротком поединке молодой кабан отделался только синяками. Если бы старые секачи имели не загнутые, а такие же прямые клыки-ножи, как у молодых кабанов, вряд ли подрастала бы смена – весь молодняк погибал бы в первом в их жизни поединке.

На шумный бой кабанов свиньи и поросята не обратили ни малейшего внимания. При свете луны они спокойно вспарывали почву упругими рылами и чавкали корневищами тростника.

Прошло несколько дней. В Семиречье неожиданно наступила сильная оттепель. «Бабье лето» обмануло своим теплом некоторые чересчур доверчивые яблони, и они, несмотря на ноябрь, стали покрываться цветами, как весной. В ущельях гор кое-где зацвела черёмуха. На южных склонах застрекотали кузнечики и кобылки, а в горных ельниках забормотали по-весеннему тетерева. Но дни были короткие, а ночи длинные, как и полагалось им быть в ноябре.

На днёвку табунок диких свиней залегал в густых зарослях тростников. Животные дремали на солнце, и только мохнатые уши пошевеливались и были всё время настороже. Не спалось лишь старому секачу. Молодой кабан, как оказалось, нанёс ему глубокую рану в заднюю ногу. Волки и собаки зализывают свои раны. Но дикие свиньи гибкостью не отличаются, они неповоротливы, как брёвна, и не могут достать языком до больного места.

Шли дни, а рана у старого секача не заживала. Даже во сне он чуть слышно жалобно взвизгивал.

Над самым ухом секача зажужжала муха. Секач замотал головой и сел по-собачьи на зад, упершись передними ногами в землю. Муха продолжала гудеть над головой. Секач тяжело встал и пошёл, прихрамывая, по зарослям. Вскоре треск тростника затих под его ногами.

Секач долго шагал в одном направлении, никуда не отклоняясь, как по хорошо знакомой дороге. Открытые места он пробегал трусцой. Один из заливов Балхаша высох за лето, и на земле белыми пятнами выступила соль. Секач грузно рухнул на белое пятно и громко взвизгнул от резкой боли. Соль, как огнём, жгла рану, но кабан, визжа, всё крепче прижимался к солёному

пятну.

Стоны секача разносились далеко окрест. Забыв осторожность, нестерпимо болезненным способом старое животное «засаливало» рану. Это была единственная возможность спастись от мух. В жаркое время года мухи быстро откладывают яички в открытые раны, там выводятся личинки, и тогда мучительная смерть может скосить животное даже от пустячной царапинки, разъедаемой личинками. Впрочем, в ноябре мух уже не было, только оттепель разбудила немногих из них.

Визг секача привлёк внимание волчицы, однако она сразу поняла, что визжит не поросёнок, а могучий секач и он ей не под силу. Волчица спокойно положила голову на вытянутые передние лапы и чутко задремала. Дикие животные прекрасно понимают голоса друг друга.

Две сороки прилетели на визг, уселись на землю. Они долго стрекотали, взмахивали хвостами и перепрыгивали с места на место около секача. А он страдальчески визжал, но продолжал курс лечения, «рецепт» которого получил по наследству от предков.

Соль и морозы медленно сделали своё дело. Прошло два зимних месяца, и рана затянулась. Но хромота осталась на всю жизнь – клыком было повреждено сухожилие на задней ноге.

Всё это время секач бродил один; он окреп, и у него появилось желание найти свой табунок. Ночью секач выбрался из заломов в гуще тростниковых зарослей и пошёл, проваливаясь по колено в снегу.

Долго брёл секач. Дикие свиньи куда-то откочевали, пока он болел. На рассвете он свернул в густые заросли тростников и стал устраиваться на дневную лёжку. Он подрыл клыками осоку и тростник, сгрёб их под себя, сделал в середине углубление и улёгся туда, как в мягкую постель. Кончик морды он сунул в пучок сухой осоки – в «носогрейку», как называют её охотники. Так основательно, по-хозяйски секач устроился на дневной отдых. Осоку и тростник он рвал не как попало, а так, чтобы очистить доступ к лёжке солнечным лучам. Зима перевалила за вторую половину, и солнце приятно припекало. От северного ветра кабана защищала высокая стена тростника.

К вечеру секач снова отправился в путь. Он вышел на открытое место и вдруг почуял резкий волчий запах. Щетиня на загривке поднялась дыбом, хвост поднялся торчком. Волки были близко: сзади чуть слышно похрустывал тростник. Секач бросился вперёд через заломы, и сразу же по его следу с визгом понеслась волчья стая.

Укус в больную ногу заставил секача на всем ходу

затормозить и обернуться. Он грозно застучал клыками. Волки отскочили назад и затаились. Но вот опять зашуршал тростник – это звери окружали секача. Он попятился в густой залом тростника, спрятал туда зад и снова звонко зацокал клыками. Маленькие глазки сверкали от бешеной ярости, белая пена клочьями падала на передние ноги. Волки забегали перед секачом. Их было пятеро против одного, но секач был опасен. Измученные голодом, они жадно вдыхали запах горячего живого тела, облизывались, нетерпеливо взвизгивали, но ни один не решался броситься первым. Секач следил за каждым движением и был готов к защите.

Но случилось неожиданное: молодой волк зло огрызнулся на толкнувшего его соседа и на миг оглянулся назад. Этой оплошности оказалось достаточно – секач бросился вперёд с поразительной для его веса стремительностью. Зазевавшийся волк высоко взлетел над тростниками и с воплем рухнул вниз. Секач же снова спрятал зад в залом.

Волков осталось четыре против одного, но они становились всё настойчивее. Не спуская глаз с добычи, они перебегали с места на место. Тростник вокруг был поломан и смят. И вот решающая минута... Словно сговорившись, волки бросились на секача с двух сторон. Тот, что прыгнул справа, на полтуловища опередил в воздухе волка, прыгнувшего с другой стороны. С неуловимой для глаза быстротой длинное клыкастое рыло секача мотнулось влево и вправо – волки, как мячики, отлетели в тростник. Зато другая пара – волчица и молодой волк – успели

вцепиться в шею секача. Но зубы ударились о ткань, упругую, словно броня, и сорвались. Волки отскочили с поджатыми хвостами. Секач опять занял оборону. В это время в зарослях жалобно взвизгнул молодой волк. Он корчился там, тяжело раненный. Волки бросились на него и разорвали в клочья. Жадно, не жуя, давясь от спешки, они глотали мясо своего собрата вместе с шерстью.

Секач тем временем был уже далеко. Волки не погнались за ним. Полная луна озаряла тростниковые заросли. Мороз усиливался. Прихрамывая, секач бежал, поскрипывая снегом. Схватка с волками обошлась для него благополучно. Но вот чуткий слух уловил далёкий хруст тростника. Опять волки? Секач замер. Мохнатые уши его приподнялись, ловили малейшие звуки. Но там, впереди, кто-то тоже остановился и слушал. Только от ветра слабо шелестел тростник. Секач медленно двинулся вперёд. Тяжёлое животное высоко поднимало ноги и вертикально опускало их, скользя по зарослям, как привидение. Впереди раздался чуть слышный шорох. Кто-то шёл на сближение. Оба зверя старались подойти друг к другу с подветренной стороны. Прощупывание продолжалось недолго. Впереди оказался такой же старый секач-отшельник. Кабаны мирно разошлись каждый своей дорогой.

В ложбинке, занесённой снегом, секач сделал привал. Под метровой толщиной снега почва не промерзала, и секач до утра вспарывал мордой землю и чавкал корневищами тростника. Сытый, он забрался в густые заросли и устроился на дневную лёжку.

Утром охотник за ондатрами Абрахман набрёл на место, где ночью кормился кабан. Снег был перемешан с землёй. Всё кругом было истоптано, валялись огрызки тростниковых корневищ. Конечно, кабан залёг где-то недалеко и ночью опять придёт сюда. Подкараулить его и застрелить в лунную ночь будет легко. У Абрахмана с кабанами были старые счёты. Они не раз съедали пойманных в капкан ондатр и даже ухитрялись вытаскивать из воды вентеря, разламывали их и съедали рыбу. Охотник торопливо зашагал к своей избушке на берегу протоки, чтобы подготовить всё к охоте.

Солнце едва начало опускаться за тростник, а охотник с ружьём в руках уже был около места, где ночью кормился секач. В дохе из собачьего меха, рукавицах и валенках охотнику мороз был не страшен.

Абрахман хорошо знал привычки кабанов. На место вчерашней кормёжки секач подойдёт из-под ветра. Охотник устроил засаду в таком месте, где ветерок отнесёт его запах в

сторону. Он тщательно притоптал тростник, чтобы не шуршал при малейшем движении.

Солнце опустилось за горизонт. Стая ворон пролетела мимо и долго кричала и ссорилась на ночлеге в тростниковых заломах. Семейка ремезов – тростниковых синиц – тонко пропищала в зарослях и стихла в гнезде-рукавичке, подвешенном на тростниках. Ремезы на Балхаше ночуют в гнезде всю зиму, как ни одна из наших птиц.

Охотник терпеливо ждал.

Сытый секач поздно поднялся с лёжки и долго сидел по-собачьи на своей постели, лениво прислушиваясь. Потом встал, встряхнулся и уверенно пошёл к месту вчерашней кормёжки.

Абрахман услышал потрескивание тростника. Он вскинул ружье. Ярко, словно по заказу, светила луна. Стрелять можно наверняка. Но шорох вдруг прекратился. Секач стоял и слушал. Охотник не двигался. Не шевелился и секач. Мороз стал пробираться охотнику за воротник. Затекла нога. Но Абрахман терпел...

Наконец раздалось тяжёлое похрустывание тростника. Охотник облегчённо вздохнул. Но секач пошёл не на него, а по кругу. Ветер тянул сбоку, и не в привычке секача было подходить к месту кормёжки, не проверив носом, нет ли опасности. И конечно, запах человека долетел до него сквозь тростники. Громко ухнув, секач бросился в сторону через заломы. Но не промчался он и нескольких сотен метров, как в упор набежал на небольшое стадо диких свиней. Это было его стадо! Испуг секача сразу прошёл Он резко остановился, крутя хвостом. Свиньи, дружелюбно похрюкивая, окружили его.

Вдруг сильнейший толчок в бок сбил на землю старого секача. Молодой кабан занимал его место вожака в стаде. Старик вскочил, но больная нога подвела, и кабан опять опрокинул его. Избитый секач был отогнан от стада, а молодой кабан вернулся к свиньям, ухая от возбуждения.

Долго старый секач трясся от ярости и бессилия перед молодым вожаком. Он стоял в зарослях, переступал с ноги на ногу и не решался приблизиться к табуну. А свиньи спокойно двинулись дальше, подошли к засаде охотника и, похрюкивая, стали рыться в снегу. Вскоре они вышли на освещённую луной поляну. Абрахман поднял ружьё и прицелился в самого крупного кабана. Белые клыки поблёскивали при луне, и зверь казался совсем чёрным. Пучок тростника мешал охотнику прицелиться под лопатку зверю. Он ждал удобного момента, чтобы нажать на спуск. Между тем кабан повернулся к охотнику задом и стал удаляться. Тогда охотник перенёс прицел на ближайшую крупную

свинью. Она рылась на открытом месте, и луна хорошо освещала её. Сверкнул огонь, и выстрел распорол морозную тишину ночи.

Свиньи в ужасе заухали, бросились в заросли, набежали на старого секача и увлекли его с собой. В густых, непролазных зарослях стадо остановилось. Едва свиньи перевели дух, как молодой кабан бросился на секача и опять прогнал его.

Несколько ночей после этого старый секач брёл за стадом, боясь приблизиться. На днёвку он ложился под ветром, чтобы всё время ощущать запах свиней. От внезапного нападения волков табунок имел теперь надёжный заслон – секач вовремя предупредит их и примет первый удар на себя.

Морозы ещё в начале зимы сковали льдом реку. Но за зиму вода спала, и в одном месте около берега лёд повис в воздухе. Тростниковые заросли поддерживали этот хрупкий ледяной мост. По нему и направилось стадо диких свиней. Сбоку под ветром шёл старый секач, весь в синяках и царапинах от побоев молодого вожака.

Старая свинья благополучно прошла первой по ледяному мосту, запорошённому снегом. Прошлогодние подсвинки простучали копытцами за ней. Но молодой вожак стада был тяжелее свиньи и подсвинков, его вес оказался для него роковым. С громким треском лёд рухнул под ним, кабан заухал где-то под ногами у свиней, и те бросились в разные стороны.

Долго кабан пытался выпрыгнуть из пролома. Морда его несколько раз показывалась наверху, но силы его убывали, прыжки делались реже и меньше.

Сколько времени бился в ледяной яме кабан, неизвестно. Волчья стая обнаружила его едва живого. Волки без всякого страха попрыгали в яму и прекратили мучения кабана. Сытые, они едва выбрались обратно. Доедать остатки пришли на следующую ночь.

Старый секач опять стал вожаком стада. Однако в начале новой зимы снова начнутся яростные драки, и старого наверняка прогонит молодой, сильный кабан. И секач до конца своей жизни будет жить отшельником.

ОЛЕНИЙ ВОЛК

Вечерело, когда мы с егерем спустились на конях в ущелье и решили переночевать на берегу горной реки. На поляне с густой травой, уже прихваченной первыми заморозками, мы расседлали коней, спутали их и отпустили, а сами стали устраиваться под тянь-шаньской елью.

Стояла тишина, нарушаемая лёгким шумом воды. Спутанные кони спокойно паслись на поляне. Егерь хлопотал у костра. Вдруг кони захрапели, навострили уши, косясь на край поляны, где из травы торчали сухие белые ветви. Что-то непонятное испугало коней. Егерь взял карабин и пошёл вперёд.

В траве лежал ещё свежий труп марала. Рога животного торчали как сухие ветви. На боку зияли две запёкшиеся раны – аккуратные, словно бы от точных ударов. Трава кругом была смята и выбита до земли. Видно, недавно произошёл смертельный поединок двух оленей-самцов. Но странными казались глубокие раны: неужели они от ветвистых рогов?

– Не иначе как браконьер, – сказал егерь. – Увидал нас – и тикать...

– Везде вам чудятся браконьеры, – улыбнулся я.

– Отчего же нет? Бывают, знаете, случаи: сцепятся маралы рогами, оторваться не могут, тогда подходи и бери их хоть голыми руками. Ну, видать, браконьер услыхал нас и скрылся, одного только успел пристукнуть, а другой марал отмотался кое-как и удрал...

Я пожал плечами. Догадки егеря казались не очень правдоподобными. Почему браконьер пощадил второго марала? И откуда у него клинок, чтобы нанести такие глубокие раны? Ясно было одно: марал-соперник таких ран нанести бы не смог.

Мы сняли шкуру с оленя, разрубили на части мясо и перетащили к месту привала. Поужинав, мы влезли в свои спальные мешки. Горные леса затихают, как только скроется солнце. Осенние ночи в горах удивительно беззвучны. Только речка дышала рядом, и перезвон воды о камни словно бы куда-то звал.

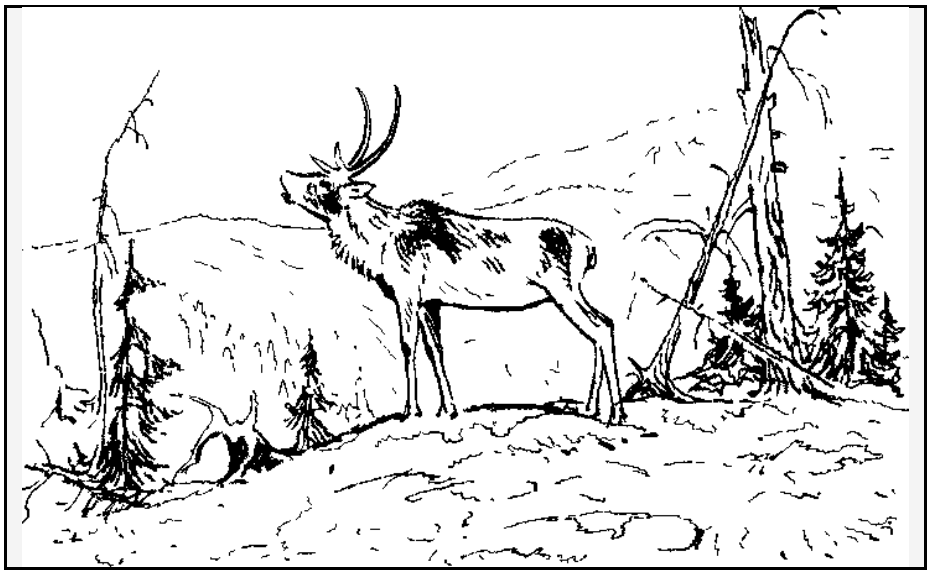
– Слышь... – всполошился вдруг егерь и толкнул меня локтем. – Ревёт!

Над нами, далеко вверху, раздался трубный звук. Это ревел марал, вызывая на бой соперника. Потом надолго затихло, и опять слышно было, как журчит по камням вода. Я повернулся на бок, собираясь заснуть, но тут вдруг снова протрубил марал, уже много ближе.

– Как бы на нас не набежал.

Но слова егеря прервал рёв другого марала, и на этот раз так близко, что мы невольно вздрогнули. Тут же послышался топот ног и стук рогов.

– Дерутся, – прошептал егерь.



Шум драки, однако, быстро стих. В темноте недалеко от нас пробежал марал, направляясь вверх, а вскоре с перевала донёсся его призывный рёв, но вызов остался без ответа. И опять тишина... Но куда исчез соперник?

Рассвет не балует теплом, а осенью особенно. Егерь развёл костёр, повесил чайник, а мне ещё долго не хотелось вылезать из теплого спального мешка...

Через час, навьючив мешки с мясом на коней, мы уже поднимались вверх по ущелью.

– Интересно, где же они всё-таки вчера дрались? – спросил егерь, оглядываясь по сторонам.

Долго ехать нам не пришлось, кони вдруг остановились и захрапели. Перед нами, как и вчера, лежал труп марала-самца. И снова такие же глубокие, чуть не сквозные, раны. Сомнений не было: убийцей был марал, который ночью пробежал мимо нас. Но как он убивает? Не рогами ж??

С тремя егерями мы несколько дней обследовали все ближайшие ущелья и нашли ещё труп марала-самца. Опять всё кругом было истоптано и носило следы яростной схватки, а на трупе такие же удары «копьём».

Разделившись, мы прослушивали по ночам сразу несколько ущелий. Но никто из нас не слышал брачного рёва самцов-маралов. Видимо, все они были истреблены ,в этом районе.

Решили попытать счастья в последний раз. Едва сгустились сумерки, мы оседлали лошадей, чтобы разъехаться по ущельям.

Как назло, один из егерей никак не мог поймать свою лошадь. Она порвала путы и не давалась. Мы долго гонялись за ней верхами и поймали её уже в полной темноте.

И вдруг высоко в горах прозвучал рёв марала. Мы бросили лошадей, пробежали по ущелью и залегли в ельнике перед поляной. Один из егерей поднял трубу, ответный рёв «марала» прозвучал в ущелье. Егерь проделал это мастерски. И сейчас же, словно эхо, с вершин ущелья раздался ответ.

Теперь нужно было выждать. Ночную тишину беспокоил только тихий шелест ельника от верхового ветерка. Он уносил наш запах вниз, и марал не мог нас почуять. Томительно долго тянулись минуты ожидания. Егерь снова протрубил «вызов» на бой.

Ответный рёв раздался на этот раз совсем близко от нас, и почти вслед за ним послышался топот. Марал мчался галопом прямо по ельнику. Он выскочил на поляну и остановился, озираясь по сторонам. Вместо светлых ветвистых рогов на голове у него были какие-то палки, рассмотреть их было невозможно из-за темноты. Несомненно было одно – это был олень-убийца. Нельзя терять ни мгновения.

Егери выстрелили залпом, и олень рухнул как подкошенный. Эхо выстрелов ещё катилось по ущелью, замирая вдали, а мы уже бежали к маралу. Он лежал не шевелясь. Свет электрического фонарика скользил по голове. Так вот оно в чём дело. Вместо обычных ветвистых рогов торчали два оголённых рога – длинных и острых, как шпаги. Вся шерсть на его голове слиплась от запёкшейся крови соперников. Марал колол их одного за другим.

– Вот тебе и раз! – вздохнул один из егерей, присев на корточки возле марала.

А другой, закуривая, сказал:

– Природа хитро придумала, что дала им ветвистые рога, а то бы давно перекололи друг друга...

На кордоне отец одного из егерей, старый охотник из Забайкалья, рассказал нам, что у них в горах очень редко, но встречаются, неизвестно отчего, взрослые маралы с рогами без ветвистых отростков. Во время драк они насмерть закалывают противников. Охотники в Забайкалье не жалеют времени и сил, чтобы застрелить такого урода. Значит, и в Джунгарском Алатау завёлся такой же олений волк.

– В семье не без урода! – закончил старый охотник.

СПАСИТЕЛЬНЫЙ ЛЁД

Охотник возвращался верхом по заснеженным лугам реки Или. Солнце уже садилось, и он поторапливался, чтобы поспеть домой до темноты. В тугаях кричали фазаны. В соседнем тростнике попискивали синицы. Пронеслось несколько серых сибирских ворон, прилетевших зимовать на юге Казахстана.

Вдруг лошадь остановилась и насторожила уши. Охотник повернулся в седле и увидел крупного кабана. Тот медленно брёл по лугу, опустив длинное рыло к земле, и скрылся в прибрежных тростниках замёрзшего озера.

Охотник переждал немного и поехал дальше. У стога, мимо которого прошёл секач, в снегу была торная тропа. Значит, кабан ходит здесь постоянно.

Стог – удобное место для засады, и на следующий вечер, задолго до наступления сумерек, охотник спрятался в нём около кабаньей тропы. Одноствольное ружьё было заряжено круглой пулей – кабан должен пройти близко и бить можно наверняка.

Ранние сумерки сменила долгая морозная ночь. В чёрном небе высыпали яркие звёзды. Холод пробирал до костей. Охотник крепился, но в конце концов не выдержал и заворочался, громко хрустя сеном. Вероятно, кабан услыхал эту возню и прошёл стороной. Домой пришлось вернуться ни с чем... Однако через несколько дней охотник снова приехал к стогу. На тропе были свежие следы. Значит, секач по-прежнему ходит здесь. Охотник отвёл коня подальше, привязал его к дереву, вернулся к стогу и зарылся в сено. Ветерок тянул от тропы, и кабан не учует его.

Спустя какое-то время послышалось ржание коня. Охотник вспомнил, что не успел покормить его. Вылез из засады и привёл коня к стогу, привязав его с противоположной от тропы стороны. Конь захрупал сеном, охотник же снова взобрался наверх.

Не прошло и десяти минут, как на тропе появился кабан. Огромный, чёрный, с большими белыми клыками, он казался страшным. Лучи солнца у самого горизонта освещали зверя как-то снизу и делали его ещё крупнее.

Лошадь у стога захрапела. Кабан остановился и задвигал мохнатыми ушами, нюхая воздух. Вот он снова двинулся по тропе. Лошадь заволновалась опять. Тогда секач свернул с тропы и скрылся в тростниках. По треску и качанию вершинок легко было понять, что кабан пошёл в обход и на свою тропу выйдет, находясь уже за пределами выстрела.

Времени терять было нельзя! Охотник соскочил на землю и подбежал к тростникам. Кабан перестал трещать: он прислушивался. Человек затаился...

Так прошло несколько минут. Наконец кабан, видно, успокоился и двинулся вперёд. Охотник крался у самой кромки

зарослей, но зверя не видел в густом тростнике. Через озеро проходила санная дорога, и если секач не изменит направления, то непременно выйдет на неё.

Так оно и получилось – вскоре закачались вершинки тростников и чёрная туша зверя высунулась из зарослей.

Выстрел щёлкнул сухо и коротко – было слышно, как пуля шлёпнулась о тушу зверя. Кабан громко ухнул, развернулся на выстрел и бросился прямо на охотника по санной дороге. На беду, патрон застрял и перезарядить одностволку не удалось. До стога было далеко, и кабан, клацая клыками, быстро приближался...

Плохо соображая, что делает, охотник схватил ружьё за ствол и замахнулся прикладом. Но в нескольких шагах кабан вдруг повалился на бок – на дороге оказался скользкий лёд. Кабан вскакивал, но тут же ноги его разъезжались, и он опять падал.

Охотник бросился к стогу, с ходу взлетел на него, как петух на насест. Лошадь храпела и билась. Со стога было видно, как секач медленно выбрался в тростник и скрылся. Отдышавшись и придя в себя, охотник выбросил наконец из затвора патрон, зарядил другой, слез со стога и с ружьём наперевес двинулся вслед за кабаном. Однако странно – секача не было слышно в тростнике. Может, он затаился? Вдруг охотник увидел тушу, распростёртую в зарослях. Кабан был мёртв. Значит, первая пуля не прошла мимо и сделала своё дело. Однако неизвестно, что могло бы произойти, если бы не спасительный лёд...

В КАМЕННОЙ ЛОВУШКЕ

Декабрьская оттепель сменилась внезапным морозом. Густой туман окутал ущелья. Склоны у подножия хребта Турайгыра мрачно нависли над равниной, как крепостная стена.

Охотник Петренко поднимался вверх по крутому ущелью. Сто метров, а дальше ни зги не видать от тумана. С каждым шагом подъём становился всё круче и круче. Петренко расстегнул куртку и понёс шапку в руках. Поворот ущелья, остановка, ружьё в руки, осторожный взгляд за угол: не видны ли горные козлы?

И вот она, удача: два красавца рогача за поворотом стояли на дне ущелья и смотрели на него, подняв головы. До них не более полусотни шагов. Охотник выстрелил, и в тот же миг козлы исчезли в тумане. Только шорох камешков ещё слышался из бокового узкого ущелья.

Охотник подбежал к месту, где стояли козлы. Крови не было. Не мог же он промахнуться на таком расстоянии! Если один из

них ранен, то он далеко не уйдёт. И Петренко пошёл по следам в боковое ущелье. Оно оказалось крутым – пришлось взбираться на четвереньках.

Ущелье перегородила отвесная скала. Её, пожалуй, не обойдёшь, но сверху послышался шорох козлов, и откуда только силы взялись – исцарапав в кровь руки, Петренко взобрался на уступ.

Но козлы успели подняться ещё выше. А вскоре новая стена встала на пути. Она была значительно выше первой. Петренко постоял, размышляя: не спуститься ли вниз? Но над верхним краем стены метнулись две тени, и азарт сделал своё – Петренко снова полез вверх.

На середине подъёма оказалась крошечная площадка. Петренко остановился передохнуть и огляделся. Вверху и внизу скала исчезала в тумане, и он стоял словно бы в середине облака, отрезанный от мира. Мелькнула тревожная мысль: а как же спускаться? Ведь подниматься всегда легче. Не вернуться ли, пока не поздно? Но козлы где-то близко над головой. Опасения забыты, и вот охотник снова карабкается вверх...

Поднявшись на скалу, Петренко долго не мог прийти в себя. Сердце бешено стучало, руки и ноги тряслись от напряжения, рубашка стала мокрой от пота. А чуть впереди третья скала на пути. Она оказалась непроходимой. Совершенно отвесная, без единого уступа, отполированная ветрами до блеска, она грозно перегородила узкое ущелье, и Петренко сдался. Ругая козлов на чём свет стоит, он решил спускаться. Вот она, вторая стена. Она круто обрывается вниз, растворяясь в тумане. Нечего и думать спускаться здесь – сорвёшься и полетишь как камень. Долго ходил охотник по краю уступа вправо и влево, пока окончательно не стало ясно – спуститься негде. И ещё этот проклятый туман – чувствуешь себя, как слепой.

Неприятный холодок пробежал по спине. Стали мёрзнуть руки. В душу закралось сомнение: а удастся ли выбраться из этой ловушки? Околеешь, и никто тебя не найдёт...

Ещё и ещё раз Петренко прошёлся по краю отвесной стены. Сгоряча он не приметил места, откуда взобрался сюда, и теперь спускаться наугад было равносильно самоубийству.

Холод пробирал до костей; как назло, в ущелье не росло ни кустика, чтобы развести костёр. Мокрый от тумана, Петренко сел на камень, чувствуя, как им овладевает безразличие и вялость...

Однако что это у него с глазами? Уж не снится ли ему? Петренко вскочил и протёр глаза – перед глазами словно раздвинулась пелена. Да, туман сделался реже! Вот уже площадка под стеной. Надежда вернула силы. Вялости как не бывало. Редея,

туман поплыл вверх, снизу же потянуло тёплым ветерком. Однако и теперь, когда уже ясно виднелось подножие скалы, спускаться было невозможно. Как это он всё-таки умудрился подняться сюда?!

Далеко в долине виднелся посёлок. От труб поднимались едва заметные дымки. В одном из домиков ждут его, и нетерпение овладело охотником...

Можно было спуститься по боковому обледенелому склону, ухватившись за куст барбариса, а там ровная площадка и спуск в соседнее ущелье, совсем не крутое. Петренко ещё раз тщательно осмотрел отвесные стены ущелья. Без тумана всё теперь было хорошо видно.

– Ну, с богом!..

Он разбежался, заскользил по склону, упал на бок, растопырил руки и в отчаянном рывке схватился за куст. Колючий куст затрещал, раздирая руки в кровь. Петренко не чувствовал боли – извиваясь на льду, напрягая все силы, он подтянулся и перевалился на площадку. Он долго лежал без движения, а перед закрытыми глазами, словно гигантская карусель, крутились скалы, кусты и клочья тумана...

ВОЛЧОК ИЗ БЕТПАК-ДАЛЫ

Кругом на сотни километров безлюдная пустыня Бетпак-Дала. Глинистая почва только кое-где покрыта сизоватой полынкой. Редкие кустики тамариска с нежно-розовыми цветущими веточками далеко видны среди безбрежной равнины. В понижениях белеет соль и похрустывают красноватые сочные солянки, немного похожие на северные хвощи.

Кажется, что никто не может жить в безводной пустыне.

Не журчат здесь ручьи, но их заменяют жаворонки. Они весело распевают в воздухе, за сотни километров от воды. Этим птичкам достаточно влаги в их пище – насекомых. Крупные дрофы-красотки так же не пьют, как и саксаульные сойки, черепахи, тушканчики и многие другие обитатели пустыни.

Вдали кто-то свистнул. Вот свист ближе, ещё ближе, и теперь видно, как перед своими норками встают колышками зверьки, похожие на сусликов. Это песчанки. Они волнуются и пищат не случайно – мимо них крупной рысью бежит с тремя песчанками в пасти облезлая, худая волчица с набухшими сосками.

Громко предупреждая друг друга об опасности, песчанки ныряют под землю перед самым носом волчицы и опять осторожно выглядывают из норок, когда она пробегает дальше.

Так они передают сигнал тревоги от одного поселения песчанок до другого. Волчица не может застигнуть зверьков врасплох.

Но вот она скрылась из виду, и опять всё кругом кажется безжизненным. Только стремительные пустынные ящерицы перебегают иногда от одной пустой норки до другой, прячась в спасительной тени, да крупные жуки-чернотелки не спеша проползают по своим делам, далеко выделяясь на сером фоне чёрными сросшимися надкрыльями, которым никогда не суждено раскрыться: у них нет крыльев, а жёсткие надкрылья – это их броня, предохраняющая от испарения.

Песчанки опять тревожно запищали: вдали снова показалась волчица. Ровной быстрой рысцой она пробежала мимо, не обращая внимания на зверьков, и скрылась за небольшими буграми. Конечно, у неё где-то далеко есть волчата, это для них она ловит и носит песчанок.

За далёкими буграми волчица перешла на шаг и поползла. Но и здесь песчанки заметили её и тревожно запищали. Тогда волчица притаилась за куртинкой полыни.

Прошло немало времени, пока песчанки успокоились и стали отбегать от норок всё дальше и дальше. Нежные кончики ветвей саксаула около затаившейся волчицы привлекли двух песчанок. Вдруг лёгкий шорох – и зверь серой тенью метнулся на песчанок, отрезав им дорогу к норкам. Лязг зубов – и с двумя зверьками в пасти волчица потрусила опять по равнине, а за ней снова писк песчанок.

Из-под корявого поваленного ствола саксаула навстречу волчице с радостным визгом выскочило пять волчат. В пустыне волки не всегда роют норы – здесь нет дождей и нет врагов, от которых волчатам надо прятаться, а небольшая ямка-логово возле песчаного бархана служит волкам прекрасным жильём.

Ещё громче «приветствовали» волчицу песчанки – их здесь было множество. Но волчица убегала за добычей подальше, оставляя для подрастающих волчат нетронутыми богатые охотничьи угодья.

До позднего вечера волчица носила песчанок своим щенятам.

Короткие южные сумерки сменила тёмная ночь. На чёрном небе высыпали звёзды. Песчанки попрятались до утра в норы.

Улеглась и волчица около своих волчат. Всё семейство серых разбойников уснуло в логове. Тихо взвизгивают и чмокают волчата во сне, да время от времени старая волчица приподнимает голову с насторожёнными ушами и жадно нюхает воздух. В безлюдной пустыне волки ведут дневной образ жизни.

Едва скрылось солнце, как пустынные тушканчики стали головками выталкивать из норок песчаные пробки. Зверьки

появлялись в сумерки там, где днём, казалось, не было ни малейших признаков жизни.

Выскочив из норки, тушканчики мгновенно исчезают, как бы растворяясь в густых сумерках позднего вечера, только цепочки следов утром могут рассказать о таинственной ночной жизни этих крошечных песчаных эльфов. Лишь когда полная луна заливает пустыню сказочным голубоватым светом, можно видеть стремительные игры тушканчиков. Они гоняются друг за другом, мелькая белыми кончиками длинных хвостиков, неожиданно бросаются в стороны, перепрыгивают друг через друга, кружатся, и всё это в мёртвой тишине, без малейшего шороха, как привидения, – настолько легки эти удивительные создания. Под утро тушканчики искусно затворяют изнутри «двери» в свои норки песком и весь день будут спать, свернувшись клубочком, в гнезде прохладного подземелья.

Посапывая и громко хрустя пойманными жуками-чернотелками, торопливо бегают по ночам колючие ёжики. Им некого здесь бояться. Даже пустынные сычи не нападают на них, предпочитая ловить беззащитных тушканчиков.

Волчата растут не по дням, а по часам. С каждым днём старой волчице всё труднее прокормить маленькими песчанками своё ненасытное потомство. Волчата ещё долго беспомощны, хотя уже и гоняются с азартом за песчанками, правда без толку. Немало ещё пройдёт времени, пока волчата научатся незаметно подкрадываться к ним или терпеливо караулить их около нор, как это делает старая волчица.

Зоологическая экспедиция раскинула лагерь около родника, недалеко от волчьего бархана. Чудесный весенний вечер уже сменялся ночными сумерками. Закончив ставить палатки, зажгли первый костёр на новом месте. Заря быстро гасла. С каждой минутой делалось холодней. Пение жаворонков и посвистывание песчанок смолкли. Но в тёмном небе, казалось под самыми звёздами, всё чаще и громче раздавались знакомые голоса диких уток и куликов. Заканчивался их массовый весенний пролёт. Птичьи стаи пересекали пустыню точно на северо-восток. По их крикам можно было ночью определить страны света.

Утром два студента-зоолога отправились в первую экскурсию. Всюду саксаульники были сильно повреждены песчанками. Эти пустынные грызуны объели кончики ветвей саксаула на большой площади. Местами саксаульники обратились в сухие, мёртвые заросли.

– Смотри, волк! – показал один из студентов в сторону большого бархана.

И в самом деле, худая крупная волчица выскочила из-за

бархана навстречу людям. Это было неожиданно для неё и для них. Со всего разбега она остановилась, взрыв песок и сразу бросилась в сторону. Как бы спохватившись, волчица вдруг захромала на одну из задних ног, а затем и на переднюю. Так, ковыляя и непрерывно оглядываясь на людей волчица медленно скрылась в зарослях саксаула.

– Вот досада – не взяли ружья! – воскликнул студент.

– Это она от волчат отводит, хромой притворяется! – ответил другой. – Место для логова самое подходящее родник рядом и масса песчанок. Идём её следом, откуда она пришла.

Следы на песке легко привели людей к бархану с волчьим логовом у подножия.

Услышав шаги, волчата радостно махая хвостикам! и скуля, выскочили навстречу людям. Но чужой запах мгновенно вздыбил шерсть на загривках, а по белому оскалу крошечных, ещё молочных зубов было видно, что малютки готовы постоять за себя. Только один волчонок вилял хвостиком и не скалился.

Волчата были настолько ещё безопасны, что студенты одного за другим спокойно брали их за шиворот и совали в рюкзак...

В лагере волчат поместили в пустой фанерный ящик. Они забились в угол и сверкали оттуда зубами. Но убитых песчанок и разведённый молочный порошок в чашке съедали с дракой, как только их оставляли одних.

Совсем иначе себя вёл один из них. Стоило подойти к ящику, как он вставал на задние лапки, скрёб стенку, скулил и отчаянно вилял хвостиком. Невероятно, но он просился на руки к людям! Это было настолько удивительно, что все едва дождались возвращения в лагерь начальника экспедиции. Он был опытный зоолог, и к нему наперебой полетели вопросы молодёжи.

– Я знаю несколько таких случаев, – сказал зоолог, беря в руки волчонка. – Один из семи молодых хорьков, выкопанных из норы около Новосибирска, тоже оказался совершенно ручным, а его братья и сестры были невероятно дики и злы. Этот хорёк жил у меня на квартире вместо кошки два года и был очень забавен. Молодая куница в Заилийском Алатау спустилась из горных ельников, зашла на кордон «Правый Талгар» к моему знакомому леснику Бурову и стала просить подачку со стола. Семья Бурова в это время ужинала. Эта ручная куница несколько лет потом жила в Алма-атинском зоопарке. Я очевидец этих случаев. Но объяснить эти факты зоопсихология пока не может...

Волчонок бегал из палатки в палатку, ко всем ласкался и раздулся шариком от подачек, которые ему давали. Ни разу он даже не подошёл к ящику, где сидели его братья и сёстры.

Наступил вечер. После ужина все разошлись по палаткам и,

лёжа, молча слушали голоса перелётных птиц в тёмном небе, расцвеченном звёздами. Чем становилось темней, тем всё громче скулили и скреблись волчата в фанерном ящике, не давая никому уснуть.

– Отнесите ящик с этими чертенятами подальше от палаток! – раздался, наконец, раздражённый голос начальника экспедиции из глубины спального мешка, куда он забрался с головой, спасаясь от шума.

В это время удивительный волчонок мирно спал в одной из палаток, вздрагивая во сне, повизгивая и подёргивая лапками.

Утром все проснулись раньше обычного от громкого возгласа шофёра:

– Товарищи, волчат в ящике нет!

Около ящика крупные волчьи следы были хорошо заметны. Ясно, что волчица ночью перетаскала куда-то волчат.

По следам волчицы бросилось несколько человек, на бегу заряжая ружья.

Более километра следы были хорошо заметны на песке. Ровная цепочка ямок бесконечным пунктиром уходила вдаль по прямому направлению от лагеря. Тут же рядом песок был взрыт через метровые промежутки – это волчица прыжками возвращалась к лагерю за следующим щенком.

Но вот следы зверя вышли на гладкий, твёрдый такыр[1]. На нём не осталось не только следов волчицы, но и следов автомашины, которая накануне прошла здесь. Такыр тянулся далеко, от него в сторону отходили другие такыры.

Волчица искусно использовала твёрдую, как асфальт, поверхность такыра: погоня вернулась в лагерь ни с чем! Навстречу людям, виляя хвостиком, бросился волчонок, словно радуясь их неудаче.

Никто не догадался, что старая волчица перетащила волчат в первую ночь совсем недалеко от лагеря. Пробежав по такыру несколько сот метров с волчонком в зубах, она круто свернула в сторону и через километр сунула своего щенка под куст тамариска на крошечном песчаном островке среди такыра. Сердито зарычав, она заставила волчонка притаиться, а сама во весь дух кинулась обратно к лагерю за следующим.

Волки не способны считать. Волчица перенесла четырёх, в ящике их больше не оставалось, и это было для неё достаточно, чтобы успокоиться.

На следующую ночь волчица перетащила волчат ещё дальше от лагеря. Она устроила для них логово, расширив и углубив один из выходов старой лисьей норы. Напуганные и замученные переброскими, волчата первое время на «новоселье» были вялыми

и тихими. Но скоро оживились. У входа в нору начались безудержные игры и возня.

Песчанок кругом здесь было много. Но волчата быстро росли, и, как волчица ни старалась, из-за каждой песчанки стали возникать драки голодных волчат. Пищи не стало хватать.

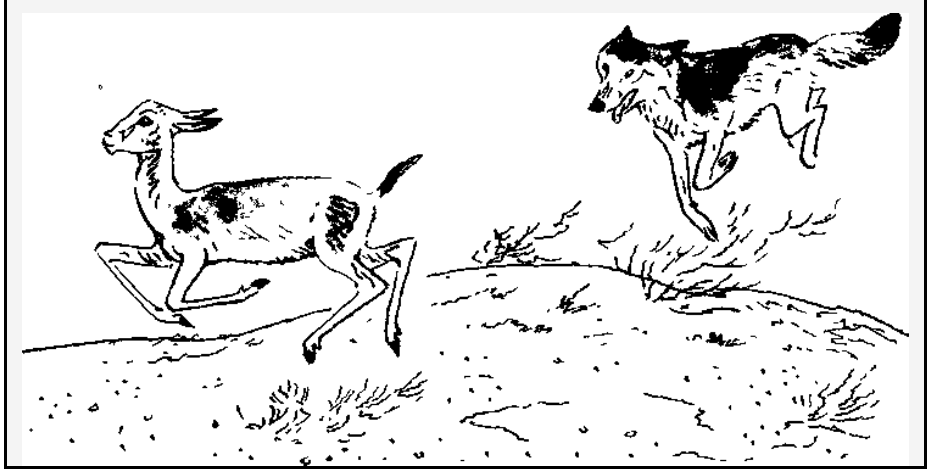
Волчья семья в пустыне живёт строго по «графику»: не стало хватать песчанок и меню волчьего обеда изменилось – на смену песчанкам пришли новорождённые джейранята. Всюду начался окот самок джейрана, и волчица переключилась на новую добычу.

Вот она бежит против ветра всё дальше и дальше от своего логова. То и дело она увлажняет нос языком: это помогает ей держать направление точно против ветра.

Чутьё задолго предупреждает волчицу: впереди, где-то за кустами тамариска, пасётся джейран. Волчица неслышно крадётся, припадая к земле. Но осторожное животное вовремя замечает врага. Лёгкими прыжками изящная газель понеслась в сторону. Громко простучали её копытца по сухой земле. Волчица бросилась за ней. Какая бессмыслица! Разве может волк-тихоход догнать джейрана? Легконогое животное скачет всего вполсилы, а волчица готова выскочить из шкуры. Высунув язык, она упорно гонится за недосягаемым. Вскоре бока волчицы стали раздуваться, как кузнечные мехи. Мчаться в полуденную жару, да ещё по сыпуче глубокому песку для неё нелёгкое дело.

Самка джейрана скачет по огромному кругу, в котором лежат джейранята. Испуганный топот матери – сигнал опасности, и они послушно распластались на земле, вытянули шеи и даже полузакрыли свои большие чёрные глаза.

Вот уже третий круг делает самка джейрана с волком позади. Если бы она бежала прямо, то уже далеко увела бы врага, а затем могла легко оставить его позади и скрыться, припустив изо всех сил. Но самка всё кружит и кружит, рискуя в любую минуту навести волчицу на джейранят. В конце концов этим и кончается беспроигрышная игра для волчицы. До неё долетает по ветерку запах джейраненка. Зверь бросился туда, рванул зубами, и всё кончено. Джейраненок спал так крепко, что ничего не слышал. Его сон сразу сменился смертью. У самки джейрана остался теперь только один джейраненок, и то лишь потому, что они притаились порознь и одного из них волчица не заметила.



Долго лежала волчица около своей жертвы, слизывая кровь, пока её дыхание не пришло в норму, а затем поволокла джейраненка к своему логову.

Время идёт, волчата быстро растут. Им уже не хватает и джейраненка, чтобы насытиться, а о песчанках и говорить не приходится. Всё дальше убегает волчица за джейранятами, да и они подросли, и многие из них легко убегают от волчицы.

Но на смену джейранятам подходят тысячные стада сайгаков. Они идут с зимовок в песках Муюн-Кумов и с берегов реки Чу к далёким северным степям Сары-Арка. Вместе со взрослыми бегут весёлые маленькие сайгачата.

Теперь, когда подошли стада сайгаков, волчья семья сыта по горло. Волчица забегает вперёд табунков сайгаков и затаивается. Животные, ничего не подозревая, идут вперёд к северу, мелко семеня тонкими ножками и на ходу срывая траву. Горбоносые, несуразные на вид, они стремительны, как ураган, и могут мчаться со скоростью восьмидесяти километров в час – быстрее не только всех наших зверей, но даже и многих птиц. Быстрота бега помогла сайгакам перешагнуть через тысячелетия и сохраниться до наших дней со времён мамонтов.

Но это, однако, не спасает сайгака от волчицы, когда она вскакивает в нескольких шагах от него из-за кустика боялыча. Внезапный ужас охватывает животное, и оно несколько мгновений беспомощно топчется на месте – этого вполне достаточно для волчицы... Так и мы иногда, неожиданно увидав под ногами мышь или змею, даже раздавленных, непроизвольно топчемся на месте и машем руками.

Настало время вместе с сайгаками уходить к северу и волчьей семье. Волчата уже настолько подросли, что могут покинуть своё логово и сделаться «пастухами» сайгачных стад.

* * *

Две недели лагерь экспедиции находился около родника.

Маленького зверёныша назвали Волчком. Он всюду следовал за людьми во время работы в пустыне. Щенок то и дело бросался на песчанок, но получал только струйку песка в жадно открытую пасть от задних лапок зверька, когда тот исчезал в норе. Приходилось ловить песчанок и давать волчонку. Больше двух песчанок он не мог съесть и, раздувшись, устало плёлся за людьми, сразу утратив ко всему интерес. Стоило остановиться – и Волчок тут же валился на песок и засыпал. Нужно было его будить, прежде чем идти дальше.

Иногда над уснувшим волчонком потешались: люди ложились за куст тамариска и бросали в Волчка фуражкой. Щенок просыпался, зевал и медленно поворачивал лобастую голову вправо, но там никого не было. Энергично голова поворачивалась влево – и там никого нет! Тогда он быстро вскакивал, поджимал хвост, озирался, приседая на задние лапы, и вдруг с жалобным визгом принимался носиться взад и вперёд – он искал людей. А когда находил, неподдельный щенячий восторг невольно вызывал смех.

Устроить запруду на роднике было нетрудно. Члены экспедиции каждый вечер стали купаться. Волчок тоже послушно лез в воду за людьми, когда его звали. Плавал по-щенячьи, хлюпая передними лапами.

Хлеб Волчок ел, смешно гримасничая, долго жуя и кроша на мелкие кусочки. А сырое мясо торопливо и жадно глотал большими кусками, почти не жуя.

Большеголовый, с толстыми непослушными лапами и голубоватыми глазками, Волчок сделался любимцем всех участников экспедиции.

Работы около родника закончились. Однажды утром палатки были убраны, и всё имущество экспедиции погрузили на машину. Последний осмотр места лагеря – и начальник экспедиции сел в кабину вместе с шофёром.

– Поехали!

Машина вздрогнула, качнулась и плавно двинулась вперёд, набирая скорость.

Волчок послушно сидел на коленях начальника экспедиции. Он присмирел и собрался в упругий комочек. Насторожив ушки, тревожно смотрел вдаль, чуть слышно иногда повизгивая.

А навстречу летели родные просторы пустыни. С ветерком машина проносилась по «асфальту» такыров и с рёвом всползала на песчаные гребни. Всё чаще стали встречаться щебнистые

участки почвы. И к вечеру пески и барханы низовий реки Чу сменили бескрайние просторы, покрытые сизоватой полынкой и щебнем.

Начальник экспедиции с интересом следил за волчонком. Хвостик его был засунут между задних лапок и словно прилип к животу. Временами волчонок вздрагивал и как-то по-особенному взвизгивал, словно хныкал. Казалось, крошечное животное понимало, что покидает свою родину. Впрочем, вечером на ночлеге Волчок как ни в чём не бывало резвился около костра в незнакомой чужой местности.

К городской жизни волчонок привык быстро. Держали его на цепочке в саду. Вечером после работы с ним ходили гулять. Только первые дни волчонок поджимал хвост и жался к ногам, когда встречал пешеходов. А потом не стал обращать внимания ни на людей, ни на машины. Но если ветер начинал гудеть проводами, волчонку становилось страшно.

Собаки при встрече поджимали хвосты, дыбили шерсть на загривках и перебегали на другую сторону улицы с каким-то не то виноватым, не то обиженным видом. Все они выросли в городе и никогда не встречались с волками, но запах зверя воскрешал в них безотчётный страх перед волками, унаследованный от далёких предков, живших около человека тысячи лет.

Волчок быстро рос и мужал. К осени он сделался красивым, стройным молодым волком с пышной шерстью, но был всегда ласков и весел.

Соседский щенок Лори подружился с волчонком. Оба длинных висячих уха Лори были как бы приспособлены для того, чтобы Волчок мог трепать их, и они всегда были мокрыми после возни двух щенят. Они играли друг с другом до полного изнеможения и тут же валились и засыпали непробудным сном.

«Деликатность» Волчка удивляла всех. Лори бесцеремонно вырывал лучшие куски прямо изо рта волчонка, хотя и был слабее и меньше ростом.

Жил Волчок на цепи около конуры, но относился к этому собачьему домику с полным пренебрежением и ни разу туда не залез. Даже во время осенних дождей он предпочитал спать под открытым небом, свернувшись кольцом и подостлав под себя пушистый хвост.

Наступила зима. Лобастая голова Волчка с пушистыми бакенбардами, полукруглые уши и опущенный хвост издалека отличали его от собак. Но странное дело: он продолжал оставаться ручным и ласковым не только с людьми, которых хорошо знал, но и каждому незнакомому человеку приветливо махал хвостом.

Во время прогулок по улицам Волчок вызывал споры у встречных прохожих. Внешний вид Волчка ясно говорил, что на цепочке по тротуару ведут волка. Но его поведение и добрый взгляд светло-карих глаз вызывали сомнение, и воникал спор. Заканчивался он одним и тем же вопросом:

– Скажите, пожалуйста, это волк или собака?

– Волк.

Встречные шарахались в сторону.

Наступила весна. Пора было ехать в экспедицию, на этот раз на Дальний Восток. Взять с собой Волчка было невозможно. Его отдали на звероферму серебристо-чёрных лисиц. Там он просидел на цепи всё лето.

Надо было видеть не только восторг, а прямо-таки дикую радость Волчка, когда за ним приехали осенью хозяева! Он прыгал, визжал, лизался, стараясь попасть горячим языком прямо в лицо, и бешено носился по двору, гремя цепью.

Наступила вторая зима. Волчок оставался прежним – ласковым и кротким зверем. Только сделался более уравновешенным и «солидным». Он так величественно и красиво ложился на диван, когда его заводили в квартиру, что рука невольно тянулась к фотоаппарату.

Характер Волчка оставался по-прежнему миролюбивым.

Ничего не стоило научить его возить санки. Он вёз их с азартом за город во время зимних воскресных экскурсий вместе с вязанкой лыж и рюкзаков. Это вызывало нестерпимую зависть у встречных мальчишек.

За ремень от его хомутика держались двое лыжников, и он вёз их во весь дух, свесив язык и распугивая встречных спортсменов. На одну из зимних экскурсий взяли в лес приятеля Волчка Лори. В бору их спустили со сворок. В течение двух часов Волчок ни на шаг не отставал от собаки. Куда бы ни побежал сеттер, волк следовал за ним как тень. Всю зиму после этого Волчка отвязывали в лесу, и он никуда не убегал от людей.

Крупный двухгодовалый волк среди заснеженного бора был хорошим объектом для натурных съёмок фотографов-любителей.

Однажды на крутом повороте лесной просеки Волчок в упор наткнулся на корову – её гнала к речке на водопой дочка лесника. Никто не успел опомниться, как Волчок, взрыв снег лапами, бросился прямо под ноги своим хозяевам, поджав хвост и подняв шерсть на загривке. Он испугался никогда не виданного животного.

Во вторую свою зиму Волчок приоделся, как настоящий франт. Длинная пушистая шерсть на щеках напоминала баки господина прошлого века. Подбородок и кончик длинного хвоста

были чёрными. На спине выделялось тёмное пятно. Хвост никогда не поднимался выше спины, но движения его были как у собаки: при испуге он поджимал его, при радости размахивал вправо-влево, а когда обнюхивал незнакомый предмет, приседал немного на зад, прижимая уши, а кончиком приопущенного хвоста быстро махал вправо и влево.

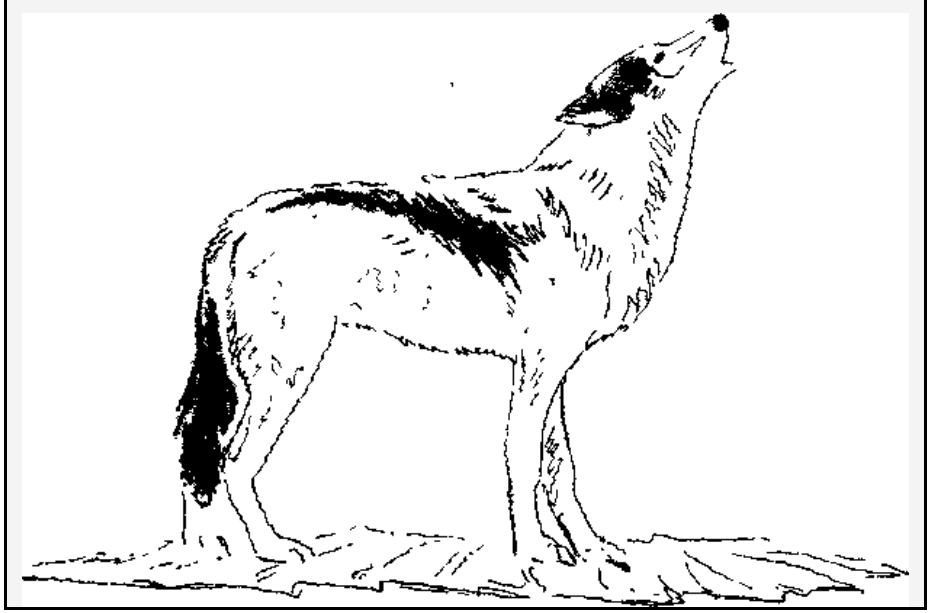
Благодарил за ласку Волчок по-своему. Он легонько чесал зубами руку или ногу человека – «искал блох», или валился на спину, поднимая лапы, и принимал позу полной беззащитности; а если в это время ему чесали живот, то он мог лежать так сколько угодно.

Несколько раз Волчок отрывался и вместе с цепью убегал за ворота. Но соседи легко подзывали его и приводили обратно. К концу зимы не только соседи по улице, но и в соседних кварталах знали, где живёт совершенно ручной волк.

Как сторож двора Волчок никуда не годился – он ласкался к каждому человеку.

Двухгодовалый красивый зверь был настоящим певцом, и не «любителем», а «профессионалом». Чтобы показать гостям способности Волчка, нужно было издавать голосом протяжные звуки высокого тона. Волчок немедленно вылезал из-под стола, где он любил лежать, и начинал скулить, а потом и «петь». Подняв морду, он «запевал» очень высоким тенором, а затем переходил на баритон и заканчивал басом. При этом Волчок приходил в сильное беспокойство. Однако стоило его поласкать, как он успокаивался и укладывался опять под стол на свой хвост.

Однажды зимой с Волчком произошла неприятность. Во время прогулки по городу его решили угостить кусочками; свежего мяса около ларька. Волчок обожал сырое мясо. Хватая на лету нарезанные кусочки, волк с жадностью схватил и проглотил случайно оброненную женскую кожаную перчатку, в которой находилось два рубля пятьдесят копеек серебром. Но тяжёлая горсть монет не вызвала у него никаких перемен. Шли дни, а волк, как всегда, был весел и приветлив.



Наступила весна, и начались сборы на летние работы в пустыню. На этот раз Волчок был тоже участником экспедиции.

Вот и просторы Бетпак-Далы. Тот же родник и лагерь экспедиции около него, как два года назад, недалеко от песчаного бархана, под которым родился Волчок. Но около бархана нет больше волчьего логова. Старая волчица навсегда бросила это место, после того как люди унесли её волчат. Мало ли других подходящих мест в пустыне для устройства логова...

Первые шаги Волчка в пустыне были очень робкими. Вытянувшись и поджав хвост, он обнюхивал незнакомые предметы. Около лагеря было множество песчанок, и охота на них была быстро освоена Волчком. Он засовывал морду в норку по самые уши и что есть силы с шумом выдыхал воздух в глубь норы. А сам быстро вскидывал голову и озирался по сторонам. Если песчанка находилась близко, она испуганно выскакивала на поверхность по другому выходу и попадала в зубы волка. Он глотал их не жуя, как пельмени. Но чаще фырканье не выпугивало зверьков. Тогда начиналась осада. Волк ложился около норки, положив морду на вытянутые передние лапы, и терпеливо ждал, когда напуганные песчанки успокоятся и вылезут сами.

Кто научил его этому? Ведь точно так охотились его мать и все его предки. Волчок унаследовал эти навыки от них.

Через несколько дней Волчок перестал ловить песчанок около лагеря, стал убегать по утрам далеко от палаток и охотиться только там. К полудню он являлся с раздутыми боками и заваливался спать в тени палатки. И опять эта привычка добывать

корм подальше от «дома» передалась ему по наследству, хотя никаких «врагов» он, конечно, не мог привлечь к лагерю экспедиции, охотясь около него. Но волк относился к лагерю как к своему логову со щенятами.

Так прошло около недели. Никто не опасался, что Волчка подстрелят охотники во время его завтраков песчанками: на сотни километров кругом в пустыне не было ни одного человека.

Однажды утром Волчок, как обычно, убежал охотиться за песчанками. Люди в лагере заканчивали завтрак и готовились к дневным работам. В это время высоко в небе раздался рокот пропеллера. Небольшой двукрылый самолёт сделал круг над лагерем, спикировал, сбросил вымпел и взмыл. Покачав крыльями, самолёт развернулся и полетел обратно.

Сброшенная записка была краткая, как телеграмма:

«Германия начала войну. Даю час на сборы. С предельной скоростью возвращайтесь в город».

Знакомая, властная роспись директора института, подкреплённая печатью, заканчивала приказ.

Все забегали, засуетились, мешая друг другу. Раньше чем через час имущество было погружено на машину. Люди сели, не было только Волчка. Но ведь он вернётся не раньше полудня – не ждать же его несколько часов! Машина умчалась вдаль. Поднятая пыль осела. Волчок остался один на своей родине в пустыне. Он вырос среди людей, но с этого часа люди сделались его врагами. Конечно, Волчок не мог этого знать.

Вернулся он в полдень. Присев на задние лапы и поджав хвост, он испуганно оглянулся, совсем как в детстве, когда его будили брошенной фуражкой. Но на этот раз лагерь и люди не спрятались – их больше не было. Волчок неистово заметался там, где стояли палатки, машина, жили люди-друзья. Теперь здесь был только горячий песок. Ветер делался всё сильней, неся песчаную позёмку.

Волчок обнюхал след машины и бросился вдогонку.

Мчаться в полуденный зной было тяжело. Несколько километров остались позади. След машины стал угадываться с трудом даже чутким носом зверя: песчаная позёмка всё сильнее заносила его. И наконец следы исчезли. Волчок бросался из стороны в сторону, возвращался назад, делая круги, но всё напрасно – след замело...

Волчок едва нашёл в себе силы вернуться к роднику у бывшего лагеря и пролежал у воды до вечера.

Всю ночь Волчок выл до хрипоты. Он впервые в жизни остался один...

* * *

Прошло несколько лет. Волчок превратился в огромного волка. За эти годы ему ни разу не пришлось встречаться с людьми: гремела война и им было не до исследований в пустыне.

Волчок одичал, привык жить со своими дикими родичами и перенял все их привычки. Ловля песчанок, ящериц и крупных жуков стала для него обычным занятием. Как и другие волки в пустыне Бетпак-Дала, он сделался «пастухом» антилоп-сайгаков.

Ранней весной сайгаки бредут на север неисчислимыми стадами вслед за тающим снегом. На ходу они пасутся и ни на что не обращают внимания. Стремление вперёд, на север, всецело овладевает ими, как перелётными птицами. Тысячелетиями их предки делали такие же перекочёвки, и сайгаки наших дней не могут поступать иначе.

За несколько дней до резкого весеннего потепления они трогаются с зимовок, как бы чувствуя близкую перемену погоды. Только там, на краю пустыни Бетпак-Дала, в прохладных степях Сары-Арка, их стада остановятся, разбредутся и всё лето будут нагуливать жир на богатых пастбищах. А осенью, когда начнутся дожди и на такырах в пустыне появится вода, сайгаки так же неудержимо двинутся на юг за тысячу километров, к зимовкам около реки Чу и в песках Муюн-Кумов. Они идут не спеша, недалеко табунок от табунка, фронтом в несколько километров, а длиной от горизонта до горизонта.

А за сайгаками идут волки, бредут семьями и даже собираются стаями около больших скоплений животных. Ко всему можно привыкнуть, и сайгаки привыкают к своим «пастухам». Волки шагают гуськом за табуном, и сайгаки не пугаются, а идут своим путём. Хищники и их жертвы привыкают друг к другу. Вместе с сайгаками многие сотни километров идут и волки. Это хорошо видно с самолёта, если лететь на небольшой высоте.

Почему-то волки избегают нападать на табун. Но горе сайгаку, если он приотстанет. Его сейчас же окружают волки, проворно забегая со всех сторон. Как по команде, бросаются они спереди, сзади и с боков – спасения сайгаку нет.

Впрочем, «пастухами» волков называют не напрасно. Они в трудные минуты жизни помогают сайгакам. Конечно, не сознательно, а невольно. Когда летняя жара высушит такыры и многие родники в пустыне иссякнут, сайгаки попадают в беду при своих перекочёвках. Жажда начинает мучить животных. Они уже не шагают спокойно, пощипывая на ходу полынку, а мечутся по пустыне от одного родника до другого, где раньше была вода, но сейчас не находят её. Подпочвенная вода в Бетпак-Дале кое-где

залегает не глубоко. Волки чуют её и делают то, на что не способны сайгаки: они начинают рыть ямы. То и дело сменяясь, высунув мокрые языки, перепачканные землёй, они с азартом роют землю, отбрасывая её задними лапами. В ямах появляется вода. Отталкивая друг друга, рыча и скаля зубы, волки пьют и уходят. А потом из волчьих ям пьют сайгаки.

Волчок давно обзавёлся своей семьёй. Каждую весну он устраивал логово с одной и той же волчицей, как подобает хорошему семьянину. Он всегда бежал впереди, то и дело оглядываясь, следует ли она за ним. Но волчица послушно трусила сзади, пока они не встречали поселения песчанок или не замечали более крупную добычу – сайгаков.

Способ охоты загоном был прекрасно усвоен обоими волками. Волчица сразу залегала за кустиком тамариска. Это означало, что Волчок должен бежать в загон и направить на это место сайгака. Волчок мелкими размеренными прыжками издалека по большому кругу начинал обегать сайгаков так, чтобы гнать их по ветру. Сайгаки мирно паслись и не подозревали опасности. Но вот один из них заметил волка. Зверь шёл медленным шагом не на сайгаков, а немного в сторону. Сайгак топнул передней ногой. Остальные насторожились и уставились на волка. А тот подходил всё ближе, временами останавливался, что-то нюхал на земле и опять шёл. Словом, он явно был занят своим делом. Бегают сайгаки вдвое быстрее волка. Стоит ли тут волноваться? Но всё же осторожность заставляет табунок сайгаков быстрыми семенящими шажками отходить в сторону.

Самый опытный чабан не мог бы с таким искусством подгонять своих овец к намеченной точке, как это проделывал волк. Без всякой спешки он ловко гнал сайгаков, заворачивал их, если они отклонялись в сторону, опять слегка нажимал, а если они бросались бежать, сразу ложился. Сайгаки останавливались и оглядывались по сторонам.

Но вот до волчицы уже недалеко. И когда сайгаки повернулись головами в её сторону, Волчок бросился на них. Табунок дружно сорвался с места и легко понёсся вперёд. Прямо перед ними, как из-под земли, выскочила волчица. Мгновенное замешательство сайгаков – и она уже повалила ближайшего. Однако сайгак сбросил волчицу и вскочил, но тотчас кубарем полетел на землю, поваленный подоспевшим Волчком. Волки прикончили свою жертву и вдвоём съели почти всего сайгака.

Весной у них появлялись волчата – в открытом логове под корнями саксаула или в норе, а иногда в расширенном лисьем подземном жилище. Первое время волчица не отходила от малюток. Волчок приносил ей столько песчанок, что она не успевала их съедать.

К середине июня волчата подросли, и волчица начала водить их на охоту. Она долго ползла к песчанкам, а щенята ползли за ней, подражая её движениям. Это были самые настоящие уроки. Вместо «пятёрки» прилежный волчонок получал песчанку. Но у одних волчат без матери охота долго не клеилась. Слишком велико было их нетерпение, да и толстые ноги ещё плохо слушались. Всё же волчата научались ловить песчанок. А тут и наступало время двигаться к северу за сайгаками.

Так шли годы. Весной забота о потомстве, потом привольная жизнь «пастухов» сайгаков.

Время делало своё неизбежное дело: волчий век короток, как у собак, клыки Волчка притупились. Но всё же он ещё оставался могучим зверем. Молодые волки побаивались его.

Случилось это ранней весной, когда кругом горели огоньки тюльпанов. Как всегда в это время, день и ночь в воздухе шумели стаи перелётных птиц. На залитых водой такырах плескались утки, гоготали гуси и важно расхаживали журавли. Такыры весной похожи на большие озёра. Но вода едва лишь покрывает их. Странно смотреть, когда жительница мелководья цапля намеревается сесть на середину этого временного водоёма почти за километр от берега. Планируя, цапля опускается всё ниже и не садится на воду, а встаёт: ей, оказывается, воды всего до колен.

Волчок бежал крупной рысью по мягкой сизоватой полынке между двух такыров, вспугивая уток. За ним трусила волчица. Наступала пора появления на свет щенят. Волки бежали к

знакомым местам, где они ежегодно выкармливали маленьких волчат песчанками. Ещё с осени Волчок выкопал логово для волчицы в мягкой почве. Теперь, когда земля оттаяла всего на несколько сантиметров, это сделать было бы трудно.

Как раз в эго время на небольшом бугре остановилась «Победа». Хлопнула дверца, и на капот взобрался человек. В сильный, десятикратный бинокль он стал осматривать пустыню по кругу.

– Есть пара, вон там, между такырами! – воскликнул он, соскакивая и быстро садясь в машину.

Дверца хлопнула, и «Победа» понеслась по ровной пустыне, прослоённой пятнами дымчатой полынки. С каждой минутой она наращивала скорость, покачиваясь на рытвинах и сверкая на солнце лобовым стеклом.

Волчица первая заметила что-то необычное, летящее на них. Она поджала хвост и трусливо ткнулась в задние ноги Волчка. Он оглянулся и тоже поджал хвост. Через мгновение оба волка крупными скачками понеслись по пустыне. Шум машины позади напоминал Волчку что-то далёкое, хорошо знакомое. Но сверкающий «зверь» явно гнался за ними, а волки повинуются своим законам: «Всё, что убегает, слабее тебя, – это твоя добыча, а всё, что наступает на тебя, сильней, – отступай сам!» И оба волка отступали всё быстрей, взметая чуть заметную пыль. Но машина неудержимо нагоняла их. Волки понеслись изо всех сил. Более пятидесяти километров в час они не могли сделать, а стрелка спидометра на «Победе» показывала цифру «80». Через несколько минут погони пальцы на лапах *у* волков стали распускаться, следы стали шире, и звери сбавили скорость. Но они продолжали мчаться, свесив набок языки. Их плечи стали мокрыми от слюны и дыхания. Волчок – впереди, за ним – волчица. Даже в такие страшные для них минуты волчица не смела обогнать волка.

На пятой минуте машина нагнала волков.

Чёрное дуло ружья высунулось из правого окошечка «Победы», сухо щёлкнул выстрел бездымным порохом.

Волчица кубарем полетела через голову. Картечь на близком расстоянии сразила её наповал.

Волчок рванулся влево от машины и стал уходить в сторону. Но шофёр прижал руль коленом, и его ружьё высунулось в левое окошечко. Стукнул выстрел, и бок Волчка обожгло. Он на ходу яростно укусил себя за место, где горела рана, но, не сбавляя скорости, мчался вперёд.

Машина развернулась и погналась за Волчком, быстро приближаясь. Через две-три минуты жизнь Волчка оборвалась бы, как и волчицы, но его спасли... песчанки! Начались места, куда

бежали волки для устройства логова. Всюду показались норки зверьков, и сами они с криком стали подниматься на задние лапки, как колышки. «Победа» запрыгала по норкам, резко сбавив скорость. Пружины и рессоры не могли сдержать тяжёлый корпус машины, и он громко стукал по раме. Охотники тихим ходом поехали обратно своим следом за убитой волчицей.

А Волчок всё бежал и бежал подальше от страшного места. Временами он останавливался, зализывал рану на боку и опять бежал к северу. Рана была лёгкой. В драках с волками Волчок получал более тяжёлые ранения, но зализывал их языком, и они заживали.

Подобрав волчицу, охотники поехали дальше. До вечера ещё два волка оказались в багажнике.

Стан охотников был около родника. Две «Победы» каждый день разъезжали по пустыне, настигая волков. Сотни убитых зверей были на счету у каждого из охотников.

Старому волку становилось всё труднее прокормиться песчанками, ящерицами и жуками. Другие волки отгоняли его от своей добычи, и он терпеливо лежал в сторонке, глотая слюну и ожидая, когда насытятся и уйдут пить молодые, сильные звери. Только тогда он жадно бросался догладывать остатки чужого пира.

Много раз в своей жизни на краю пустыни Волчок видел отары овец, конных чабанов и сторожевых собак. Сытый по горло, он всегда сворачивал в сторону. Свернул бы он, вероятно, и в этот вечер, если бы внезапная гроза не заставила его забиться под густой куст селитрянки. Быстро стемнело. Раскаты грома делались всё ближе, хлынул проливной дождь.

Страшный удар грома, и ослепительная молния вспыхнула над самой отарой. Овечьи головы, опущенные к земле, сразу взметнулись вверх, и овцы в диком ужасе бросились врассыпную по ветру в темноту ночи. Такая гроза в пустыне – величайшая редкость. Овцы пробегали рядом с кустом, где лежал Волчок. Одна из них налетела на куст, хотела перепрыгнуть его и застряла. Старый волк бросился на неё...

Лёгкость, с которой Волчок справился с такой крупной, но совершенно беззащитной жертвой, с этой ночи сделала его заклятым врагом овечьих отар. Он ушёл за ними, навсегда покинув пустыню Бетпак-Дала.

На берегу реки Или Волчок остановился, навострив уши. Он впервые в жизни видел так много быстро текущей воды. Волчок сел и долго смотрел на другой берег реки.

Река была безлюдна. На огромном расстоянии от границы соседней страны и до окрестностей Алма-Аты около реки нет

крупных населённых пунктов. Пустыня кончается прямо у воды. А на той стороне опять пустыня, с солонцами, такырами и кое-где с песчаными барханами.

Начавшему перекочёвку зверю трудно остановиться. Волчка неотразимо влекло вперёд, а река преградила путь. В воду он бросился уверенно и сразу поплыл, словно натренированный пловец. Это умение «профессионально» плавать – результат опыта бесчисленных поколений волков.

Течение подхватило его и стало быстро сносить. Остров на реке манил близкими густыми зарослями тугаев. В них цокали фазаны, ворковали горлицы, на прибрежном песке попискивали кулички. Но волка снесло, и остров оказался выше его. Зверь повернул и поплыл к нему против воды. Однако как Волчок ни перебирал лапами, остров уходил всё дальше. Сил волка оказалось недостаточно, чтобы преодолеть быстроту течения, и он опять повернул поперёк реки к далёкому берегу на той стороне.

В это время на острове бакенщик Илья грузил в лодку хворост. Ему было около семидесяти лет, но он всё ещё не уходил на пенсию и считался одним из лучших бакенщиков по всему верхнему плёсу.

Старик увидел плывущего волка. Схватив топор, Илья быстро вырубил длинную толстую палку и прыгнул в лодку. Завести подвесной мотор было делом одной минуты. Он послушно затарахтел, и лодка, описав полукруг, понеслась поперёк Или.

Волчок перевалил середину реки. Услышав за собой шум двигателя, зверь прижал уши, и лапы его задвигались изо всех сил. Но тарахтенье мотора сзади нарастало с каждым мгновением.

Сердцу зверя оказалось не под силу спорить с тремя лошадиными силами подвесного мотора. Пахнуло бензином. Лодка поравнялась с головой Волчка. Бакенщик привстал и, размахнувшись, изо всех сил ударил тяжёлой сырой палкой Волчка по голове, целясь между ушей. Но старик не рассчитал скорости движения зверя, и удар пришёлся по шее. Волчок окунулся с головой в воду, лязгнул зубами, захлебываясь и кашляя, резко сбавил скорость.

Лодка промчалась вперёд. Она должна была теперь сделать круг, чтобы снова приблизиться. Волчок немного оправился после удара и плыл к берегу. Течение поднесло его к самому домику Ильи. На берегу у воды играли на песке двое маленьких внучат бакенщика. Они с интересом смотрели, как прямо к ним плывёт серая собачка.

– Айда в избу! Бегом! – закричал дед внучатам.

Он уже повернул лодку и опять нагонял волка, но понял, что зверь успеет доплыть к берегу и может разорвать детей, прежде чем он подъедет. Дети слышали крик деда, но разве можно было уйти, когда к ним подплывала собачка?!

В это время в дверях домика бакенщика показалась их мать. Одного взгляда на реку было достаточно, чтобы понять всё. Дикий крик разнёсся по берегу:

– Вася, Надя, скорей домой! Слышите?

Голос матери сразу подействовал. Ребята послушно вскочили, но было уже поздно. Из реки на мелкое место у берега с шумом вырвался огромный мокрый волк. В два прыжка он оказался возле ребят. Девочка упала и громко заплакала. Мальчик стоял рядом, опустив руки. Зверь промчался мимо, обдав детей брызгами. С треском Волчок вломился в прибрежный кустарник. Качнулись вершинки, и всё стихло.

Мать бросилась к детям. Они сами с плачем бежали к ней. Ребята отделались только испугом – Волчку было не до них.

Только на другой день Волчок окончательно пришёл в себя после приключения на реке. К вечеру ему нестерпимо захотелось пить. Но кругом расстилалась безжизненная равнина. Возвращаться к реке он боялся. Впрочем, скоро чуткий нос подсказал ему, что недалеко есть свежая зелень. Волчок побежал в ту сторону. Вечернее низкое солнце удлинило его тень, и она плыла впереди.

Стемнело, когда он остановился у края большой колхозной бахчи. Крупные арбузы лежали всюду и пахли сыростью. С хрустом Волчок стал разгрызать один арбуз за другим, но только у спелых выедал красную сочную мякоть. Несколько десятков арбузов было испорчено.

Под утро в небольшой низинке, поросшей тростником, Волчок долго копал яму. Наконец на дне показалась вода. Стремление к перекочёвке у него исчезло, и он остался около этого «волчьего колодца» на левом берегу реки Или.

Как он провёл зиму, никто не знает, но старый волк остался жив.

Наступила весна. В горах Тянь-Шаня она особенная. Здесь не чернеют дороги и не свисают с крыш сосульки, потому что снега очень мало и он сходит сразу после первых тёплых дней. Нет здесь и пряных весенних запахов земли на проталинах. Скалы и россыпи только кое-где уступают место пятнам земли с жёсткой травкой – типчаком. Не залетают в горы и первые певцы весны – скворцы и жаворонки. Зима в безлесных голых скалах почти сразу сменяется летом.

Отары овец одна за другой пошли на летние выпасы по Кокпекскому ущелью. Овцы брели не спеша, опустив головы и на ходу пощипывая типчак. Сзади верхами ехали чабаны и бежали собаки.

Волчок залегал где-нибудь за камнями и ждал, греясь на солнце и щурясь. Он переворачивался то на один бок, то на другой, и каждый раз на камнях оставались клочки его зимней шерсти.

Но вот уши волка насторожились. В ущелье послышались топот и блеяние овец. Волк приник к земле и весь напрягся.

Всё ближе овцы. Передние совсем недалеко. Вожак овечьей отары, старый бородатый козёл, уже прошёл камни, за которыми притаился волк. Лёгкий шорох – и волк прыгнул на ближайшую овцу.

Веером брызнули от него овцы. Позади закричали чабаны, залаяли собаки. Через минуту он уже мчался вверх по боковому ущелью, преследуемый тремя собаками. За первым же перевалом собаки отстали. Волк напился и улёгся ждать ночи.

В сумерки он прибежал к тому месту, где на камнях остались

голова, ножки и другие остатки овцы, брошенные чабанами. Мясо и шкуру они увезли и сейчас где-нибудь у костра варят себе ужин. Так безнаказанно Волчок пировал на пути прогона овец. Ежедневно он нападал на новую отару, поэтому для чабанов это было каждый раз неожиданностью.

Однажды поздней осенью на кордоне егеря в Кокпекском ущелье долго горел свет. Городские охотники засиделись у стола около кипящего самовара. Они говорили о том, как лучше провести завтрашний воскресный день в горах. Улеглись поздно и, лёжа с закрытыми глазами, долго ещё не могли уснуть, представляя себе завтрашние встречи с горными козлами. Каждый сделал вид, что не слышит, когда на цепи у крыльца яростно залаяла собака егеря Мушкет: никому не хотелось выходить на холодный ночной ветер. Не слышал лая своей собаки только хозяин. Он давно уже крепко спал. Завтрашняя встреча с горными козлами была для него обыкновенным будничным делом.

Утром выяснилось, что ночью исчез козлёнок у ангорской белой козы. Тут же около дома нашли кровь на камнях и клочья шерсти. На грязи у дороги виднелись отпечатки «башмаков» крупного волка. Это Волчок ночью задавил козлёнка и унёс его.

Каждый из городских охотников чувствовал себя виноватым. Впрочем, никто не сознался, что слышал ночью лай Мушкета. Хозяин, конечно, на охоту не поехал, а без него охотники за весь день даже горных козлов не видели.

Отвязав Мушкета, егерь отправился по следам ночного грабителя. Солнце только что поднялось над горами. Небо было безоблачно, и день обещал быть опять жарким, несмотря на осень. В ущельях перекликались кеклики. Краснолапые горные куропатки в это время спускались на водопой к родникам. В сухой траве около обогретых солнцем камней застрекотали кузнечики. Высоко в небе чёрной точкой кружился гриф, высматривая, нет ли где трупа козла или другой падали. Несколько грифов сидели нахохлившись, чёрными силуэтами выделяясь на камнях ближайшей горной вершины. Они непрерывно следили за своим пернатым разведчиком. Стоит ему спикировать в ущелье, как сейчас же со многих горных вершин взлетят грифы и заспешат на пир.

На перевале следы Волчка исчезли на камнях. Но Мушкет уверенно начал спускаться на дно ущелья, нюхая камни и натягивая поводок. Егерь едва поспевал за ним.

Ущелье густо заросло кустами шиповника и жимолости. На дне журчал родник с холодной прозрачной водой. Мушкет растерянно забегал по берегу, очевидно потеряв след. В кустах

было много белой шерсти козлёнка. Здесь волк пожирал свою добычу. Но неужели он мог съесть всё без остатка?

Егерь внимательно посмотрел кругом. В одном месте на берегу трава была вырвана, она виднелась в роднике около этого места, засыпанная камнями.

Оказалось, что здесь, на дне родника, волк вырыл яму, спрятал там остатки козлёнка и засыпал их камнями вперемешку с травой, которую он вырвал на берегу, вероятно, зубами. Даже в жаркую погоду мясо в холодном роднике долго не портится. Это был настоящий волчий «холодильник». За свою долгую охотничью жизнь егерь много раз находил остатки мяса, спрятанные волками и лисицами, но это всегда было примитивно.

На дне родника, около закопанных остатков козлёнка, егерь насторожил капкан и засыпал его камешками. Вода должна была скрыть запах железа.

Две ночи после этого егерь с ружьём караулил зверя в кустах около родника. Волк обязательно должен был прийти сюда доедать козлёнка, а капкан или пуля сделают своё дело.

Но волк не приходил.

На третьи сутки с полудня пошёл мелкий, затяжной осенний дождь. Горы скрылись, как в тумане, за мельчайшими капельками падающей воды. К ночи дождь усилился, захлестал в окна и по железной крыше кордона. В кромешной тьме в горах журчала по камням дождевая вода. В эту бурную ночь егерь не захотел мокнуть под холодным дождём около волчьего «холодильника». Только утром, когда перестал дождь, он отвязал Мушкета и пошёл в горы.

Дождевые облака разогнало ветром. Проглянуло солнце, и мокрые камни в горах засверкали, как отполированные. Егерь торопливо шагал по скользким камням и был почти уверен, что ночью волк приходил за остатками козлёнка и, наверное, попал в капкан. Это предположение оказалось правильным только наполовину. Волк действительно приходил в эту ненастную ночь, но проявил удивительную осторожность: он через воду почуял железный канкан, скрытый на дне родника в том месте, где был единственный подход к закопанному козлёнку. По следам было видно, что волк несколько раз обошёл вокруг своего «холодильника», перескакивая через родник, а затем пролез через густой куст с другого берега против открытого подхода к воде. Не дотронувшись до капкана, волк вытащил и унёс мясо.

Егерь долго стоял около родника, удивляясь могучей способности зверя избегать опасность. С пустым капканом на плече он вернулся домой. В этом поединке волка и человека победил зверь.

Прошло несколько дней. Егерь уехал вместе с Мушкетом на охоту за горными козлами и ночевал в горах. Волчок словно знал об этом – именно в эту ночь он пришёл и задавил всех кроликов. Он без помех насытился ими и ни одного не унёс с собой про запас. И всё же егерь перехитрил волка. Он протянул по земле вокруг своей усадьбы толстую проволоку. Её сразу занесло снегом. И вот однажды утром по следам было хорошо видно, как ночью волк проложил с перевала пунктир своих следов прямо к усадьбе. Волк остановился, не доходя нескольких шагов до проволоки, скрытой под снегом, потоптался на месте и пошёл по кругу, ни на шаг не приближаясь к проволоке. Так он сделал несколько кругов около участка и ушёл ни с чем в горы. Страх перед железной проволокой под снегом оказался сильнее чувства голода.

Больше Волчок не приходил.

Наступила зима. Неизвестно, перенёс ли бы её старый волк: его зубы совсем притупились. Но глубокий снег очень рано в этом году похоронил все пастбища. Сильная оттепель не смогла согнать его, а резкое похолодание превратило остатки снега в ледяную корку. Она, как панцирь, покрыла землю. А затем начались новые снежные бураны, оттепели, морозы и гололёды. Толщина снега достигла небывалых размеров даже там, где обычно его сдувал ветер.

Для Волчка наступило привольное житьё. Ему ничего не стоило найти свежие следы джейранов. А в конце каждого следа его ждала лёгкая добыча. Джейраны, с израненными об лёд ногами, ложились под кусты молодого саксаула и медленно объедали кончики веток. Животные так исхудали, что многие уже не могли встать, и Волчку оставалось только стиснуть челюсти на их горле...

Через поляну среди саксаула и тамариска джейраны проделали глубокие следы до новых зарослей. Животные с трудом брели, распахивая грудью снежную поверхность, каждый своим следом. Джейраны обычно пасутся всю зиму по мелкому снегу или там, где его сдувает ветер. Поэтому привычка бродить по глубокому снегу друг за другом у них не выработалась. Джейраны не знают снежных троп и не успевают выучиться несложному искусству ходить гуськом по сугробам.

Кое-где на следах джейранов видны на снегу капли крови, как кляксы красных чернил на странице: твёрдый наст в кровь ранит тонкие ножки джейранов.

Один из джейранов отделился, и его след вдруг перешёл в отчаянные прыжки: это лиса погналась за рогачом. Лёгкая хищница не проваливалась, а джейран утопал в снегу при каждом прыжке. Лиса быстро догнала его. На снегу первый клок шерсти и капли крови справа от следа: лиса укусила джейрана и отскочила в сторону. Новый рывок слева. Рывки делаются чаще. След джейрана всё ярче окрашивается в красный цвет. Прыжок от прыжка короче и короче. Джейран начал выбиваться из сил. Через километр жизненный путь рогача закончился – лиса загрызла его. Но она не воспользовалась добычей: Волчок отобрал её без всякого труда. Огромному старому волку лиса безропотно уступила джейрана и погналась за другим. На этот раз Волчку не пришлось самому преследовать очередную жертву.

По следам видно, как один джейран спустился с берега на лёд реки и пошёл на другой берег. На середине реки в этом месте протянулась длинная полынья. Чтобы попасть на тот берег, надо идти в обход, совсем не туда, куда направился джейран.

Но он ровным шагом пошёл прямо к полынье. Ещё шаг – и джейран прямо с ходу рухнул в полынью. Быстрое течение затянуло его под лёд. Нетрудно заметить, что снег пропитан водой, хлынувшей из полыньи, а несколько белоснежных волосков с живота прилипло ко льду. Вот неожиданный конец...

Тысячелетиями джейраны знают воду в пустыне в виде родников, мелких озёр и дождевых луж. Джейран подошёл к полынье и поступил так же, как он сделал бы это, встретив лужу, – он спокойно шагнул в неё... и бухнул вниз головой на большую глубину в несколько метров.

Как только начался буран, сытый Волчок улёгся в снег под густым кустом селитрянки, обледенелой, как огромный стеклянный шар. Зверь свернулся кольцом, уткнул нос под ляжку задней ноги, прикрыл морду хвостом, и никакой мороз и ветер не были ему страшны. До самой весны для него теперь наступили беззаботные сытые дни.

Не только дикие копытные животные пострадали от глубоких снегов. Овцы от голода жевали друг у друга шерсть; коровы ели верёвки и кошмы юрт; лошади разбивали копыта, стараясь пробить ледяную корку, у многих не осталось хвостов и грив – их изжевали друг у друга голодные лошади.

Диким свиньям глубокий снег принёс, наоборот, сытую зимовку. Под толстым снегом в густых зарослях тростников не было ледяной корки. Земля по берегам озёр не промёрзла, и кабаны легко отрывали корневища тростника и его молодые побеги.

Волчку пришлось этой зимой встретиться нос к носу с таким же старым, но ещё мощным кабаном-секачом. Волчок в полночь ловил в тростниках спящих серых ворон. Множество их прилетает зимовать на юг Казахстана из Сибири. Волчок гнался за вороной. Она в темноте ошалело била крыльями и вприпляску мчалась по узкой кабаньей тропе. Коридорчик тропы в густых тростниках был так узок, что ворона не могла широко раскрыть крылья, чтобы взмахнуть ими на полную силу и взлететь вверх. Из-за крутого поворота тропы навстречу выскочил секач, и птица с размаху оказалась в его пасти. Волчок затормозил всеми четырьмя лапами, поджал хвост и с жалобным «собачьим» визгом метнулся в сторону перед самым рылом секача. Хорошо, что оно было заткнуто вороной, иначе кабан запорол бы Волчка своими страшными клыками.

* * *

Под осень Волчок оказался около селения Нарынкол. Он окончательно сделался «пастухом» овечьих отар и питался только бараниной. Отсюда всё лето уходили отары овец к Алма-Ате. Сотни километров их сопровождали волки.

Огромная «связка» из десяти тысяч овец медленно брела по степи, разбитая на семь отар. Тонны первосортного мяса шли на своих ногах за четыреста километров. Овец гнали по десять километров в сутки, с остановками по нескольку дней на хороших пастбищах. Вернее, не гнали, а пасли. За весь перегон овцы должны будут не потерять, а прибавить свой вес.

Впереди отары на низкорослой, гривастой лошадке ехал чабан с длинной палкой в руках. Он временами ударял ею по земле, а две пустые жестяные банки из-под консервов, привязанные на конце палки, грохотали на всю степь. Это был ориентир для овец. На звуки «консервного гонга» они брели, опустив головы и пощипывая на ходу траву.

Ни одна отара не обходилась без вожака-козла. Два-три рогатых бородача шли впереди. За ними послушно плыла по степи овечья лавина. Захромавшие овцы тащились сзади. Всё замыкали солидный, ко всему равнодушный вьючный бык и верблюд с палатками, продовольствием и таборным имуществом чабанов.

Два чабана ехали сзади отары и дремали в сёдлах. Беспородные псы, неказистые на вид, были незаменимыми помощниками чабанов. Эти дворняги, высунув языки и опустив хвосты, плелись самыми последними за лошадьми хозяев. Казалось, их ничто не интересует, и они смотрят только себе под ноги. Но стоило одной овце отбежать в сторону или отстать, как заросшие свисающей шерстью глаза собак сейчас же замечали это. Собаки оживлялись, навастривали уши, их хвосты энергично взлетали на спину и закручивались «калачами». Они мчались к овце-нарушительнице и возвращали её в отару. Собакам не надо было даже подавать команду. Они сами внимательно следили за порядком в отаре.

Так монотонно проходили дни один за другим, и перегон тянулся месяцами.

Днём Волчка не было видно. Но он неотступно следовал за отарой, прячась за буграми и в промоинах. Забегая вперёд, он пропускал овец и плёлся сзади. Случалось, что безнадёжно захромавших овец чабаны прирезали. Выброшенные внутренности ночью съедал Волчок.

Из одного оврага ветерок принёс чуткому носу волка знакомый запах мелких грызунов-полёвок. Тысячи их норок сплошь источили южный склон, и от множества выходов земля стала похожей на соты. Бисер следов полёвок разбегался во все стороны по песку, образуя тропинки. Ходы были мелкие, под самой поверхностью, и переплетались друг с другом сплошными лабиринтами. Волчок долго пировал здесь, легко вскрывая в рыхлой земле мелкие норки полёвок, и даже не лапами, а носом, как кабан. С тридцатью полёвками в желудке под утро он побежал догонять «свою» отару.

В одном месте отара проходила рядом с асфальтированным шоссе. Несколько овец перебежали через дорогу и стали пастись на другой стороне. Одна из собак заметила этот непорядок.

Дымчато-жёлтая, с чёрными пятнами на морде и хвостом «калачом», она бросилась за овцами, но перед асфальтом со всего разбега затормозила всеми четырьмя лапами и остановилась в явном замешательстве. Затем осторожно поскребла лапой асфальт, не решаясь наступить на него. Житель бескрайних степей и гор впервые в жизни встретился с асфальтом. Чабан крикнул:

– Тарт, серке![2]

Собака испуганно оглянулась и осторожно перешла через шоссе, широко расставляя ноги с растопыренными пальцами и балансируя хвостом. Было полное впечатление, что она идёт по скользкому льду.

Но вот асфальт позади. Собака бросилась вперёд, завернула овец, и они, простучав по шоссе копытцами, вернулись в отару. А собака опять остановилась было перед асфальтом, но затем спокойно перешла по нему, правда шагом. Она уже почти не боялась поскользнуться. Конечно, в третий раз эта собака пробежит по асфальту без задержки.

Горный хребет преградил путь отарам. Он далеко ушёл в сторону, и обход его кругом занял бы много времени. Овец погнали через перевал, кратчайшим путём. Вековые ельники густо покрывали северные склоны хребта. Под пологом огромных елей прохладно и сыро даже в самый жаркий день. Пахнет грибами. Под камнями и мхом журчат невидимые ручьи.

Перегонная тропа всё круче поднимается к перевалу. Но тонкие овечьи ножки легко преодолевают его. Отара прошла, а на ёлке остался висеть труп погибшей овцы, подвешенный чабанами.

На макушки соседних елей уселись две сороки и ворона. Помахивая хвостами, сороки долго тревожно стрекотали, а ворона разглядывала овцу то одним глазом, то другим. Друг за другом сороки и ворона улетели. Чёрная тень грифа промелькнула поперек тропы. Падаль – это как раз то, что нужно огромной птице. Но гриф сделал круг над подвешенной овцой и улетел.

Совершенно беззвучно, как тень, по тропе бежит Волчок, опустив нос к земле. Внезапно его обдало овечьим запахом, совсем близким и таким манящим. Зверь резко вскинул голову с насторожёнными ушами и увидел овцу на ёлке. Но сейчас же Волчок поджал хвост и бросился в другую сторону. Только обежав стороной несколько сот метров, он снова вышел на тропу и побежал дальше по следам отары, то и дело останавливаясь и оглядываясь.

Кто заколдовал овцу от хищников?

Кругом в ельниках много хищных птиц и зверей, но все они

«знают», что на деревьях овец не бывает и трогать их можно только на земле. Вот если ветер оборвёт привязь и овца упадёт на землю, тогда другое дело!

Знают это и чабаны. Если в дороге погибнет овца, им незачем ждать ветеринарного фельдшера. Он едет с последней отарой. Овца на дереве с запиской в ухе его дождётся, когда бы он ни приехал. Причина гибели будет установлена и оформлена актом.

Задолго до заката солнца старший чабан кричал собакам:

– Айнал![3]

С лаем собаки бросались вперёд и останавливали овец. Овцы сначала стояли огромной светло-серой массой, понуро опустив голову, а затем ложились. Чем холоднее была осенняя ночь, тем теснее прижимались друг к другу овцы.

Красный шар солнца в вечерней дымке нижним краем коснулся степи на горизонте, и чёрные тени стали быстро заполнять низинки. Слабый ветерок пахнул распаренными за день травами, а потом крутнул с другой стороны и всё перекрыл густым овечьим запахом. В вечерних сумерках ярко загорелся костёр, и пар из котла с бараниной унёсся далеко в степь, будоража Волчка.

Место, где ляжет на ночь отара, выбиралось каждый раз тщательно. Но разве трудно пропустить мышиную норку незамеченной? И на этот раз одна из овец улеглась прямо на выход из норки полёвки.

Чабаны поужинали, покурили и заснули у костра. Собаки дремали около овец. Из отары доносились вздохи, покашливание и чиханье овец. Ночь была безлунная, и только яркие звёзды мерцали в тёмном небе. Из степи тянуло терпким запахом полыни, и нудно неслись бесконечные трели пустынных сверчков. Интересно, что все сверчки пели в унисон, как одно насекомое.

Две «звёздочки» тускло блеснули на ближайшем бугре. Это были глаза Волчка. Он лежал, положив голову на передние лапы, до него доносился запах овец. Но ветерок доносил запах людей и собак. Это удерживало зверя на месте. Не одна ночь проходила у Волчка в напрасном ожидании, и тогда ящерицы, кобылки да иногда зазевавшиеся песчанки были его скромной пищей во время переходов.

В полночь под боком овцы, дремавшей на норке, кто-то зашевелился. Овца в ужасе вскочила и шарахнулась в сторону.

Что тут началось! Овцы разом бросились в темноту ночи во все стороны. Залаяли собаки, закричали чабаны, но топот тысяч копытцев разбегавшихся овец заглушал всё...

Волчок в эту ночь съел баранины столько, сколько смог. Под утро он ушёл вверх по ручью и залёг километров за десять от

неудачного ночлега отары.

Весь день чабаны собирали разбежавшихся овец по всей степи.

– Изде![4] – кричали чабаны собакам.

Они убегали за далёкие бугры и, высунув языки, пригоняли одну или несколько овец.

– Изде! – опять кричали чабаны, и собаки убегали снова на поиски.

Трёх овец недоставало: их разорванные останки лежали в клочьях шерсти за бугром. Волчок задавил их ночью и съел только самые привлекательные для него куски мяса.

Снова день за днём бредут овцы всё дальше на запад, отара за отарой. А из-за бугров следят за ними жадные волчьи глаза.

На пути встретилось озеро. Овец напоили и погнали дальше.

Около берега застряла по самые фары грузовая машина.

– Ой-бой, полудурка, пропал сопсем! – качали головой чабаны.

– Не полуторка, а «ГАЗ»! – обиделся шофёр, с головы до ног перепачканный в жидкой грязи. – Помогите лучше, чем охать!

Чабаны посовещались и развьючили верблюда. Ему сделали из мешка хомут и постромки из нескольких арканов. Но как верблюд ни дёргал, он не мог стронуть тяжёлую машину.

В это время подъехал старый седобородый чабан. Он молча слез с коня, отпустил какое-то сердитое слово по адресу молодых чабанов и подошёл к верблюду. Перед аксакалом почтительно расступились. Чабан из всех арканов свил толстую постромку к хомуту, закрепил её с одного бока верблюда и спокойно повёл его за повод вперёд. Верблюд шагнул раз, другой, связанные арканы натянулись, как струны, и после третьего шага верблюда машина медленно поползла вперёд. Шофёр дал газ, и грузовик вылетел на берег, едва не сбив верблюда с ног.

Животное испугалось, рванулось назад, порвало хомут и завязло в грязи у берега. Вытащить его оказалось труднее, чем машину. Чабаны и шофёр до сумерек топтались около верблюда по пояс в жидкой грязи. Сам верблюд не делал даже попыток выбраться. Он безучастно смотрел куда-то вдаль, поверх людей, меланхолично опустив нижнюю губу. Наконец чабаны решили съездить в аул за досками. Они сели в машину и уехали.

Прошло больше часа. Совсем стемнело. Верблюд неподвижно чернел в грязи. Вдруг голова его высоко взметнулась: животное зачуяло волчий запах. Это был Волчок. Но волк не бросился на верблюда. Его необычное положение заставило старого зверя насторожиться. Волчок остановился на расстоянии прыжка от верблюда и подозрительно нюхал, слушал и оглядывался.

Верблюда словно подменили. Он неистово забился в грязи и повалился на бок. В таком положении силы его словно удесятерились: верблюд ползком, на боку двинулся по грязи к воде – дальше от волка, но и от берега.

А Волчок всё не решался броситься вперёд. Недалеко сверкнули фары машины – это возвращались чабаны с досками. Волчок метнулся в сторону и исчез в темноте.

Тем временем верблюд добрался к воде и поплыл, всё так же лёжа на боку, изогнув шею и подняв голову над поверхностью. Его бок при этом возвышался над водой, как пузырь. Житель пустыни быстро плыл, горизонтально лёжа в воде, как ни одно животное. Описав полукруг, он «пристал» к берегу и благополучно выбрался на сухое место, навстречу людям.

Во время одного из дневных переходов вдруг набежали осенние тучи. Стемнело, как вечером. Зашумел ветер. Ослепительная молния на один миг соединила землю с небом, и над самой отарой грохнуло, словно из тяжёлого орудия. Сразу хлынул дождь как из ведра. Овцы испугались и бросились бежать по ветру.

– Кругом, крутом! – отчаянно закричали чабаны собакам.

И через минуту впереди овец раздался лай, едва слышый против ветра.

Но ни собаки, ни чабаны на этот раз не могли остановить овец. Они разбежались по степи.

К счастью, ветром быстро прогнало тучу. Яркое солнце засверкало на лужицах, и от мокрой одежды чабанов заклубился пар.

Овцы успокоились. До темноты удалось собрать вместе всю отару. Потерь не было. Волчку на этот раз не повезло.

Несколько дней после этого перегон проходил спокойно, и каждый новый день напоминал вчерашний.

Однажды в полдень ветерок дал понять овцам, что где-то недалеко есть посев зелёной сочной люцерны. Овцы вскинули головы, насторожили уши и всей отарой затрусили к манящему запаху свежей зелени. Но молодая люцерна – это овечья смерть от темпонита[5].

Чабаны лошадьми загородили дорогу овцам.

– Ой-бой, там четыр, четыр! – волновался старший чабан, наезжая конём на овец.

Но они обегали лошадей справа и слева, даже проскакивали под брюхом.

На этот раз собакам с трудом, но удалось задержать овец. Свирепо лая, они носились перед овечьими мордами, прыгали и даже кусали. Отара остановилась.

К началу второго месяца отара подошла к мосту через бурный Чилик. У склонов хребта Турайгыр, около посёлка Актогай, овцы перешли по мосту и стали подниматься в горы, к перевалу через Заилийский хребет Северного Тянь-Шаня.

Волчок пролежал в кустах на берегу Чилика до ночи. Когда стемнело, он подкрался к мосту и понюхал следы овец, весь вытянувшись от напряжения, с хвостом, поджатым к животу.

На мосту никого не было. Только шумела горная река, стремительно проносясь мимо. Но от досок так угрожающе пахло людьми, машинами, собаками и множеством других опасных запахов, собранных сюда в одно место со всей степи!

Волчок отскочил от моста и понёсся скачками подальше от «опасного» места. Со всего хода он бросился в воду и поплыл. Бурное течение горной реки подхватило старого волка и швырнуло вниз по течению.

Больше чем за километр от моста выполз на другой берег измученный волк и долго неподвижно лежал на гальке. Потом поднялся, пошатываясь пошёл в гору. Вскоре он окончательно пришёл в себя и побежал догонять отару.

На одной из горных речек сорвало мост. На берегу собрались чабаны. После недавних дождей вода ревела около их ног, с глухим стуком ворочая по дну камни. Перегонять через такую бурную речку овец было равносильно их убийству. Нужен мост.

Из ближайшего аула прискакали на помощь всадники – всё взрослое население. Каждый привёз по волосяному аркану. Их собрали со всего аула.

Овец отогнали в сторону и остановили на большой ровной площадке, подальше от обрывов, чтобы овцы не свалились туда, если у них возникнет паника.

Там, где две высокие ёлки росли на обоих берегах одна против другой, застучали топоры. Часть корней у елей перерубили. Арканами вершины елей потянули друг другу навстречу. Ели вздрогнули, качнули вершинами и медленно повалились поперёк реки. Они густо переплелись ветвями, словно обнялись. Ели крепко связали вместе, отрубили на них сучки, которые торчали вверх, и поверх густо набросали ветвей и земли.

Так быстро возник шаткий висячий мостик через бурную горную речку.

К мосту подогнали овец.

– Тарт, серке! – закричали чабаны, и овцы покорно пошли за козлами и погремушкой из консервных банок.

Сотня за сотней овцы благополучно переходили над бешено ревущей речкой. Без малейших задержек отара шла по настилу из елей, соря вниз хвоей. Люди стояли на берегах, держали собак и

напряжённо следили за переправой. Старший чабан то и дело вытирал обильный пот.

Вдруг одна из овец споткнулась и упала на колени. Задние надвинулись на неё. Овца вскочила, но ничтожная задержка образовала мгновенную пробку, и одна крайняя овца сорвалась и полетела вниз. И тотчас, как загипнотизированная, вторая овца сама прыгнула за первой в объятия смерти. Третья, четвёртая – целый овечий водопад полился в реку. Люди с криком бросались вперёд, руками оттаскивали овец, но другие, как безумные, прыгали через них прямо в ревущий поток.

Много овец погибло на этой переправе, и едва не утонул один из чабанов – его столкнули с моста овцы.

К злополучному мостику на следующее утро подошла новая отара. Чабаны узнали о несчастье и остановили овец. Старший чабан послал верховых вниз и вверх по течению реки искать тихое место. И оно было найдено недалеко от моста: там речка бежала совершенно спокойно над глубокой ямой. Выше и ниже она бурлила и пенилась на камнях, словно кипяток. Сюда подогнали овец.

Старик чабан разделся, схватил за рога козла и подтащил его к берегу. Вместе с ним чабан кинулся в снеговую холодную воду и поплыл на тот берег. И тотчас овцы под крики чабанов живым каскадом сами бросились за козлом в речку точно с того места, где чабан стащил в воду их рогатого вожака. Спокойный плёс речки покрылся сотнями голов овец. А в воду сыпались всё новые и новые...

Чабан легко переплыл узенькую горную речку. Тело старика покраснело от ледяной осенней воды. Спички у него были на голове под тюбетейкой, и он бросился разводить костёр.

Волчок не пошёл дальше за отарой. На много километров вниз по речке вода раскидала по берегам трупы овец – пищей он был обеспечен.

Не долго Волчок прожил сытой жизнью на берегах горной речки, питаясь трупами овец. Нашлось немало желающих пировать на даровом угощении. С воронами и сороками Волчок не ссорился – они клевали трупы днём, а он пожирал их ночью. Лисицы трусливо убегали при одном его появлении. Но однажды ночью семь молодых волков и крупная волчица встретили его около трупа овцы сверкающими оскалами зубов и грозным рычанием. Раньше Волчок бросился бы и разогнал в разные стороны непрошеных гостей, но времена эти давно прошли для старого волка. Он сам поджал хвост и жалобно заскулил. Поджатый хвост – это понятный для всякого признак слабости. Волчица смело бросилась на старика и прогнала его.

Для Волчка наступило трудное время. Кое-где по берегам речки желтели грозди облепихи. Ветерок размахивал на рябинах красными кистями ягод, как праздничными флажками. Но это угощение находилось высоко и было доступно сорокам, фазанам и дроздам, а не волку. Только изредка ему удавалось найти облепиху над самым снегом.

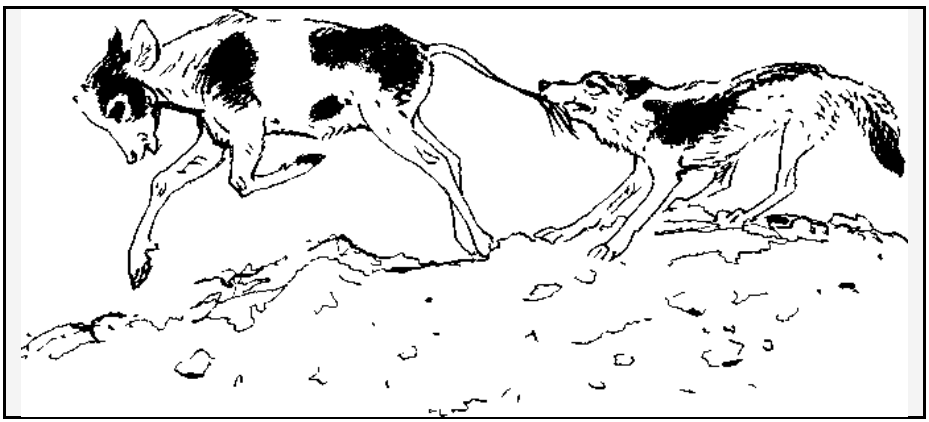
Волчок голодал по нескольку суток. По ночам в поисках пищи он пробегал десятки километров. Днём дремал где-нибудь в ущелье на бесснежном южном склоне. Так Волчок оказался опять в знакомом Кокпекском ущелье. И сразу удача – на рассвете волк заметил зайца. Он, как пьяный, прыгал по склону, спотыкаясь, пошатываясь и широко расставляя лапы, чтобы не упасть. В несколько прыжков Волчок догнал зайца, съел и весь день проспал.

Проснулся Волчок в сумерки. Всю ночь он бродил по ущельям и под утро проглотил маленькую мышь – она лежала мёртвая на снегу.

Из-за гор медленно поднялось солнце. На скалах закричали кеклики. Над кордоном столбом поднимался дым: жена егеря затопила печь. Старшая дочь, Зина, подоила корову и пустила её и тёлку пастись на южный бесснежный склон.

Волчок издалека увидел скот, и муки голода у него удесятерились. Но у зверя хватило выдержки подождать, пока корова с тёлкой перейдут через небольшой перевал. Оттуда кордона не было видно. Волчок подкрался и залёг за камнем. Близкий запах животных приводил голодного зверя в неистовство.

Корова и тёлка спокойно паслись, выбирая пустынную сизую полынку. Она, как дымок костра, затянула весь горный склон. Эта полынка не теряет питательных веществ до весны, в отличие от других засохших трав.



Вдруг раздался шорох мелкого щебня, отброшенного задними лапами волка, – он трёхметровым прыжком прямо с лёжки за камнями бросился вперёд.

Корова и тёлка кинулись к дому, выпучив глаза от ужаса и задрав хвосты. Тёлка оказалась ниже волка по склону. Второй прыжок – и зверь мёртвой хваткой вцепился в кончик хвоста обезумевшей жертвы. Упираясь всеми четырьмя лапами, Волчок тормозил, не выпуская хвоста. Но сильная тёлка тащила его за собой, сразу отстав от коровы. Неожиданно челюсти волка разжались, и тёлка потеряла равновесие – её зад подбросило вверх, животное упало на колени, сильно ударившись мордой о камни. Тяжёлый, огромный волк придавил тёлку к земле и вцепился ей в горло. Но... годы сделали своё дело: зубы старого волка были совсем тупые. Он только слегка поцарапал шкуру на шее тёлки. Молодое сильное животное вскочило на ноги, сбросило волка и как бешеное унеслось на кордон, высоко задрав хвост.

В это время на кордоне склонились над столом два седых человека. Они осторожно развешивали на маленьких аптекарских весах порошки люминала и нембутала. Это были зоолог и егерь – хозяин кордона. Они хотели испытать снотворные порошки при ловле животных. Внезапно дверь порывисто распахнулась, и в клубах морозного пара в комнату вбежала старшая дочь егеря.

– Папа! Волк ловил Красулю! – крикнула девушка. – Сейчас прибежала Красуля, а за ней корова!

Егерь вскочил, опрокинув стул, схватил карабин и выбежал на крыльцо в одной рубахе.

Около кордона стояли корова и тёлка. Они тяжело дышали, тряслись и с испугом озирались по сторонам. У тёлки морда и конец хвоста были в крови.

– Стойте, Мартын Павлович! – схватил за рукав егеря зоолог. – Вы опять только напугаете волка, как в прошлом году. Поймаем лучше его живым. Это удобный случай проверить снотворное. Идёмте сделаем приманку!

– Я всё равно пристрелю этого разбойника, хотя бы и сонного! – возмущался егерь. – Второй год он водит меня за нос.

Вечером мясной фарш, смешанный с люминалом, был положен на склоне горы, где волк нападал на тёлку.

С первыми звёздами на потемневшем небе Волчок встал с дневной лёжки на солнцепёке, потянулся и потрусил на поиски добычи. Худой, подтянутый, с ввалившимися боками и огромными бакенбардами, он был страшен на вид, но уже не опасен для крупных животных.

Почти за километр зверь почуял мясо в ущелье. Голодный

Волчок прыжками понёсся вверх по склону. Чем ближе и сильнее был запах мяса, тем короче становились прыжки волка. Привычка всего бояться развилась у Волчка под старость особенно сильно.

Несколько раз Волчок обошёл по кругу кусок фарша, всё приближаясь к нему и глотая слюну. Но запаха железа решительно нигде не было. Волчок осмелел и, весь вытянувшись, подкрался, схватил комок фарша и проглотил не жуя. Но необычная горечь люминала сразу почувствовалась; старый волк понял, что в мясе таится какая-то опасность. Тут же Волчок отрыгнул обратно фарш и, поджав хвост, убежал. Эта способность освобождать желудок от негодной пищи у всех волков развита необычайно.

Под утро Волчок опять наткнулся на «пьяного» зайца и съел его.

С первыми лучами солнца три вороны увидели фарш.

Осторожные птицы сели в сторонке. Потом важной походкой начали подходить к мясу. Солнечные лучи лоснились на их чёрных как смоль крыльях. Вороны подошли к приманке с трёх сторон и остановились на одинаковом расстоянии, словно не решаясь переступить какую-то невидимую запретную черту. Наконец одна из ворон по-воровски, боком подпрыгнула к приманке, клюнула её и отскочила. И в следующее мгновение вороны с жадностью набросились на фарш. У птиц вкусовые ощущения очень слабые, и вороны не почувствовали люминала. Самая старая съела больше всех, отгоняя других. Она тут же уснула и уже больше не проснулась. Волчья доза люминала смертельна для птиц. Вторая ворона съела совсем немного из остатков, недоеденных старой вороной. Заплетающимися шагами, развесив крылья, она немного отошла, ткнулась носом в землю и уснула. Самая молодая подобрала всего несколько мясных крошек и тоже опьянела. Вихляющим полётом она взлетела на куст, сорвалась с ветки и упала на землю. Но всё же снова взлетела и нашла в себе силы перелететь через ущелье и на другой стороне упала в кусты. Там она пролежала до полудня, пришла в себя и улетела.

С сонной вороной егерь и зоолог вернулись на кордон. Новый план поимки волка созрел у зоолога.

К вечеру ворона проснулась. Под перья ей втёрли желатиновый раствор с глицерином, пропитанный двумя снотворными порошками. Нембутал действовал сразу, но ненадолго, а люминал не сразу, но зато длительное время.

Ворону унесли в ущелье, привязали за лапку к колышку, вбитому на склоне горы.

На этот раз Волчка удалось перехитрить. Он под утро

наткнулся на ворону, съел её всю, вместе с перьями, и побежал дальше по ущелью. Но ему нестерпимо захотелось спать: действие снотворного началось. Веки смыкались, и Волчок с трудом открывал их, словно они были склеены. Ноги стали заплетаться, и вскоре задние совсем отказались служить. Волчок немного прополз на передних, волоча зад и жадно хватая снег, а затем свалился и уснул.

На рассвете зоолог и егерь были уже в ущелье. Вороны на месте не оказалось, а крупные волчьи следы перешли на бесснежный склон и исчезли; но собака егеря, Мушкет, натянула поводок и повела невидимыми следами. Когда волк пересек ущелье и стал подниматься по северному снежному склону, собака больше была не нужна. Хорошо теперь заметные следы Волчка сначала шли ровной цепочкой, но вот один след показал, что зверя качнуло – действие смеси снотворных препаратов началось. Расстояние между шагами уменьшалось. Лапы начали волочиться и чертить по снегу. Чтобы сохранить равновесие, волк стал шире расставлять лапы. Следы сделались большими от растопыренных пальцев. Волк полежал в снегу за кустом, сделал несколько ровных шагов, а затем его опять закачало из стороны в сторону, как пьяного.

Волчок спал на снегу на животе, положив морду на передние лапы. Мороз и длительная голодовка были хорошими помощниками снотворным препаратам. Волчок находился в глубоком сне с замедленным дыханием. Ему связали лапы и морду, укутали в брезент и на санях привезли на кордон.

Зоолог решил увезти волка в зоопарк в сонном состоянии, чтобы проверить способ перевозки сонных зверей. Там волк проснётся в клетке, и можно будет проследить за дальнейшим его поведением. Пасть Волчка приоткрыли и под корень языка влили раствор люминала.

Зоолог уехал в город вместе со спящим Волчком. Он и не подозревал, что это тот самый Волчок, которого он совершенно ручным бросил в пустыне Бетпак-Дала в грозные дни начала войны.

Когда машина остановилась во дворе квартиры зоолога, встречать хозяина выбежал старый, глухой охотничий сеттер Лори. Все поразились поведению собаки. Сначала она, зачуяв волка, поджала хвост. Но когда Волчка вынесли на брезенте из машины и положили около крыльца, сеттер вдруг завилял кончиком хвоста, сначала под животом, а потом весело и размашисто направо и налево. Видно было, что старая собака рада этой встрече и ничуть не боится огромного зверя.

– Кажется, Лори сходит с ума от старости, – с сожалением

сказал зоолог, обращаясь к жене.

Память на знакомый запах не исчезла у сеттера с годами. Это был интересный зоопсихологический факт, так и не замеченный зоологом.

Волчку дали ещё раз небольшую дозу снотворного и отвезли в зоопарк для наблюдений. Там Волчок проснулся в большой железной клетке.

Он медленно поднял сначала голову, потом сел, оглянулся и вдруг вскочил, поджав хвост. Отовсюду пахло лисицами, барсуками, дикими кошками. А их запахи перебивали незнакомые – медведей, тигров и других зверей. Волчок вскочил и, шатаясь, кинулся вперёд.

Железная решётка отбросила его обратно, и он упал, но опять вскочил и всю ночь бился в клетке.

К рассвету волк привык к своему помещению и упруго бегал из конца в конец, как и другие звери в своих клетках.

Утром подошёл зоолог в белом халате и что-то долго записывал, поглядывая на Волчка.

Однообразно потекли дни в неволе. Но плен пошёл на пользу старому зверю. Он поправился. Шерсть у него стала лосниться, и посетители зоопарка всё чаще останавливались около его клетки, поражаясь размерам волка...

Прошло несколько лет. Давно подох сеттер Лори. Старый волк почти лишился зубов, но его кормили мясным фаршем, и он чувствовал себя превосходно. Волчка усыпляли ещё много раз. Снотворные порошки не оказывали никакого вредного действия на зверя. Около клетки вывесили яркий большой плакат: он рекомендовал охотникам пользоваться снотворными порошками вместо капканов и ружей.

«Почему волк не старится? – думал зоолог, сидя на скамейке против клетки Волчка. – Уж не способствует ли этому длительный искусственный сон?» И учёный опять заставлял спать волка по нескольку дней.

Огромный старый волк и сейчас живёт в зоопарке – второй волчий век жизни. И странное дело: он выглядит молодо и полон энергии.

На этикетке около клетки Волчка его возраст каждый год художник зоопарка тщательно исправляет. Последний раз он исправил на «20 лет». Сколько ещё будет этих исправлений?

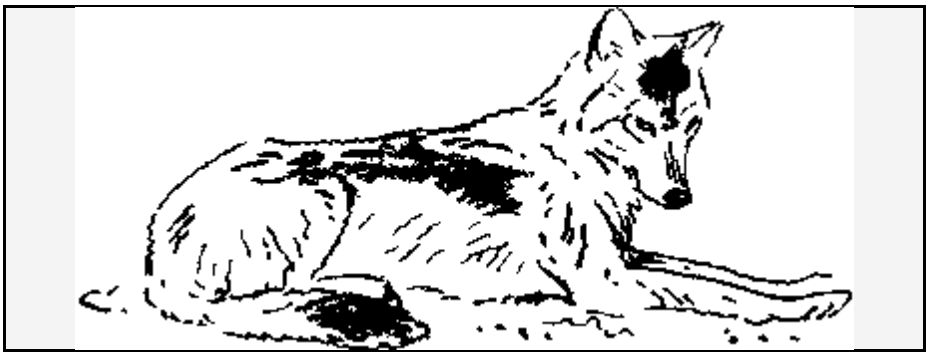
Волчок сделался знаменитостью. Его фотографировали. О нём писали в газетах.

Опыты зоолога давно уже заинтересовали учёных. В одной из медицинских лабораторий восемнадцатилетняя, чуть живая собака при искусственном сне обросла заново шерстью, сделалась

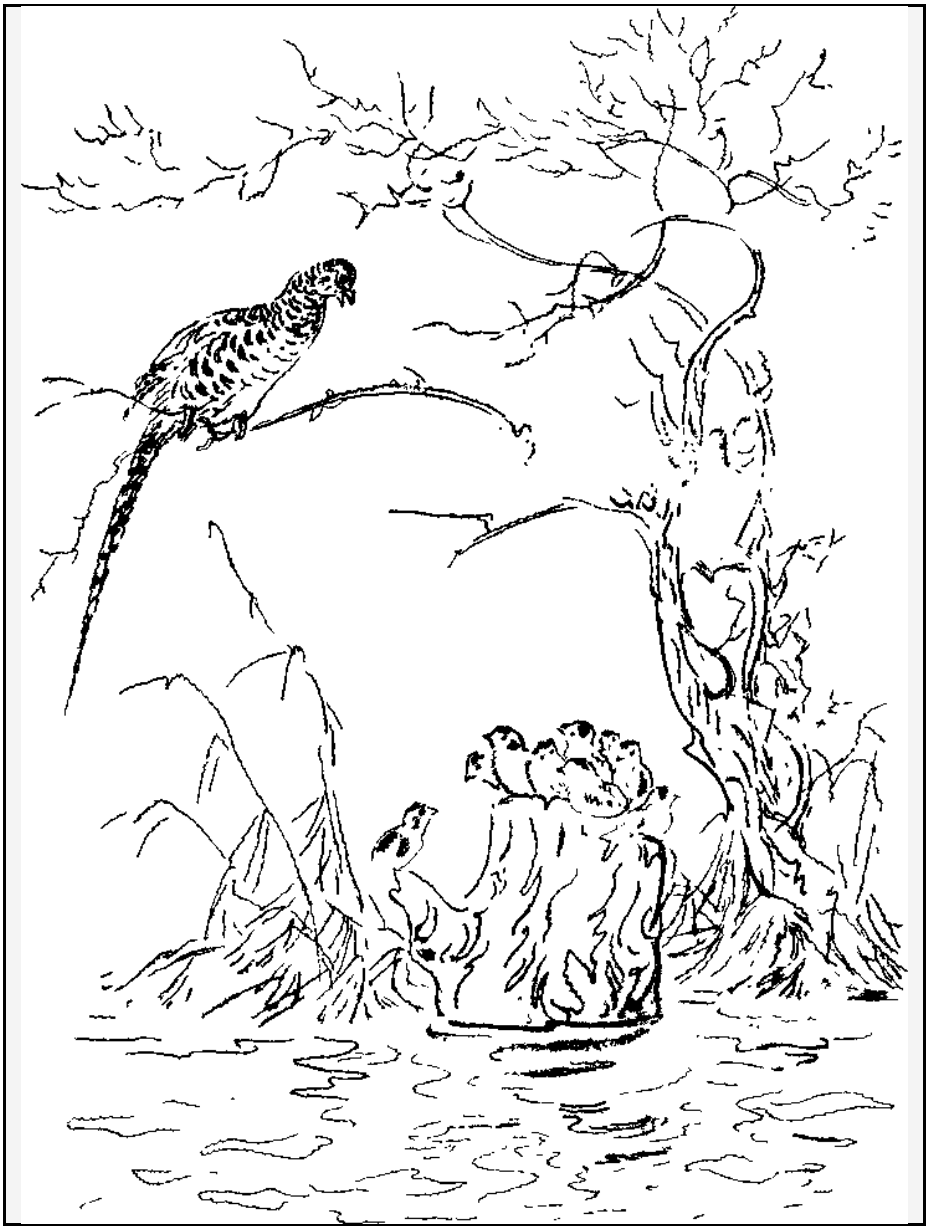
энергичной и бодрой, дожила до двадцати двух лет и, вероятно, ещё жила бы, если бы случайно её не задушила обезьяна.

Журнал «Огонёк» познакомил с этим миллионы читателей. Искусственный длительный сон стали испытывать на больных в клиниках.

Зоолог и Волчок подружились. Зверь позволял человеку гладить его через решётку, валился на бок и подобострастно поднимал огромную заднюю лапу. «Совсем как мой бетпакдалинский ручной волк», – думал зоолог, гладя Волчка и не подозревая, что это действительно был он.



СОЛОВЬИНЫЕ ОСТРОВА



НА РАЗЛИВЕ

Ещё с вечера вода в реке Или прибыла и кое-где стала

затоплять прибрежные низинки. Ночью вода хлынула через края берегов и к утру залила тугаи. По низким покосным местам она ушла на несколько километров.

Домик бакенщика, где я жил в эту весну, стоял на высоком месте и был недосягаем для весенних разливов. Мимо него неслась мутная река, необычайно широкая и необузданная в своём весеннем величии. Она несла сор, ветки и целые деревья, смытые с берегов. Где-то далеко внизу шлёпал колёсами пароход, и его дымок едва виднелся за островами. На залитых лугах чернело несколько полосок земли, не покрытых водой. На них собрались перепела со всего луга, и странно было слушать, как они кричали все враз – хором.

Яркое солнце поднялось из-за гор, и алые лучи заиграли на водном просторе. Оно осветило картину бедствия птиц и зверьков в затопленных тугаях. Здесь всюду были слышны тревожные голоса мелких птиц и цоканье фазанов.

Натуралист в такое время может повидать много интересного. И вот я уже бреду по тугаям с биноклем и фотоаппаратом, в высоких резиновых сапогах, привязанных к поясу. Палкой проверяю путь – возможны ямы, в которых теперь и дна не достать.

Всюду всплыл неподвижный древесный сор, палки и даже целые деревья. Влажный воздух насыщен запахом мокрой древесины. Разлив прекратился. Вода больше не прибывала. Река вылила свои излишки за берега и успокоилась.

Первый, кого я встретил, был заяц. Совершенно сухой, он сидел на поваленном дереве, которое возвышалось над водой. При виде меня зверёк сжался в комочек, замер. Только биение сердца частыми толчками колыхало его шкурку на боку. По зайцу полз большой жук-навозник, но заяц терпел, боясь пошевелиться.

Я стоял в нескольких шагах и фотографировал зайца. Из этих снимков у меня потом получились прекрасные цветные фотографии зайца с жуком на спине.

Недалеко из воды поднимался длинный сухой бугор, покрытый кустами и деревьями. Но почему же заяц сидел на дереве, а не спасался от наводнения на этом бугре? Очевидно, бугор заняла лиса или дикий кот. Надо проверить эту догадку. Я шагнул в сторону бугра, но в этот момент нервы зайца не выдержали, он взлетел в воздух гигантским прыжком и неумело шлёпнулся в воду, окунувшись с головой. Затем удивительно быстро и легко заяц поплыл к берегу, вскочил на бугор и притаился под первым же кустом. В бинокль было видно, как он дрожал, весь мокрый и необычайно тонкий.

Конечно, где-то поблизости был хищник, иначе заяц не

остался бы около самой воды. Стороной, чтобы не беспокоить зайца, я поднялся на бугор. Это был небольшой, удлинённый островок среди затопленного тугая. В самом конце его заметалась в разные стороны лисица. Вероятно, где-то поблизости затопило её нору с лисятами. Не допустив меня на «выстрел» фотоаппарата, лисица бросилась в воду и быстро уплыла, скрывшись за деревьями.

Я побрёл дальше по затопленному тугаю.

Над самой головой с джиды слетела фазанка и уселась на другое дерево с криком и хлопаньем крыльев. Я двинулся к ней с фотоаппаратом наготове, прячась за деревьями. Но фазанка опять перелетела немного дальше.

«Ага! Она отводит от птенцов», – догадался я, вернулся обратно и стал внимательно осматриваться. Но всюду была вода и ни одного клочка сухой земли, где могли бы скрываться фазанята.

И вдруг я заметил их. Под деревом, с которого слетела фазанка, возвышался из воды небольшой пенёк. Он был покрыт пуховой шапочкой из крошечных фазанят. Они вывелись не более как три-четыре дня тому назад. Вся «жилплощадь» пенька была так плотно занята ими, что невозможно было сосчитать, сколько их там сидит.

Пока я фотографировал фазанят, их испуг прошёл. То один из них, то другой стали вытягивать шейки и что-то склёвывать с пенька. Тогда я заметил, что вверх по пеньку непрерывно поднимаются муравьи, которыми фазанята и питались. Под пеньком, вероятно, был затоплен муравейник, и множество его обитателей спасалось от воды тоже на пеньке и под его корой.

Фазанка с шумом уселась на соседнее дерево, тревожно цыкнула и улетела. Фазанята сразу замерли, обратившись опять в неподвижную пуховую шапочку. Ни одна головка больше не двигалась, хотя муравьи ползали даже по фазанятам.

Я задумался. Что же делать с птенцами? Они погибнут на этом пеньке. Пришлось переложить пуховые тёплые шарики в шапку. Их было шесть. Больше на пеньке места не было. Слабых, очевидно, унесло водой. Я знал, что недалеко за лесом вдоль берега тянется песчаный бугор, заросший кустами. Вскоре добрался до него и выпустил там трёх фазанят. Они бойко побежали по песку, словно плюшевые шарики на тоненьких ножках. За ними потянулись крошечные полукрестики следов. Вот один юркнул в сторону и затаился в траве. Двое ещё бегут. Вскоре свернул в траву второй. А третий фазанёнок, самый сильный, убежал дальше всех и тоже скрылся в траве.

Ну, теперь всё в порядке. Если мать найдёт фазанят, они

будут жить. Трёх я оставил в шапке и бережно понёс к бакенщику. Вчера я видел, что у него курица вывела цыплят.

Дедушка Сидорыч сидел на завалинке и курил. Седой, в сером ватнике и серых валенках, он был весь словно покрыт инеем. Он всё ещё считался одним из лучших бакенщиков.

– Зачем принёс фазанят? – спросил сурово Сидорыч, и, его брови нахмурились. – Иди отнеси их обратно.

– Да вот, дедушка, – затопило их в тугаях, я и принес. Под вашу курицу выпустить – пускай растут, а трёх я на бугор...

– Тебе говорю, иди сейчас же выпусти! – прервал меня ещё более сердито Сидорыч. – Неужели не знаешь, что фазанята не будут жить с курицей? Даже если она высидит фазаньи яйца, и то фазанята вылупятся, высохнут и сейчас же разбегутся. Иди скорее, отнеси их обратно!

Сидорыч встал и ушёл в избушку, не сказав мне больше ни слова. Обескураженный такой встречей, я побрёл обратно с шапкой в руках. В ней тихо попискивали три беспомощных сиротки. Теперь я и сам припомнил, что фазанят очень трудно выращивать под курицей: где-то давно я читал об этом.

Крики фазанов в тугаях давно смолкли. Все они устроились на небольших островках.

Вот и песчаный бугор, на котором я выпустил фазанят. Чёткий, крупный след фазанки поверх моих следов говорил о том, что она прилетела сюда вслед за мной, услыхав писк птенцов. Следы шли по песку вдоль берега через большие интервалы, – значит, фазанка быстро бежала. Но вот она перешла на шаг, и в этом месте из травы на песок выбежали крошечные полукрестики её цыплёнка. Фазанка пошла дальше, а поверх её следов были следы фазанёнка – он бежал за матерью. Вот ещё такие же полукрестики выбежали из травы на песок, и теперь три птицы двигаются дальше. Наконец, по следам видно, как навстречу прибежал третий птенец, очевидно услыхав зовущий голос матери. Фазанка всё бежит вперёд и вперёд: птенцов слишком мало, где-то должны быть ещё...

Наконец следы всего семейства свернули в траву.

Мне долго пришлось бродить по кустам в поисках выводка. Но вот из-под самых ног взвилась фазанка. С неё уже в воздухе упал пуховый птенец в траву. Вероятно, она грела фазанят под собой и так неожиданно взлетела, что один из них не успел выбраться из перьев и был поднят на несколько метров в воздух.

На этом месте я высыпал фазанят из шапки в прошлогоднюю траву и бегом бросился обратно в кусты.

Возвращался я к бакенщику с таким чувством, будто у меня с плеч свалилась тяжесть. Всюду в воздухе звенели песни

жаворонков, как бесконечное, звонкое журчание невидимых ручейков.

СОЛОВЬИНЫЕ ОСТРОВА

Река Или, поколесив по соседней стране, снова возвращается к нам и быстро мчится навстречу Балхашу. Река словно торопится наверстать упущенное время, пока была в гостях у соседней страны. Из-за этой торопливости буксирные пароходы, борясь со встречным течением, тащатся всего по пять километров в час.

Песчаные барханы и пустыня, покрытые щебнем и полынкой, местами сжимают реку, и тогда она в бешенстве несётся в узкой «трубе», с грохотом обрушивая берега и образуя воронки. С усилием вырвавшись на простор, река уже спокойно бежит между островами.

После барханов и пустыни острова поражают своей природой. Настоящие непролазные зелёные дебри! Тальники, ветлы и тополя цепко перевиты тёмно-зелёными лианами, хмелем и вьюнком, кусты шиповника и барбариса образуют непроходимые колючие стены. И среди пряно пахнущей зелени островов корявые, словно покрытые пылью деревья джиды кажутся досадными осенними пятнами. Сизовато-серые, они хороши на берегах, когда река протекает в пустыне, но не здесь. Однако что поделаешь? Деревья джиды пробрались на острова, выделяются унылым пустынным цветом листвы среди весёлой свежей зелени.

Острова на Или – это настоящее царство соловьев. Кажется, что они слетелись сюда со всего света.

Как хороши здесь утренние и вечерние зори! В эти часы острова словно соревнуются друг с другом в силе и красоте соловьиного пения. Оно далеко слышно окрест. Когда проплываешь между островами, весь воздух наполнен музыкой.

Соловьёв считают певцами весны. Но в пустыне весна вместе с цветами кончается в апреле. Соловьи же прилетают на острова в мае, и только колючая джида побалует заморских гостей сильным запахом своих скромных цветов.

На островах живут не только соловьи. Днём нежное воркованье маленьких южных горлиц перемешивается с бойким щебетом славок и цоканьем фазанов. Ужи и змеи порой струятся по траве. Горе пуховым птенцам соловьев, если змея подберётся к их гнезду на земле...

Особенно громко поют соловьи по вечерам. Но в сумерках на одном из островов наступила тишина. Что случилось? Ведь на соседних островах вовсю заливаются соловьи. А, понятно! Это

мелькнула в бесшумном полёте сова. Она прилетела на остров, и соловьи замолчали, притаившись. Сова покружится немного и полетит к соседнему острову, где особенно мощно гремит соловьиный хор.

Пройдёт минута, другая, и там тоже воцарится тишина. Сова долетит до острова, но и там ей не удастся никого застать врасплох. Удел совы – мыши. Ими она и займётся на всю ночь. По Сеньке и шапка – где уж ей ловить черноглазых певцов!

Время изменило быт на реке Или. Здесь уже не встретишь деревянных лодок со стонущим скрипом в уключинах. Не стало запахов смолы, дёгтя от залитых щелей в лодках. Исчезли с реки неторопливые колёсные трудяги-пароходы, громко шлёпающие плицами. Теперь у бакенщиков металлические лодки с подвесными моторами. Над домиками на берегах высятся антенны. Мощные буксирные катера быстро толкают перед собой тяжелогружёные баржи. Даже на бакенах и перевальных сигнальных столбах не керосиновые, а электрические фонари. Исчезло с реки многое, знакомое с детства...

Но соловьиные острова на реке Или всё те же, что и раньше. И соловьи, хозяева островов, по зорям полновластно перекрывают все звуки вокруг. И хочется, чтобы соловьиные песни на соловьиных островах не смолкали вечно.

ДЕТСАД БЕЗ НЯНЕК

В горах Тянь-Шаня выпал снег. Он покрыл ущелья тонким ровным слоем. Но недолго горы будут красоваться в зимнем наряде. Взойдёт солнце и «съест» снежную простынку. После полудня ущелья опять примут осенний вид, несмотря на самое зимнее время – начало декабря. Долго приходится ждать настоящей зимы на юге Казахстана.

По свежей снежной пороше, как по домовой книге, легко проверить население гор на участке, и теперь Хасан, как только показалось солнце, сбежал по ступенькам крыльца и зашагал в горы, поёживаясь от свежего ветерка.

Зайцы-песчаники наследили по дну ущелья во всех направлениях. Всю ночь они паслись здесь, скусывая тонкие веточки таволги, объедая полынку и что-то раскапывая. Под утро на дне ущелья не осталось ни одного зайца. На день они прячутся на крутых склонах среди камней. Хасан их не видел, но знал, что зайцы наблюдают за ним.

Лисий след пересек ущелье ровной строчкой ямок на снегу и ушёл в боковой отщёлок. И лиса где-нибудь прячется, наблюдая

за ним. Хасан всё выше поднимался по ущелью, поглядывая по сторонам. Вдруг он остановился. Что это виднеется там вдали? Вскоре он увидел широкую полосу следов от множества маленьких копыт. Казалось, здесь прошла целая отара овец. Следы поднимались на перевал по южному склону. Хасан сразу понял, что это следы горных козлов – теков. Но почему только от маленьких копыт – течат? А где следы взрослых козлов?

Это заинтересовало егеря, и он стал подниматься на перевал. За гребнем следы спустились в ущелье и снова поднялись на следующий перевал. Однако один перевал сменял другой, а следов взрослых теков так и не было. Течата шли, очевидно, одни.

Наконец егерь увидел их. Большой табунок течат медленно поднимался по склону. Их было несколько десятков. И с ними действительно не было ни одного взрослого животного! Течата были совсем ещё крохотные – родились этой весной. На ходу они играли, как дети. Два козлёнка вскочили на дыбы, с размаху стукнулись лбами, а потом как ни в чём не бывало побежали рядышком догонять остальных. А вот один козлёнок вскочил на камень и стал тревожно осматриваться, поводя ушами, совсем как взрослый козёл. Вдруг удар – это другой козлёнок сшиб его с камня, а сам вскочил на его место. Но не прошло и минуты, как его сбросил с камня ещё один козлёнок. А два козлёнка долго гонялись по склону друг за другом – то один козлёнок догонял другого, то наоборот. Но основная масса маленьких течат деловито шагала в гору.

Внезапно весь табун остановился и замер, как по команде. Козлята, как один, навострили ушки – ни один из них не двигался. Серая безмолвная масса, как шубой, накрыла часть склона.

И вдруг течата дружно бросились обратно. Под их копытцами зашуршали мелкие камешки. Течата сбежали на дно ущелья и по своим же следам бросились к гребню перевала, где за камнями лежал Хасан. Они налетали на него очертя голову, справа и слева, высоко подпрыгивая с перепугу, и уносились дальше. Один течонок сбил с егеря фуражку, та покатилась вниз, козлёнок помчался от неё как угорелый. Хасан едва удержался от смеха.

Прошло не больше минуты, а течата уже обогнули поворот горы и скрылись из виду. Что же напугало малышей?

Хасан поднял фуражку и несколько минут осматривался по сторонам. На склон горы из-за поворота выехал всадник. Это был старый чабан Ошим. Егерь хорошо его знал.

Старик подъехал к егерю, слез с коня, и они, как обычно при встрече в горах, сначала спросили друг у друга о здоровье, всё ли в порядке дома, и когда вопросы вежливости были исчерпаны, егерь спросил:

– Аксакал, видел, сейчас целый табун течат пробежал?

Чабан кивнул.

– А где же старые?

– Ой-бой, не знаешь? Ещё охотник! Теперь у тау-теке свадьба. Вот молодняк пока один и ходит.

Для Хасана это было новостью. Удивился и я вечером на кордоне, услыхав от него рассказ о встрече с табуном течат без взрослых козлов. Ведь об этом ни в одном научном труде о жизни диких горных козлов не написано. Удивился – и только. Но когда мне рассказал профессор Мариковский, как он встретил в Джунгарском Алатау сотенный табун маленьких течат без единого взрослого животного, я решил написать об этом. Пусть все знают, какие бывают в горах детсады без нянек!

ПОСЛЕДНИЙ АРХАР КАПЧАГАЯ

Каменные обрывы Капчагайского ущелья сжимают, как тисками, реку Или. В узкой стремнине река удваивает скорость и хлещет по берегам, не жалея себя. Только через десяток километров река вздыхает свободнее и разбегается протоками между островами.

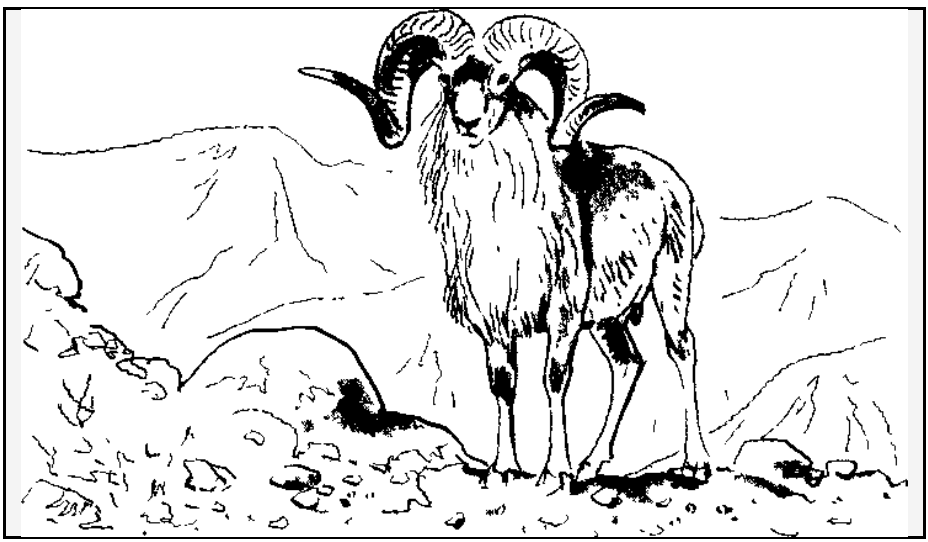
Вот уже много лет подряд поздней осенью старый архар встречал в Капчагае архарок, прогонял от них молодых самцов и

делался властелином табунка. Зимой, когда проходила брачная пора, архар уходил к далёким отрогам Джунгарского Алатау и бродил там один или с другими самцами.

Так было из года в год. Но всё меньше становилось архаров в Капчагае. И вот наступила такая осень, когда архар оказался один. Пустынно стало в ущелье. Исчезли даже краснолапые кеклики и маленькие южные зайцы-песчанки.

Но зато пришли люди. Стальной трос повис над рекой с одного берега на другой. Застучали топоры, затарахтели машины. Появились сначала палатки, потом домики. Люди готовились перекрыть реку Или мощной Капчагайской плотиной.

Архар неподвижно стоял среди скал, такой же серый, как и они. Далеко внизу по реке проносились катера, плыли лодки, но люди не замечали неподвижного архара среди камней и скал.



На утренних зорях архар торопливо ходил по ущельям в напрасных поисках своих собратьев. Днём, когда на реке появлялись люди, он скрывался в скалах. По знакомым тропам в вечерние сумерки спускался на водопой. Теперь только эти тропы, выбитые миллионами копыт архаров и теков, свидетельствовали о буйной жизни, когда-то царившей в Капчагае.

Поздняя осень. Всё реже и реже над рекой проносились табунки перелётных уток. Прозвенели крыльями последние лебеди в синем небе, и голоса перелётных птиц смолкли до весны. Зима вступила в свои права. Ударили первые морозы. Лёд сковал реку. Работы на реке прекратились, люди покинули Капчагай.

Архар перешёл по льду на левый берег реки. Но и здесь он никого не нашёл. Одиночество раздражало старого архара. Он сердито похрапывал басом и рысцой бегал по ущельям то по одному берегу, то по другому.

Кто-то из рыбаков заметил архара на льду и рассказал об этом в посёлке строителей плотины. На другой же день человек с ружьём появился среди скал. Но архар первый заметил охотника и замер без движения среди огромных камней, в беспорядке наваленных друг на друга. Человек прошёл мимо и до вечера тщетно бродил по ущельям. Всюду он видел только следы, старые и совсем свежие. Архар не покидал своего укрытия до заката. В сумерках человек ушёл по льду реки в посёлок.

Утреннее солнце окрасило в розовые тона вечные снега Талгарского пика Заилийского Алатау. Высокогорные галки-клушицы с загнутыми красными носами с криками кувыркались над Капчагаем. Архар отошёл от скал на равнину и пощипывал сухую полынку, хотя давно лишился аппетита. Вдруг он заметил, что по равнине несётся какое-то блестящее существо, отрезая его от скал. Это была легковая машина. Чёрное дуло ружья торчало из бокового окошка.

Архар стоял не двигаясь. Слепая бешеная ярость нарастала в нём с каждой секундой. Машина круто повернула и понеслась прямо на него. Вдруг произошло невероятное – огромное животное с пудовыми рогами бросилось прямо навстречу машине. Расстояние стремительно сокращалось. Столкновение сделалось неизбежным. Шофёр изо всех сил резко нажал на тормоза. Машину занесло по мелкому снегу, и она опрокинулась в клубах снежной пыли. А над ней огромным прыжком метнулся архар и помчался к отрогам Джунгарского Алатау.

Никто больше не встречал архаров в Капчагае. Скалами завладел человек, а Капчагайское море неузнаваемо изменило всё вокруг.

В ЛЕДЯНЫХ ОБЪЯТИЯХ

Быстро наступали зимние сумерки. Горы скрылись в морозной дымке, слегка розоватой на западе, где опустилось солнце. Но буйную горную речку Чилик не могли сковать зимние морозы. Только у берегов протянулись неширокие ледяные кромки, а середина речки с шумом мчалась по камням.

Егерь Бартугайского охотничьего хозяйства вечером подошёл к висящему на канатах мостику через Чилик и позвал пса. Лохматый Тузик послушно подбежал, но перейти недавно

построенный мостик не решился – он поджал хвост и попятился. Ни ласка, ни угроза не помогали. Тогда егерь схватил пса на руки и понёс. Но едва он сделал несколько шагов над грохочущей рекой, как Тузик пришёл в неистовство – он визжал, рвался и даже укусил хозяина.

– Пошёл домой, дурак! – рассердился егерь и бросил пса на берег.

Вечером егерь вернулся домой. Тузик не встретил его, как обычно, радостными прыжками. Собачья будка возле крыльца была пуста.

Поздно вечером в посёлке долго лаяли собаки. Егерь с семьёй в это время ужинал.

– Это, наверно, опять Тузик соседских собак треплет, – сказал егерь, перевернул чайную кружку и положил сверху остаток сахара.

– Ты бы, Женя, вышел да привязал собаку, – сказала жена. – А то соседи опять будут обижаться.

– Ничего, пускай ночь побегает – вон какой мороз на дворе.

Вскоре свет был потушен. Но егерь долго не мог уснуть, недоумевая, отчего так упорно лают собаки в посёлке.

Долго тянулась зимняя ночь. Рассвело только около восьми часов. Егерь вышел на крыльцо и подивился: Тузика не было на месте. Посёлок возле кордона был всего с десяток домиков. Не оказалось Тузика нигде и во дворах. «Может, увязался за мной через мостик да так и остался на том берегу?» – подумал егерь и быстро пошёл к берегу Чилика.

За речкой в ледяной кромке что-то чернело, свисая в воду. Когда егерь прошёл мостик, пятно пошевелилось и сквозь грохот реки донёсся слабый собачий вопль.

Это был Тузик! Он стоял задними ногами в воде, мордой и грудью навалившись на ледяную кромку. Длинная шерсть прочно примёрзла ко льду. Стремительная вода горной речки всю ночь обжигала холодом тело собаки. Очевидно, Тузик погнался за хозяином не через мостик, а вплавь, но не смог выбраться из воды на ледяную кромку и застрял, схваченный морозом.

Егерь встал на колени и попробовал осторожно отодрать шерсть собаки ото льда. Но сделать это было невозможно. Собака лизала руки хозяина и визжала. Передние лапы бесцельно скребли лёд и за ночь процарапали глубокие канавки.

Егерь побежал к дому за топором. Вслед ему понеслись истошные вопли Тузика. И сразу на них откликнулся хор собачьего лая из посёлка. «Так вот почему всю ночь волновались собаки», – подумал егерь, проходя мостик, качавшийся под ногами.

С топором в руках он вернулся, вырубил глыбу льда и вместе с ней на руках принёс Тузика домой. Но тяжёлый лёд долго ещё держал пса на полу. Жена егеря осторожно поливала льдину горячей водой. С каждой минутой лёд таял всё быстрей.

Пришли соседи и только качали головами.

– Зачем притащил собаку? Пристрелить её надо. Теперь у неё задние ноги отымутся, калекой станет, – сказал старик сосед.

– Не могу я убить свою собаку, я её вырастил! – сердито возразил егерь.

Вдруг Тузик радостно вскочил на все четыре лапы, встряхнулся и завилял хвостом. Хозяйка бросила кусочек мяса. Тузик проглотил его не жуя: аппетит у него был отличный.

– Ну и силён! – удивился старик. – Но всё равно сдохнет. Мыслимо ли дело простоять зимой всю ночь в воде!..

Но предсказание деда не сбылось. С тех пор прошло много времени, а Тузик весел и энергичен, как всегда. Его выносливости можно только удивляться!

БЕЛЫЙ СИГНАЛ

Наша машина неслась степью по гладкой, укатанной дороге. Но вот путь нам пересек болотистый ручеёк из небольшого родника. Завизжали тормоза, машина остановилась, хлопнула дверца, и водитель долго ходил, выбирая место для переезда. На первой скорости «газик» медленно тронулся по грязи. Но колёса забуксовали. Обычная небольшая задержка. Несколько лопат сухой земли под колёса – и «газик» помчится дальше.

Я и не вспомнил бы об этой десятиминутной остановке, если бы не куличок. Его четыре яичка лежали где-то в ямке на берегу ручья. Но видеть их никто не должен – куличок крепко зарубил это на своём носу с того момента, как в ямке-гнезде появилось первое яичко. «Ответственность» за него унаследована от предков. Мало кто знает, с какими муками куличок сносит каждое своё яйцо чуть ли не в одну треть самого себя. С полчаса после этого птичка лежит в полном изнеможении.

Но как же может защитить крошечный куличок свои драгоценные яички от великанов?

Да, собственно, никак!

Единственно, что он может сделать, – это отвлечь врага на самого себя.

И куличок стал изображать перед нами инвалида – подхрамывал то одной лапой, то другой, волочил крылья... Но нам было не до него. И что же тогда куличок? Раз его не замечают, то вот вам, смотрите – на берегу ручейка ярко забелел далеко заметный сигнал. Наклонив головку, вытянув шейку над землёй и высоко подняв хвост, куличок обратился в «зенитное орудие». Ярко-белые перышки под хвостом замелькали над тёмной грязью и были в самом деле хорошо заметны издалека. Мелко семеня тонкими ножками, куличок с высоко поднятым хвостом и в очень неудобной позе побежал вверх по ручейку. Но зато теперь его могли не заметить только слепые!

Мы засыпали сухой землёй колею и тронулись дальше. Я выглянул из машины и увидел, как куличок медленно «опадал» из своей вертикальной позы. Белый сигнал над грязью погас. Куличок стоял на комочке земли, кивал головкой и помахивал хвостиком вверх и вниз, словно прощался и благодарил нас за великодушие.

Пыль за машиной скрыла переезд через ручей. И хотя ничего больше не было видно, но так и представлялось, как куличок спокойно, по-хозяйски, усаживается сейчас на свои огромные четыре яйца. Его тёмная спинка теперь сольётся с грязью на берегу. Ни одного белого перышка больше не увидишь. Птичку скрыла сказочная шапка-невидимка.

ЛЕБЕДИНЫЕ ОЗЁРА

Бескрайние просторы Западного Казахстана медленно плывут

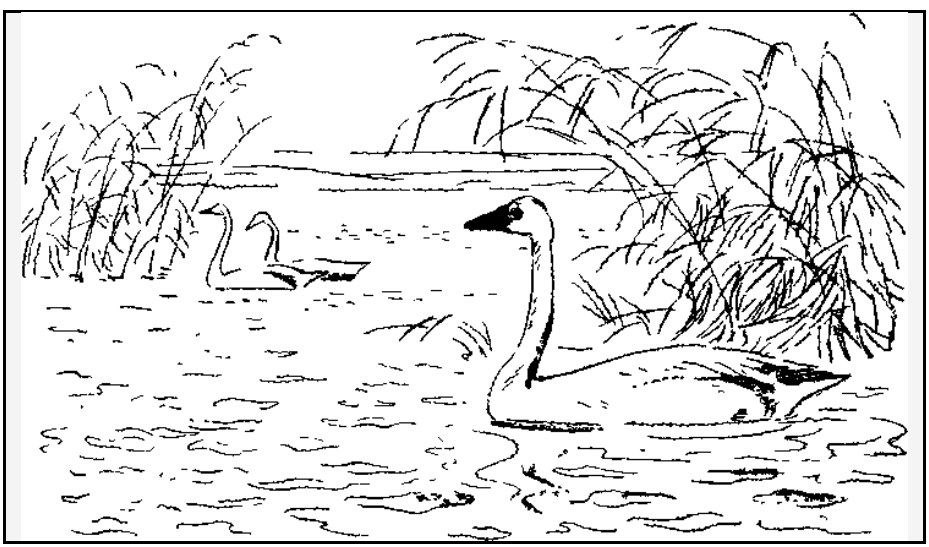
далеко внизу под крылом самолёта. Однообразна растительность сероватых и желтоватых тонов. Пора весенней зелени уже проходит, и горячее солнце лета скоро сделает своё дело – от его обжигающего дыхания окончательно выцветет пустыня.

Но вот на горизонте показались ярко-зелёные полоски. Чем ближе, тем они шире. Это тростники по реке Тургай и на бесчисленных озёрах. Когда-то два мощных ледника с Урала и Таймыра встретились здесь и пропахали далеко к югу Тургайскую впадину. Давно изменился климат, растаяли льды, и только озёра остались в этих местах в память о суровых тысячелетиях.

Самолёт снижается. Одно за другим проносятся внизу синие озёра. Вот огромное озеро Кельтколь. Спокойная гладь его пестрит от множества белых точек. Что это? Чайки? Но даже с высоты самолёта видно, что для чаек они слишком крупны.

Самолёт совсем низко летит над гладью Кельтколя. Птицы покачиваются на волнах, как льдинки на весеннем разливе. Это дикие лебеди. Появление самолёта не особенно обеспокоило их. Чего бояться этим гордым красавцам у себя дома? Они словно бы знают, что охота на них запрещена. Да и безлюдье кругом, как в северной тундре.

Под крылом самолёта проплывает одно озеро за другим, и всюду лебеди, лебеди, лебеди! А ведь в поле зрения одни лишь самцы. Лебёдки сидят сейчас на яйцах в густых зарослях.



На озёрах Тургая гнездится не менее трёх тысяч диких лебедей. На юге это единственное место их массового гнездования. Белоснежные стаи птиц проносятся весной над

нашей родиной далеко к северу – до самого Ледовитого океана. В тундре и на глухих таёжных озёрах затихает перезвон их крыльев – там они спокойно выводят птенцов. Но ледники седой древности оставили на юге озёра, и они, эти южные озёра, стали второй родиной осторожных гордых птиц.

„ОТБЛАГОДАРИЛ"!

Реку Или перепрудил ледяной затор на повороте между двух островов, и вода стала прибывать на глазах; ночью она вышла из берегов и устремилась в тугаи, прямо через двор егерского кордона. Хозяин проснулся, когда вода с шумом ворвалась через двери и окна. По комнате поплыли вещи, одежда, продукты...

Поднялся переполох и в тугаях. Фазаны, беспомощные ночью, как куры, суматошно срывались с насиженных мест и лепились в гущу ветвей. Кабаны и косули зашлёпали вброд и пустились вплавь, направляясь к высокому берегу реки. С бугорка на бугорок заметались зайцы, и там их безжалостно смывала вода.

Неизвестно, сколько зайцев погибло, но одному из них спастись удалось: он оказался на усадьбе кордона и вспрыгнул на тандыр – печку для выпечки хлеба, сложенную во дворе. Утром егерь бродил по двору в резиновых сапогах, перетаскивая вещи на крыши сараев, и заметил зайца, прильнувшего к трубе. Глазами, выпученными от ужаса, он обречённо смотрел на егеря, но не пытался бежать, очевидно понимая, что вода для него опаснее, чем человек. Егерь пожалел зайца, принёс из сарая кукурузный початок и положил его на край печки...

В полдень над рекой появился вертолёт. Он неторопливо полетал над ледяным затором, сбросил взрывчатку, поднявшую фонтаны воды и осколков льда, но ничего не добился – лёд глухо запирал речку, всё выше поднимая в ней воду.

Только на третий день был разрушен затор. Вода хлынула в реку, унося с собой кустарники, хворост, доски и дрова. Ушла вода и со двора кордона. Но заяц с печки не слезал – он здесь неплохо обжился и не торопился восвояси. На печке было сухо, а егерь на кукурузу не скупился.

Весеннее солнце и ветер вскоре высушили грязь во дворе, просохли поляны в тугаях, и загостившийся заяц наконец убрался подобру-поздорову, оставив следы на влажной земле.

Река успокоилась и вошла в берега, унося последние льдинки. Проносились табунки перелётных уток. Кричали чайки и чибисы. Весна вступила в свои права.

Утром егерь вышел из дому и решил осмотреть сад при

кордоне. Перед первой же яблонькой он озадаченно остановился: по низу ствола была аккуратно обглодана кора. Не было сомнения, что это была работа длинноухого гостя, потому что его же следы вели во двор, к самой печке, на которой он отсиделся в наводнение, угощаясь даровой кукурузой. Не было никаких гарантий, что он снова не наведается сюда. Штакетник садовой ограды был свален и частью унесён водой. Тут и нескольких дней не хватит, чтобы восстановить его, и вот, вместо того чтобы заниматься делами на кордоне, егерь до самой ночи обворачивал рубероидом стволики молодых яблонь, и они стояли теперь, словно обутые в сапоги, недоступные для зайца.

И егерь не напрасно трудился. Наутро все дорожки в саду были испятнаны заячьими следами, но косому пришлось убраться не солоно хлебавши. И ещё не раз наведывался незваный гость, проверяя, не разулись ли яблони. Следы вели также и к печке, но и там ему нечем было поживиться – кукуруза была в сарае на крепком запоре.

На время о зайце забыли. Но когда на огороде появились первые всходы моркови и свёклы, он снова повадился в гости. Не помогали ни капканы, ни петли – он презрительно обходил их и без всякой милости опустошал грядки. В конце концов пришлось завести собаку, а то хоть беги – никакого житья не стало от него. А егерю, хоть и худая, а всё же наука: заяц, который людей не боится, может сделать много неприятного.

ШАГАЮЩАЯ МЫШЬ

В открытой степи среди одиноко торчащих полынок можно встретить крошечные следы какой-то мышки, которые невольно заставят пройти по ним – зверёк шёл по снегу, а не бежал и не прыгал. Мышь, идущая шагом, – это должно выглядеть занятно! На плотном снегу все четыре лапки отпечатались совершенно отчётливо. Куда же могла брести эта шагающая мышь? Конечно, от одного ныряка в снег до другого. Морозной ночью при ветре маленькие полёвки могут пробежать по поверхности снега не более десяти метров, а там – скорее под снег, к земле, где нет леденящего ветра Снег – это та же «шуба»: чем толще, тем под ним теплее. Разница в температуре на поверхности глубокого снега и под ним доходит до пятнадцати градусов!

Крошечные лапки прошагали своё критическое расстояние и уже вдвое превысили его. Вот-вот на снегу покажется замёрзший трупик мышки-рекордистки по переходам в мороз по снегу. Однако следы идут всё дальше и дальше. В одном месте зверёк

даже объел семена какой-то сухой травки над снегом. Значит, он чувствовал себя неплохо. Но сейчас даже днём двенадцать градусов мороза, значит, ночью было около двадцати. Если бы кто-нибудь рассказал об этом, трудно было бы поверить такому рассказу. Однако запись, сделанная в Снежной книге, – документ совершенно неопровержимый.

Больше километра шагала мышка по степи при слабом мерцании звёзд навстречу ночному леденящему ветерку. Это становится настолько интересным, что хочется зарисовать след «героя» – мышки. И сразу же первое открытие: едва внимательно присмотришься к следам, как видишь, что, оказывается, они сделаны не ночью, а совсем недавно, только что, – они ещё нисколько не успели затвердеть на морозе и ветре.

Скрипят палки, шуршат по снегу лыжи, и любой читатель Снежной книги бросается бегом догонять загадочную шагающую мышку, которая где-то совсем близко.

Крошечные следы всё так же спокойно идут по степи. Кругом далеко видно, но нигде на снежной белой поверхности не заметно ни одной двигающейся точки.

Но вот и конец, при этом печальный: нам не удалось выяснить, что это за шагающая мышь. Издалека видно, что следы просто оборвались на последнем шаге и исчезли. Нет ни нырка в снег, ни их продолжения. Всё понятно. Хищная птица «слизнула» со снега крошечное загадочное создание и унесла или проглотила его на лету. Это так досадно, что невольно ищешь доказательств в конце следа – нет ли какой бороздки на снегу от крыла, капельки крови или клочка шёрстки... Вдруг маленький снежный комочек бойко покатился вперёд от конца следа, как сказочный колобок! Это только показалось в первое мгновение, что катится снежный комочек. Катится не снежный комочек, а торопливо бежит пушистый зверёк, белый как снег! Скорей за ним!

Несколько торопливых шагов, и уже видно, как он сидит на снегу, злобно вереща, широко раскрыв рот и угрожающе подняв по бокам головы малюсенькие растопыренные лапки. Крошка так мала и красива, что невольно улыбаешься. Да ведь это джунгарский хомячок!

Несмотря на грозно-комический вид, джунгарский хомячок безобиден. Он бережно взят и посажен прямо на ладонь. Внезапно поведение его резко меняется. Хомячок садится на задние лапки и начинает умываться передними. Вот он вытянул заднюю лапку, лизнул подошву и почесал ею за ухом! Хомячок получает изрядную крошку хлеба. Зверёк хватает её передними лапками, садится «колышком» и с жадностью ест, посматривая на вас своими замечательными чёрными глазками. Если бы все дикие

животные вели себя так же!

Зверёк настолько мил и безобиден, что хочется вернуть его обратно «домой», а кстати узнать, откуда он вылез на снег. В кармане он ведёт себя как хозяин, громко грызя сухарь. Затем засыпает, убаюканный ходьбой.

Долго приходится идти обратным следом, но наконец, у небольшого берёзово-осинового колка, под первыми берёзками выходное отверстие из какого-то бугорка. Смахнув с него снег лыжей, приходится снова удивляться. Норка джунгарского хомячка устроена в муравейнике! Копать такую норку в рыхлой постройке муравьев, конечно, легко даже маленькими слабыми лапками. Но как хомячок умудряется жить в муравейнике весной, когда муравьи просыпаются, это до сих пор не разгадано, и мы стоим пока только перед фактом, без его объяснения. В муравейниках нередко ловили мы джунгарских хомячков и среди лета.

Вынутый из кармана хомячок забавно зевает на ладони, щурится, потягивается и принимается опять за умывание. Он как бы нехотя, вперевалочку уходит в глубь муравейника досматривать сны, которые ему приснились в кармане.

Приятных сновидений, сказочный зверёк!

КОВАРНЫЕ РАСТЕНИЯ

Побывайте поздней осенью высоко в горах Заилийского Алатау. Вас наверняка удивит «весенний» пейзаж в ущельях. На сером фоне поблёкшей растительности ярко выделяются нежно-розовые кустарнички курчавки. Вперемежку с ними, словно коробочки хлопка, шары терескена. Но это не второе цветение, как бывает у черёмух и яблонь в затяжную тёплую осень. Растения заснули на зиму в ярком убранстве. Но задуют резкие осенние ветры и сорвут с курчавки крылатки-плодики и с терескена белые летучки семян. Но пока мы словно бы заново переживаем очарование обманчивой весны.

В одном из ущелий ярко зеленеет трава. Но на этот раз без обмана. Трава зелёным бордюром окружает родничок, не замерзающий до самой зимы. Здесь множество следов кекликов и диких горных козлов. Это их водопой. Сюда же присели напиться две крошечные пеночки. Они благополучно пролетели огромное расстояние из густых лесов Сибири до Семиречья. Но из родника эти птички напились в последний раз в жизни. Среди яркой зелени коварно замерли стебли репейника. Растение давно умерло, а на концах его веточек свирепо растопырились колючки

с семенами, готовые зацепиться за что угодно живое, лишь бы подальше перенестись от места, где они созрели, и на новоселье дать жизнь новому репейнику.

Мёртвый стебелёк репейника похож на сухую веточку в лесу, и пеночка, утолив жажду, вспорхнула на него почистить шильце-клювик. Колючки репейника словно бы ждали этого и цепко ухватились за перышки на брюшке. Птичка запищала, отчаянно забилась, но только крепче влипла в колючки. Вторая пеночка озабоченно вздыбила перышки и запрыгала по стеблям репейника. Конечно, она ничем не могла помочь подружке, и кончилось тем, что колючки и её схватили, опрокинув вниз головой.

К вечеру жалобный писк пеночек смолк. Словно распятые, они висели на репейнике, покачиваясь на ветру, а под ними соблазнительно и невинно красовались малиновые плодики сочных солянок, похожие на цветы.

Как обманчиво порой выглядят растения осенью!

„ДУЭЛЬ"

В лунную морозную ночь мы шли с товарищем по просеке в густых тростниковых зарослях. Кабаны по ночам роются с таким треском, что к ним легко подкрасться на выстрел.

Товарищ пошёл вправо, а я – влево. Было так светло, что просека проглядывалась до самого поворота. Но в зарослях не слышно было ни малейшего шороха.

Я подошёл к поперечной просеке и долго стоял прислушиваясь. Но и здесь было тихо. Только где-то далеко в посёлке чуть слышно залаяли собаки. Это был единственный звук в безмолвии зимней лунной ночи. Значит, кабаны рылись где-то на другом острове, и мы напрасно приехали сюда.

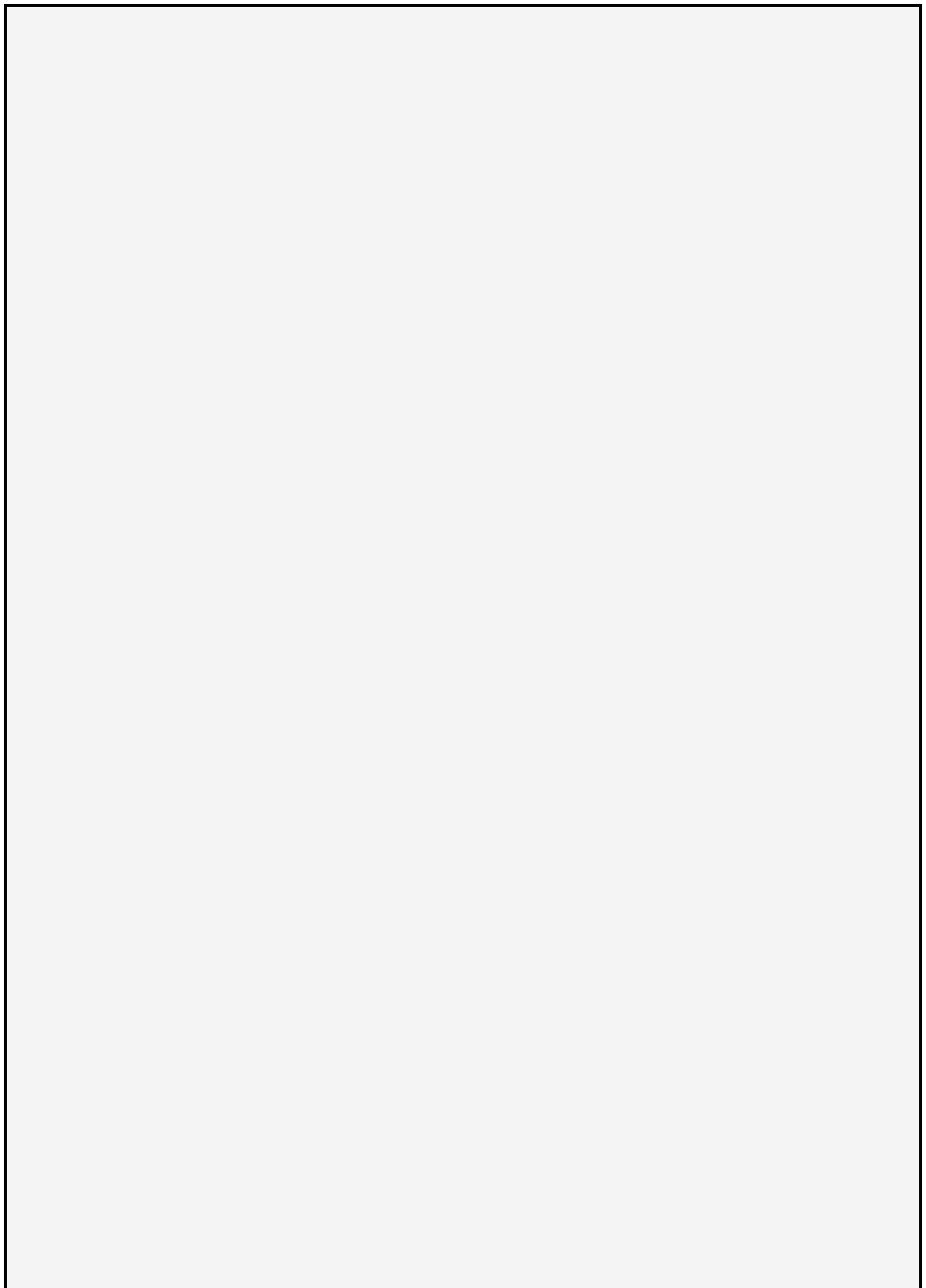
Просеку пересекала ложбина. На ней журчала вода, окутанная паром: ночь была холодная. Ложбинка раздвинула тростники узкой щелью, и мне послышалось, что в глубине её похрустывает тростник. Я свернул с просеки и осторожно зашагал по сырой земле.

За поворотом ложбинка расширялась и шла прямо, но туман над ней мешал видеть, что там впереди. Вдруг совершенно ясно раздалось несколько далёких шлёпающих шагов по грязи, и всё стихло. Конечно, это рылся кабан! Но как я осторожно ни продвигался вперёд, грязь под ногами предательски чмокала. Однако это не пугало кабана, и его шаги тоже приближались.

«Вероятно, он считает, что по грязи идёт его сородич», –

подумал я и пригнулся, пробираясь вперёд.

Сухая осока покрывала берега ручья, и я присел в ней, решив подождать, чтобы кабан сам подошёл на расстояние выстрела. Но шаги зверя в тумане стихли. Кабан заподозрил, видно, неладное и затаился. Но он был где-то здесь, совсем близко. Эх, если бы не туман! Так прошло несколько минут в томительном ожидании. И вот опять осторожные шаги...



Наконец я увидел сквозь туман тёмное пятно крупного зверя. Оно двигалось по осоке прямо на меня. Кабан был на расстоянии верного выстрела. Я приподнялся, держа ружьё на весу. А он как раз в это время поднял голову над осокой. Я прицелился и стал медленно нажимать спуск. В это мгновение перед кабаном что-то тускло сверкнуло при свете луны – это из ружья в меня целился товарищ! Мы оторопело поднялись во весь рост, едва не обменявшись выстрелами, которые могли стать для нас роковыми.

„НЕЧИСТАЯ СИЛА"

Зимовка кочевых животноводов встретила нас полным безлюдьем. Двери глинобитных домиков были придавлены толстыми сучками саксаула. Замков нигде не было. Ветры чисто-начисто вымели пустые дворы.

Вместе с овцами и незатейливым имуществом чабаны на верблюдах откочёвывают весной далеко на север. Пустыня Бетпак-Дала на всё лето замирает. В крошечных посёлках-зимовках остаётся только стойкий запах овечьих кошар и загонов.

Мы остановили машину около колодца. Он был тщательно укрыт саксаулом, прижатым сверху старой автомобильной рамой. В домике рядом мы и решили переждать жаркие часы.

Едва я переступил порог, как в печке послышался странный шорох. «Вероятно, пустынный сыч устроился на день в трубе», – подумал я. Но шорох прекратился.

В глинобитном домике было пусто. Керосиновая лампа на потолке, спички, старые радиобатарейки – вот, пожалуй, и всё. Зато было прохладно, а нам больше ничего и не надо.

Мы расстелили брезент и разлеглись на полу. Мой проводник-казах тут же заснул. Однако шофёру что-то понадобилось в машине, он встал, приоткрыл дверь, но снова поспешно захлопнул её.

– Кто-то на крыше, – тревожно сказал он, отступая.

Я осторожно, чтобы не разбудить проводника, встал и взглянул в маленькое оконце. Напротив нас из труб трёх домов торчали чьи-то чёрные круглые головы. Их не было, когда мы приехали.

– Не черти же это! – усмехнулся я. – Но всё же надо проверить.

Едва мы вышли из домика, как все три головы нырнули в трубы. Конечно, «нечистая сила» – чепуха, дедовы сказки, но в первом же домике опять раздался шорох в трубе.

– Сейчас мы узнаем, кто там! – рассердился шофёр.

Он поднял с полу обрывок кошмы, поджёг его и сунул в печку. Мы выбежали во двор. С первыми клубами дыма из трубы выскочил огромный чёрный кот, гигантскими прыжками перелетел на крышу соседнего домика и нырнул в трубу. Там раздалось шипение, кашель, возня, а вслед за этим кот опрометью выскочил обратно, спрыгнул на землю и ускакал за бархан. Видно, труба была уже занята другим котом, не пожелавшим потесниться.

В это время подошёл к нам проводник.

– Айда ночевать, жарко ещё, чиво туда-сюда бегать! – сказал он зевая.

– Слушай, аксакал, откуда здесь коты, и все чёрные?

Казах усмехнулся в редкую седую бороду.

– Зачем кошке кочевать? Чабанов ждать дома надо. Всё закрыто, зато труба есть. Конешно, сажи шибко много. Пока туда-сюда лезут, вороные стали. А зимой сивые, пегие, всякие были.

– Как же коты не дохнут летом от голода?

– Зачем дохнуть? А эти, как их по-вашему? – И проводник показал рукой на ближайший бархан, усеянный норками песчанок.

Значит, полгода кошки живут дикарями, но каждая в своём доме!

ВОРОНЫ НА СТОЛБЕ

Машина стремительно мчится шоссейной дорогой, прямой

как стрела. По сторонам одни барханы, однообразные и скучные, лишь кое-где оживляемые зарослями саксаула. Телеграфные столбы уходят вдаль, исчезая в мареве лёгкой дымки после недавнего дождя. Это дорога от Баканаса до Илийска, пересекающая бугристые пески Муюн-Кумов. Если долго ехать по ней, начинает казаться, что асфальт мчится навстречу. Глазу не на чем остановиться...

Но вот на одном из столбов показалась чёрная точка. Приближаемся и видим, что это сидит чёрная ворона. Мимо с грохотом проносятся грузовые машины, но ворона спокойно причёсывает свои перья. Казалось бы, что интересного в ней – мало ли ворон сидит на столбах у дорог! Но нога невольно нажимает на тормоз: на столбе между фарфоровыми чашечками изоляторов свито воронье гнездо, а из него выглядывает вторая ворона!

Как только машина остановилась, обе вороны взлетели и закружились, никуда не улетая. Конечно, в гнезде у них яйца. И сразу же приходит в голову: что может быть нелепее, чем гнёзда на открытом месте, видном любому врагу за несколько километров? Но если подумать, не так-то уж и плохо эти вороны устраивают свой очаг. Ведь взобраться на высокий гладкий телеграфный столб труднее, чем на низкорослые саксаул или тамариск. Да и кто полезет? До ближайшего посёлка километров двадцать, а машины проносятся не останавливаясь. Вороны хорошо приспособились к новой технике в пустыне. Чем ближе к озеру Балхаш, тем больше вороньих поселений на столбах. Гнёзд там местами так много, что связистам приходится очищать от них столбы.

Наша машина двинулась дальше. В заднее окошечко видно, что ворона опять села в гнездо. Её супруг примостился на вершине столба. Они могут быть теперь совершенно спокойны – машина с натуралистами только одна в потоке автотранспорта и ни один шофёр не затормозит при виде вороньего гнезда на столбе!

НЕРАЗГАДАННАЯ ТАЙНА КЕКЛИКОВ

Приехал я на лесной кордон Бартугай поздно вечером и не успел рассказать о цели своего приезда егерю Чуне. А он, как истый житель горных лесов, никогда ни о чём сам не спрашивал. Только на следующий день утром, когда мы сели на кошму перед столиком на крошечных ножках и стали пить чай с баурсаками, я задал Чуне тревожный для меня вопрос:

– Как в этом году, Чуне, в горах есть кеклики?

– Мал-мала есть, – ответил Чуне, сразу поняв, что начался служебный разговор.

«Мал-мала» в понятии Чуне значило много, и поэтому приехал я в Бартугай не напрасно.

– Видишь ли, Чуне, – приступил я к трудному разговору, – учёные зарубежных стран считают, что кеклики-самки сносят яйца в два гнезда, и на одном высиживает самка, на другом – самец. Так и ходят потом каждый со своим выводком. Я приехал проверить, так ли это.

Чуне мрачно молчал и громко втягивал чай. По всему его недовольному виду было ясно, какого он невысокого мнения обо мне – всегда я занят пустяками!

– Тау-теке на Турайгыре шибко много, – неуверенно произнёс он, глядя в окно и стараясь сбить меня на такое дело, которое было бы для него интересным.

– А ты, Чуне, не замечал, два гнезда у кекликов или одно?

– Кто его знает...

– После чая оседлай коней и поедешь со мной!

– Ладно.

Мне не удалось пока заинтересовать Чуне кекликами, но я надеялся сделать это в горах. Его наблюдательность и знание повадок животных нужно было обязательно использовать.

Через час наши кони побрели через Чилик. Белая пена клубилась со стороны течения, достигая седла. Кони шагали тяжело, слегка наваливаясь всей тяжестью на воду, чтобы не быть сбитыми с ног течением. Я много раз переезжал вброд через Чилик, но каждый раз вздыхал облегчённо, оказавшись на том берегу.

– Тут чушка днюет! – сделал Чуне последнюю попытку заинтересовать меня охотой на кабанов и показал камчой на тугай.

Я не ответил, и он потащился сзади, всё время отставая. Около каменистых россыпей закричали кеклики. Мы слезли и пустили лошадей пастись.

– Чуне, ты находил когда-нибудь гнёзда кекликов? – спросил я.

– Приходилось...

– Давай поищем!

– Зачем?

– Как – зачем? Я же тебе объяснял!

– У них гнёзд сичас нету.

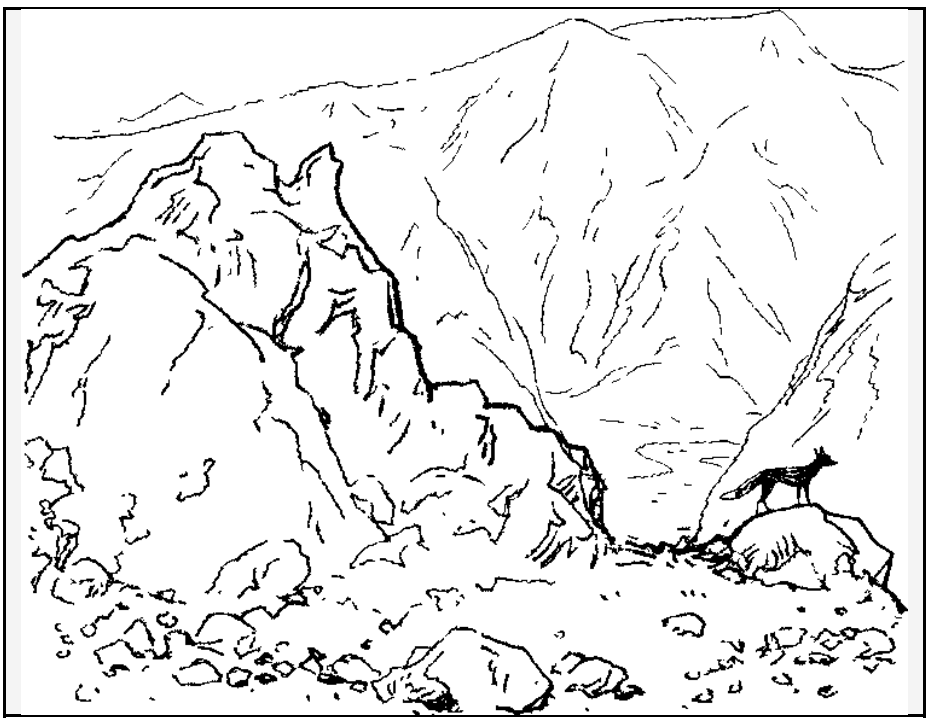
– Почему?

– Они теперь с ребятами бегают.

Это была первая неприятность. Значит, я опоздал, и в этом году искать гнёзда было бесполезно: птенцы вылупились из яиц.

– Ну ничего, – сказал я, не подавая виду, что ответ Чуне меня огорчил, – поищем выводки.

Мы медленно начали карабкаться вверх по скалам. То и дело приходилось поджидать Чуне. Едва я выглянул из-за небольшого перевала, как на другом склоне закричал кеклик. Мы притаились за камнями. Кеклик успокоился и замолчал. В бинокль я долго осматривал противоположный склон. До него было недалеко, но заметить кеклика не удавалось: окраска его оперения не отличалась от камней. Кеклик неподвижно затаился, и увидеть его было невозможно. Нужно ждать. И мы с Чуне улеглись на камни, не спуская глаз с места, откуда раздавался крик кеклика.



Прошло полчаса. Солнце поднималось всё выше, и делалось жарко. От нечего делать я наблюдал за насекомыми. Крупный богомол сидел неподвижно на кустике полыни, и особый отросток у него на голове, как зеркало, отражал солнечные лучи, сверкая бриллиантовой капелькой. «Вода» среди сухого южного склона привлекала насекомых, и маленький хищник ловко хватал их своими передними ножками.

Сзади меня раздалось ворчание. Я испуганно оглянулся. Это

храпел уснувший Чуне.

Наконец-то один из «камешков» на противоположном склоне пошевелился. Это был кеклик. Он побежал по склону, а за ним покатились пушистые шарики – птенцы.

Я схватил бинокль и быстро поймал их в поле зрения. При сильном увеличении были хорошо видны бугорки на его красных лапках. Это был самец.

– Чуне, смотри! – воскликнул я, тормоша егеря.

Он нехотя поднялся и посмотрел в бинокль.

– Ну, кто это?

– Петух... – ответил Чуне. – А курицы нет, – добавил он не без удивления.

Кеклики скрылись за перевалом.

Вскоре мы нашли ещё один выводок. Его водила самка. Чуне долго искал самца, но так и не нашёл.

– Петуха нет! – развёл он руками.

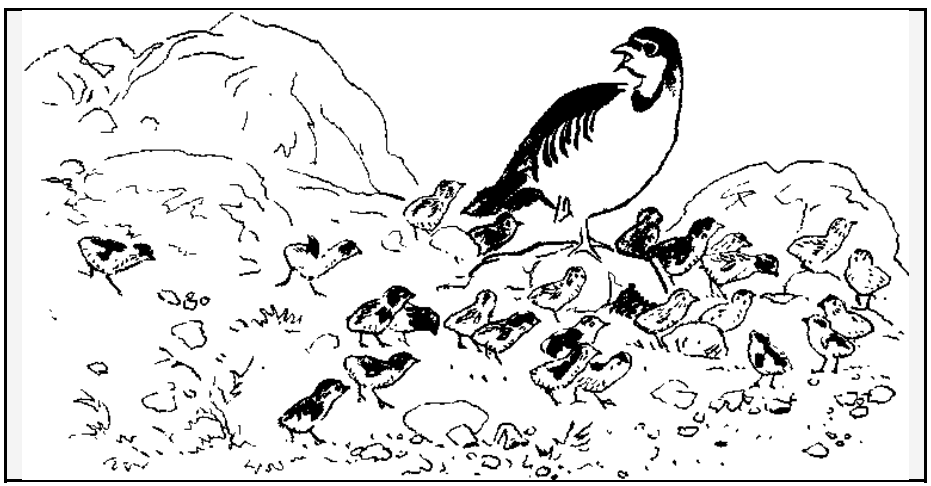
С третьим выводком опять ходил один самец. Это окончательно заинтересовало Чуне.

– Скажи пожалуйста! – удивлялся он. – Однако, правду говорил твой учёный. А мы тут живём и не знаем!

Но с третьим и четвёртым выводком были и самец и самка.

До позднего вечера мы с азартом лазили по скалам, нашли больше десятка выводков, но ничего не поняли. С одними выводками ходили только самки, с другими – только самцы, а с третьими – обе взрослые птицы.

Вечером за чаем на кордоне Чуне рассказал, как он сидел однажды в горах в засаде на тау-теке. Мимо пробегал один кеклик, а за ним много птенцов – он насчитал их сорок штук...



На другой день я поехал в город, твёрдо решив на будущий год приехать раньше и поискать гнёзда кекликов.

По дороге домой я задержался на соседнем кордоне в Кокпеке. Егерь Петренко, высокий, могучего телосложения украинец, оказывается, давно уже приглядывался к кекликам и замечал путаницу, в которой я хотел разобраться. Мы с ним потратили ещё день на поиски выводков, но ничего не узнали нового.

Только через два года мне удалось снова приехать сюда в начале мая. Оказалось, что я сильно заинтересовал кекликами обоих егерей. Они нашли около Кокпека семь гнёзд кекликов и ждали меня. Петренко даже поймал в прошлом году пять пуховых птенцов и воспитал их у себя на кордоне. Они сделались совершенно ручными. Брали корм из рук. Осенью они стали убегать в горы, но сейчас же прилетали на зов.

Всю зиму кеклики кормились на южных склонах гор около кордона. Ночевать они прилетали в сени и спали вместе с курами. Петренко рассчитывал, что весной они устроят гнёзда, и он узнает тогда тайну горных курочек. Но... оказалось, что все пять кекликов были самцами.

Чуне в этом году работал вторым егерем на Кокпеке, и утром втроём мы отправились в горы.

Новое разочарование ждало нас в этот день. Все семь гнёзд, найденных егерем, оказались пустыми! Это было полной неожиданностью. Нигде не было ни одной скорлупки, которая говорила бы, что у кекликов вывелись птенцы и они увели их. Да и рано было ещё быть птенцам в это время.

Последнее гнездо помещалось на крутом южном склоне, среди скал и мелких кустарников. Сверху оно было защищено нависшим камнем. И это гнездо оказалось пустым...

– Вот бисова скотина, ведь туточки было семь яичек! – с огорчением воскликнул Петренко.

Ясно было одно – это какая-то новая тайна кекликов!

Мы уселись покурить на камни, совершенно сбитые с толку. Было похоже, что и в этом году не удастся разобраться в путанице с размножением кекликов. Радовало только одно: мне удалось заинтересовать обоих егерей. Упорство украинца и опыт казаха могли помочь лучше, чем мои редкие приезды.

– Похоже на то, что кеклики перетащили свои яйца из обнаруженных гнёзд, – подумал я вслух.

– Волк своих ребят уносит, а кеклик – птица несозна-а-тельная, – снисходительным тоном сказал Чуне, нараспев произнося трудное для казаха слово.

Но Петренко вспомнил и рассказал, как несколько лет назад

он пошёл утром искать лошадь. Она порвала путы и ушла в горы. На открытом склоне, поросшем мелкой травой, он наткнулся на гнездо кеклика. Птица выпорхнула из-под самых ног. В гнезде были яйца. Петренко перешагнул через гнездо и пошёл дальше. Целый день он искал коня в горах, но так и не нашёл, потому что конь сам вернулся домой, едва он ушёл в горы. Под вечер Петренко возвращался опять мимо гнезда кеклика. До гнезда не было ещё полсотни шагов, когда из низкой травки вспорхнул кеклик, а вниз по склону покатилось что-то белое. Это было яйцо кеклика. В гнезде яиц не оказалось.

– Я тогда же подумал, что Кеклик перетащил яйца. Но потом забыл об этом случае, – закончил свой рассказ Петренко.

Через десять дней я снова проезжал мимо кордона Кокпек, когда кеклики уже вылупились из яиц. Мы с Петренко решили сходить поискать выводки. С нами увязалась маленькая кудлатая дворняжка.

Дневная жара спала. Приближался вечер. Но камни ещё были горячие, нагретые дневными солнечными лучами. С пронзительным визгом над головой проносились крупные стрижи. Я жадно вдыхал аромат мяты и ещё каких-то пахучих трав, распаренных в неподвижном жарком воздухе. После города вечер в горах казался особенно красивым.

За поворотом горы залаяла собачонка и закричал кеклик. Мы бросились туда, но увидели, как дворняжка уже рвала на части схваченного кеклика. Как же ей удалось поймать его?

– Вероятно, кеклик был больной или подранок, – решил я.

Петренко промолчал.

В соседнем ущелье мы наткнулись на выводок. Кеклик забил крыльями и, притворяясь раненным, побежал в сторону, громко крича. Собачонка бросилась за птицей. Но в последний момент кеклик вспорхнул у неё из-под носа, немного пролетел и опять побежал, хромая и волоча крыло. Собака без толку гналась за кекликом по ущелью. Оба скрылись за поворотом. Мы не успели заметить, самец это был или самка.

Внимательно смотря под ноги, мы осторожно прошли это место, боясь наступить на затаившихся птенцов, и вскоре встретили дворняжку. Она мчалась обратно с высунутым языком и обескураженным видом. Конечно, на этот раз она не поймала кеклика.

Ещё один выводок оказался в соседнем боковом ущелье. Собачонка в это время бежала впереди нас. Камни и россыпи загромождали тропу. Идти приходилось медленно. Вдруг лай, крик кеклика – и на наших глазах произошло непоправимое: кеклик с криком забился на месте, а собачонка в один миг

схватила его и задавила, прежде чем мы успели подбежать.

Пушистая кучка птенцов притаилась тут же, за первым камнем. Досада овладела нами при виде крошечных сирот.

Собачонка с радостным подвизгиванием жадно смотрела на труп кеклика в руках хозяина. Петренко молча привязал её на верёвку и сердито пнул ногой. Кеклик был самкой.

– Может быть, самец где-нибудь рядом, он воспитает птенцов? – сказал я тоном ученика, оправдывающегося за полученную двойку.

– Надо взять птенцов... – начал было Петренко.

Но в это время совсем близко заклохтал кеклик, и мы увидели его на камне. Даже без бинокля были видны крупные бугорки на его лапках.

– Петушок! Скорее назад!!

Мы бегом побежали вниз по ущелью, волоча за верёвку собаку. Значит, беда ещё поправима – птенцы не совсем сироты...

Всю дорогу до кордона мы терялись в догадках. Почему два кеклика поддались собаке, а один – нет? Что это за бессмысленное самопожертвование? Нет, положительно кеклики – загадочные птицы. Они совсем не такие, как другие!

Когда мы проходили то место, где собачонка задавила первую свою жертву, немного в стороне опять с криком взлетел кеклик.

Может быть, и здесь самец тоже подобрал первых сирот?

Сумерки быстро сгущались, когда мы вышли на дорогу и зашагали на кордон. Мы шли молча, поскрипывая сапогами по гравию шоссе. Говорить не хотелось. Тёплая южная ночь делалась всё темнее. В скалах тянули свою нескончаемую песню «ночные ласточки» – козодои. Навозные жуки с басовитым гудением проносились над дорогой, разыскивая навоз. С азартом, заглушая всё, кричали лягушки в невидимом болотце у дороги.

За поворотом показалось освещённое окно кордона. Запахло дымом и парным молоком.

На следующее утро я пошёл в горы один, поднялся на ближайший перевал и присел на камни отдышаться после крутого подъёма. Яркое летнее солнце освещало дно ущелья впереди. Там журчал ручей, пробираясь среди кустиков и камней. На отвесных скалах кричал чем-то встревоженный скалистый поползень. Желтоносые альпийские галки носились в воздухе. Я сидел и думал о тайнах семейной жизни кекликов.

Мои размышления прервала лисица. Она бежала рысцой по дну ущелья. Я в бинокль стал наблюдать за ней.

Внизу, в камнях, раздались хлопанье крыльев и тревожный крик кеклика. Я сразу поймал его в бинокль и успел заметить, как маленькие кекличата разбегались во все стороны и прятались в камнях. Лисица бросилась к кеклику. На он не улетал, а кричал и хлопал крыльями на одном месте и даже немного приблизился к лисице. Она схватила птицу, тут же съела, напилась из ручья и побежала дальше. Птенцов лисица не заметила.

Она поднялась на седловину горы и скрылась. Там находилось ущелье с ручьём, где всегда водились кеклики. Хищница приспособилась собирать с них дань в неурочное время.

Я снова перевёл бинокль на место гибели кеклика. Птенцы долго ещё лежали притаившись. Наконец до меня долетел их тонкий писк. Сироты вскочили на камни и запищали хором. Они звали мать.

Вдруг из-за горы вылетел кеклик и, планируя, опустился около кричащих птенцов. Они бросились к нему. Кеклик побежал в гору. Птенцы последовали за ним плотной стайкой, а затем вытянулись длинной цепочкой. Кеклик несколько раз останавливался, поджидая отстающих, и наконец все перебежали за гору, откуда он прилетел.

Я быстро пошёл туда и в бинокль стал осматривать открывшийся передо мной склон. Кекликов не было видно, хотя они находились где-то поблизости. Я сделал ещё несколько шагов вниз, выбирая место, где бы я мог расположиться для наблюдений. Внезапно у моих ног закричал и захлопал крыльями кеклик, птенцы двух возрастов брызнули в разные стороны, прячась среди камней. Я успел заметить крошек-сирот, которых только что видел. Кеклик привёл их в свой выводок! Я попятился

и быстро пошёл назад, чтобы не пугать объединённого семейства, размышляя о том, что у некоторых кекликов стремление отводить врага переходит в самопожертвование, а сирот принимают соседние выводки. Но другие кеклики отводят от выводков, притворяясь раненными, как многие птицы. Одни самцы живут холостяками – стайками, другие участвуют в воспитании птенцов. Из одних обнаруженных гнёзд яйца таинственно исчезают, на других кеклики сидят и не обращают внимания на то, что их гнёзда обнаружены. Запутанный вопрос о том, как выводятся кеклики, сделался ещё более загадочным, чем был.

Много ещё неразгаданного в жизни наших птиц. Кто, например, скажет, каким образом кедровки безошибочно находят зимой орехи под метровой толщей снега, спрятанные там ещё осенью и даже иногда не той кедровкой, которая их нашла? Ведь обоняние у птиц в зачаточном состоянии, а зрение и память тут не помогут. Как находит дорогу на южные зимовки молодая кукушка, улетая одна, ночью, впервые в жизни? Отчего в одной норе могут жить лиса и утка-атайка, пользуясь разными выходами?

СРЕДИ РОЗОВЫХ СКВОРЦОВ

Горячий степной ветер бьёт в лицо и нисколько не освежает на быстром ходу автомашины. То и дело взлетают жаворонки. Они немного оживляют картину бесконечных просторов среднеазиатских сухих степей, по которым едет экспедиция зоолога Михаила Сергеевича Серебренникова.

Что это? Кажется, шевелится сама трава. Это молодая саранча – ещё бескрылые личинки-саранчуки. Их сотни тысяч, миллионы! Они ползут по степи, а позади остаётся голая почва – растительность съедается под самый корень.

Неподалёку прохладный арык даёт жизнь богатому хлебному полю. Как остров, зеленеет пшеница среди безбрежной степи. Горячие лучи южного солнца и влага дают сказочный урожай зерна, но урожай под угрозой опустошительного нашествия саранчи...

Далеко на горизонте заклубилась пыль. По ровной, укатанной дороге мчатся грузовые автомашины. В них сидят колхозники. Они с тревогой смотрят вперёд.

В передней полуторатонке рядом с шофёром сидит председатель колхоза. Он нетерпеливо смотрит на спидометр.

– Газуй, Гриша, газуй! – кричит председатель шофёру.

Но тот и так до предела нажал педаль. Машина содрогается

от бешеной скорости. Она несётся как на пожар.

А пожар без огня уже близок к посевам. Саранча в один день может оставить колхоз без урожая...

Вскоре люди, обливаясь потом, лихорадочно работают в степи, разбрасывая кругом отравленную жмыховую муку, перемешанную с конским навозом. Нужно во что бы то ни стало успеть широкой полосой отравленных приманок преградить саранче путь к посевам. Несмотря на то, что люди не отдыхали и не выспались.

– Скорей, скорей, товарищи! – кричит председатель, бегая без шапки вдоль цепи колхозников и озабоченно оглядываясь назад, туда, где трава шевелится и раздаётся шорох миллионов прожорливых саранчуков.

На горизонте показалось подвижное тёмное облачко. Одно, за ним другое, а сзади плывёт целая тучка.

– Летят, летят! – радостно кричат колхозники.

Это летят многотысячные стаи розовых скворцов. Они высматривают с воздуха саранчу. Вдруг, как по команде, скворцы с щебетом стали опускаться в траву огромными массами. Тысячи розовых хохлатых птичек бегут, кивая головами, и хватают саранчуков. Отстающие перелетают через передних, садятся и снова бегут.

После такой чехарды там, где трава только что шевелилась от множества саранчуков, степь совершенно очищается от вредителей.

После жирной саранчовой пищи скворцы летят к арыкам. Они пьют, выстроившись на десятки метров по обоим берегам арыка. Хохлатые головки поднимаются вверх и снова опускаются к воде. Кажется, будто по рядам птиц пробегают волны.

Тут же начинается отчаянное купание. Скворцы становятся мокрыми, взлохмаченными. Отряхиваясь и прихорашиваясь, сушатся потом на солнце и неумолчно галдят.

Постоянный «волчий» аппетит влечёт их снова в степь на истребление саранчи.

В середине апреля зоолог Серебренников поставил свою палатку на склоне горного хребта и стал с нетерпением ждать массового прилёта розовых скворцов. Они зимуют в Индии и через Афганистан летят весной на родину, в Среднюю Азию.

Небольшие стайки появились в начале апреля. Было поймано несколько скворцов и посажено в клетки около палатки. Аппетиту розового скворца можно позавидовать: пятьдесят – шестьдесят саранчуков за утро – это только завтрак! До двухсот вредителей в день – вот норма скворца в неволе, в клетке, при сидячем образе жизни, а в природе, где птица непрерывно находится в движении,

она съедает ещё больше. Желудок у скворцов должен работать со сказочной быстротой, чтобы за день пропускать столько пищи. И в самом деле, через два часа пища, проглоченная скворцом, полностью переваривается и усваивается.

Вторая половина апреля прошла в разъездах по степи, но массового прилёта скворцов всё ещё не было.

Настал май месяц.

Однажды мы готовили обед на костре у палатки. Вдруг далеко над степью появилось несколько подвижных облачков. Они походили на пыльные смерчи, но в бинокль было видно, что летят несметные стаи птиц.

Это наконец возвращались с зимовок розовые скворцы. Наступил их массовый прилёт. Едва пронеслась одна стая птиц, как на горизонте показалась новая.

Наблюдения за розовыми скворцами начались.

Через несколько дней после начала прилёта розовых скворцов мы заметили их там, где горные отроги хребта длинным мысом вдаются далеко в степь. Это навело на мысль, что там скворцы устраиваются на гнездование.

Бросив недопитый чай, мы оседлали коней и через полчаса подняли из расщелин скал первых скворцов. Когда мы перевалили в следующее ущелье, то были совершенно ошеломлены невероятным шумом, щебетом и гамом, который наполнял воздух. Тысячи розовых скворцов покрывали оба склона ущелья и носились в воздухе. Кусты жимолости тоже были усыпаны скворцами. На любом крупном камне осыпи сидело по нескольку птиц. Ущелье напоминало знаменитый «птичий базар» далёкого Севера. Скворцы совсем не боялись людей. Едва уступив нам дорогу, они тут же садились на камни и продолжали заниматься своим делом – охорашивались, щебетали, иногда дрались. Самцы ухаживали за самками, задорно приподнимая чёрные хохолки.

Мы объехали целый ряд ущелий, и всюду картина была одна и та же. Каждая щель, в которую только мог пролезть скворец, оказалась занята. Тут же под большими камнями и плитами находились прошлогодние гнёзда. Даже под небольшими камешками, которые можно легко поднять рукой, было по одному, а иногда и по два старых гнезда.

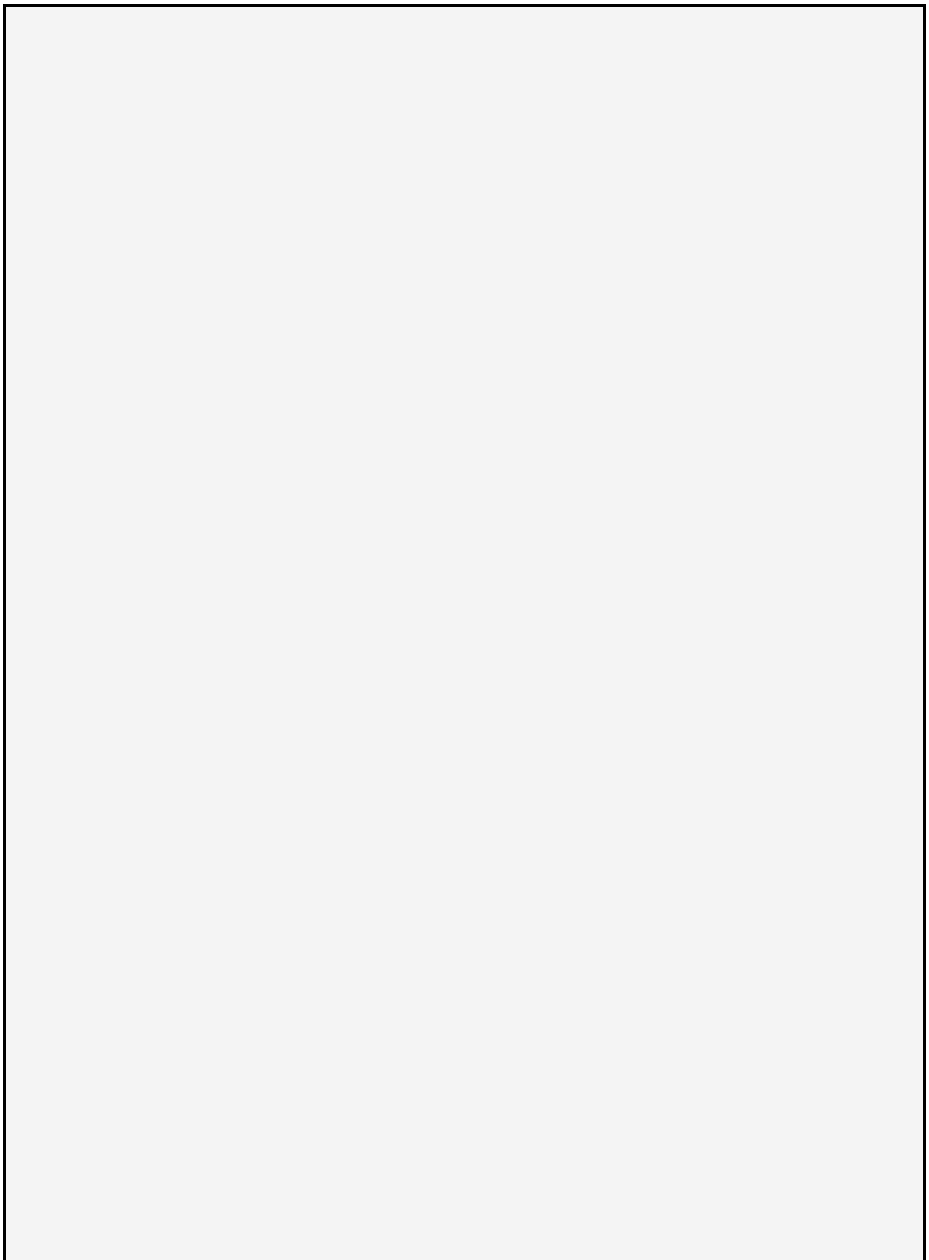
Скворцы выбрали удачные места для гнездования: горный хребет длинным мысом врезался в степь, а кругом сколько угодно саранчи.

К вечеру мы перекочевали со своей палаткой к подножию хребта и расположились рядом с колонией розовых скворцов.

Как-то утром мы были удивлены тем, что недалеко от нашей

палатки в степи дымится костёр и стоят две грузовые машины. Это ночью прибыл отряд по борьбе с саранчой и расположился у небольшого ключика.

К работе он не успел приступить. Многотысячная стая скворцов с шумом и гамом опустилась на саранчовые полчища и начала кормиться. На смену этой стае прилетело ещё две, а когда к полудню прилетела новая стая, то ей пришлось поедать только остатки.



Мы пришли в гости к нашим соседям. Они собирались ехать дальше, так как травить было некого.

В середине мая не стало больше беззаботного щебета, бесцельных перепрыгиваний по кустам и камням – скворчихи занялись устройством гнёзд. С пучками травы, листьев и веточек в клюве они со всех сторон летели к занятым ими щелям и отверстиям под камнями. Серые скромные скворчихи теперь всё время имели озабоченный вид. Их хохолки были приподняты, как и у нарядных розовых кавалеров.

Самцы тоже сделались неузнаваемыми. У них стали возникать ссоры между собой, казалось, без всякой видимой причины. То здесь, то там ссоры переходили в драки. Наступило время, когда в любую минуту дня можно было видеть яростно дерущихся самцов. Такая внезапная драчливость была не без причины. У скворцов наступил брачный период, и они всячески старались снискать расположение своих скромных серых подруг. Скворцы вертелись перед ними, щебетали, задорно приподнимали хохолки и даже бросались собирать материал для гнезда. Самочки широко открывали клювы и гнали их. Тогда самцы пускали в ход ещё одно средство: трепеща крыльями и приседая, они открывали клювы, пища при этом, как птенцы. Тогда самочки начинали волноваться и бегать вокруг самцов.

Через три дня начиналась откладка яиц и насиживание. Самцов теперь всюду гнали. Наконец они собрались огромными стаями, покинули гнездовье и зажили жизнью холостяков, кочуя по степи. Даже ночевать не стали прилетать в ущелье. В течение дня скворчихи по нескольку часов кормились в степи, а раскалённые солнцем камни не давали остывать яйцам.

Самочки на гнезде очень доверчивы, они подпускали к себе буквально на расстояние вытянутой руки, позволяя фотографировать их и зарисовывать сколько угодно. Но всё же было видно, что они настороже. Стоило слишком близко приблизиться или сделать резкое движение, как доверие к вам кончалось и скворчиха с тревожным щебетом взлетала с гнезда.

Больше всего человеку мешает вступить в добрые отношения с животными недостаток терпения. Секрет людей, которым удаётся приручить диких животных, невелик – он заключается в том, что они обладают этим терпением.

Мы выбрали себе каждый по одному гнезду и занялись приручением скворчих. На второй день к вечеру скворчихи на гнезде спокойно брали из наших рук саранчу и тут же расправлялись с ней. Через несколько дней птицы так привыкли к нам, что было хорошо заметно, как они при виде человека с радостным оживлением смотрели ему на руки, ожидая

очередного угощения.

Наблюдая за скворчихами, мы узнавали день за днём многое из их жизни. Так, например, мы были поражены остротой их зрения. Казалось бы, чем крупнее животное, тем оно дальше должно видеть. Если степная газель – джейран видит двигающегося врага за несколько километров, то маленькая мышь, конечно, не может так далеко видеть. Однако у розовых скворцов всё по-другому. Не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь из нас первый заметил в небе сарыча или летящую ворону. Всегда сначала скворчиха прижималась ниже в гнезде и косилась одним глазом из-под своего камня куда-то в сторону. Только тогда мы замечали в этом направлении летящую хищную птицу. Ни разу не было наоборот.

Скворчихи держали себя при виде птиц по-разному. Когда в небе парил орёл, они только следили за ним; если прилетала ворона, скворчихи замирали без движения, распластавшись в гнезде и втянув шею. На журавлей скворчихи не обращали ни малейшего внимания. Они с интересом следили за пролетающими ласточками, «развлекаясь» подобно детям, которые любят подолгу смотреть в окно на прохожих.

Так незаметно прошёл май. Как-то утром в первых числах июня всюду под камнями тоненько запищали птенцы. Их писк очень походил на цыканье летучих мышей. Мы несколько раз замечали в это утро, как самки выбегали из гнезда со скорлупой. Отбежав несколько метров, они бросали её и расклёвывали на мелкие кусочки.

На следующее утро на горизонте появилась несметная продолговатая туча птиц, километра два длиной. В бинокль было видно, что летят огромные стаи скворцов. Эта туча иногда прерывалась, но скоро снова соединялась. Местами скворцы собирались в плотную массу, затем распределялись равномерно, то опускаясь, то поднимаясь. Их летело огромное количество, и все они садились в ущелье, где были гнёзда.

Мы бегом бросились к своим наблюдательным постам. И что же? Оказалось, прилетели розовые самцы. Они вернулись на гнездовье все сразу, как будто кто-то им сказал, что начался вывод птенцов.

Самцы были сильно возбуждены. Они с писком бегали вокруг самок, подняв хохолки и пытаясь ухаживать. Затем они полетели в степь и начали таскать корм птенцам. Но розовые скворцы оказались плохими отцами. Число их с каждым днём таяло. И через несколько дней самцы едва составляли треть от общего количества самок. Большинство розовых скворцов опять зажило беспечной жизнью холостяков.

Занятный вид имеет самка, прилетевшая с кормом: саранчовые зажаты в её клюве в виде букета. Шесть-семь саранчовых с оборванными ногами и надкрыльями – такова разовая порция скворчатам почти через каждые двадцать – тридцать минут в течение всего длинного летнего дня. Иными словами, это около двухсот саранчовых в день, а за пятнадцать дней – свыше трёх тысяч! Но кроме птенцов, и взрослые птицы съедают столько же.

Мамаши в течение дня заняты не только кормлением. Они попутно строго следят за чистотой в гнёздах. Накормив птенцов, скворчихи захватывают с собой в клюв помёт скворчат и бросают его, отлетев от гнезда.

Вечером мы были свидетелями настоящего воровства на гнездовье. Воровкой была одна из скворчих. Она долго лазила по чужим гнёздам и подбирала там оброненных саранчовых. У скворчихи не было времени набирать в клюв целый пучок насекомых. Она таскала их своим птенцам по одному.

Недолго воровка оставалась безнаказанной: её застигла на месте преступления разъярённая хозяйка гнезда.

Надо было видеть, какая произошла драка!

Это была даже не драка, а просто избиение «преступницы». Только перья летели во все стороны, и она долго потом сидела на камне, приводя себя в порядок. После этого воровка тоже полетела в степь «честным образом» собирать корм.

Самый юный из нас уверял, что скворчиха-воровка даже тяжело «вздохнула», перед тем как полететь в степь.

Случаев воровства мы наблюдали много, и все они кончались неизбежной взбучкой.

Время шло, птенцам требовалось всё больше корма.

На гнездовье стали появляться уже не только случаи воровства, а настоящие «разбои».

Трудно сказать, кто разбойничал – те же скворчихи, которые пытались воровать, или другие.

Во всяком случае, то там, то здесь раздавался щебет и летели перья: это «грабительница» бросалась на прилетевшую с кормом в клюве скворчиху и вырывала у неё добрую половину саранчовых.

Затем разбойница скрывалась в своей щели и кормила там чужим добром голодных птенцов.

Едва вывелись скворчата у розовых скворцов, как кругом гнездовья, на скалах, в гнёздах коршунов и сарычей тоже запищали птенцы. Особых хлопот у хищников не было с добычей пищи: она была рядом. Над гнездовьями часто парили коршуны. Скворчат они бесцеремонно вытаскивали из-под камней и щелей. Останки двадцати скворчат нашли мы однажды около гнезда

хищника.

Взрослых скворцов коршун ловит с трудом. Как мешок, неловко падает он в куст жимолости, ломая ветви. Но скворцы успевают почти всегда юркнуть за куст и благополучно улететь. Бросаясь на скворцов, коршуны так шарахались о россыпи, что мелкие камешки с шумом летели вниз по склонам.

Иногда высоко в небе над гнездовьем появлялся крупный сокол. Его молниеносные удары с высоты были всегда безошибочны. Громко шлёпнув летящего скворца грудью, он хватал его лапами и, пустив облачко перьев, спокойно летел с добычей в когтях за гребень хребта к своему гнезду. Он ловил скворцов только в воздухе.

Пара сарычей свила своё гнездо на таком неприступном утёсе, что забраться туда было невозможно. Чтобы узнать, сколько скворцов в сутки носят сарычи птенцам, мы сделали шалаш под утёсом и дежурили в нём.

Однако, к нашему удивлению, сарычи до полудня ни разу не подлетели даже близко к гнезду, всё время кружась в вышине. Птенцы были явно голодны и пищали на всё ущелье.

Около трёх часов дня от сарыча в воздухе отделился какой-то комочек и стремительно полетел вниз. Он упал прямо в гнездо. В бинокль было прекрасно видно, что сарычата с жадностью рвут на части труп скворца.

Сарычи видели в шалаше наблюдателя и боялись подлететь к гнезду. Чтобы накормить птенцов, они стали «бомбить» их пищей с воздуха. Сарычи бросали добычу несколько раз и ни разу не промахнулись. Только раз «бомба» оказалась ещё живой и, немного пролетев по воздуху, распластала крылья и понеслась к своему гнезду.

Нападение хищников на гнездовья розовых скворцов всё учащалось. Придя рано утром на наблюдательные пункты, мы не раз заставали в ущелье лисиц, хорьков-перевязок и даже волка. Всех их привлекала лёгкая добыча.

Однажды на гнездовье спустился стервятник. Прыгая как-то боком, он ловко вытаскивал из щелей скворчат и тут же проглатывал. В одном месте стервятник засунул голову в щель, и она застряла там. Испуганный стервятник долго бил крыльями по камням с такой силой, что кругом летели перья. Наконец, видимо, он удачно повернул голову, вырвал её из плена и тотчас, подпрыгнув, тяжело поднялся в воздух. Больше мы не видели его на колонии...

Птенцы подросли и всюду стали выглядывать из-под камней, норок и щелей. С каждым днём они крепли и вскоре начали выбегать из гнёзд, смешиваясь с соседними. Жизнь отдельных

скворчиных семей кончилась, и началось общественное выкармливание птенцов. Скворчихи давали корм первым попавшимся птенцам. Воровство и грабёж прекратились.

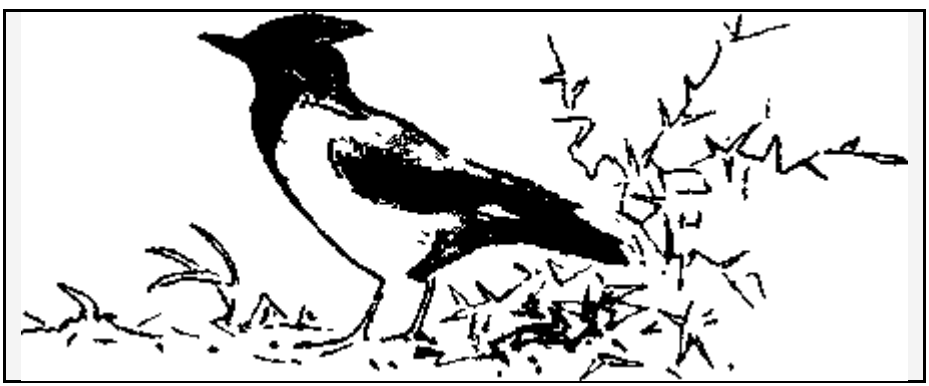
После десятого июня начался массовый вылет птенцов и старых птиц в степь. Обратно они уже не возвращались. На гнездовье прилетали редкие одиночные скворцы. Вскоре и их не стало.

Наступила полная тишина. Как-то странно было и даже неприятно находиться теперь в ущелье, где за несколько дней до этого бурно кипела жизнь. Только стервятник по-прежнему появлялся над ущельем и жадно пожирал трупы погибших птенцов.

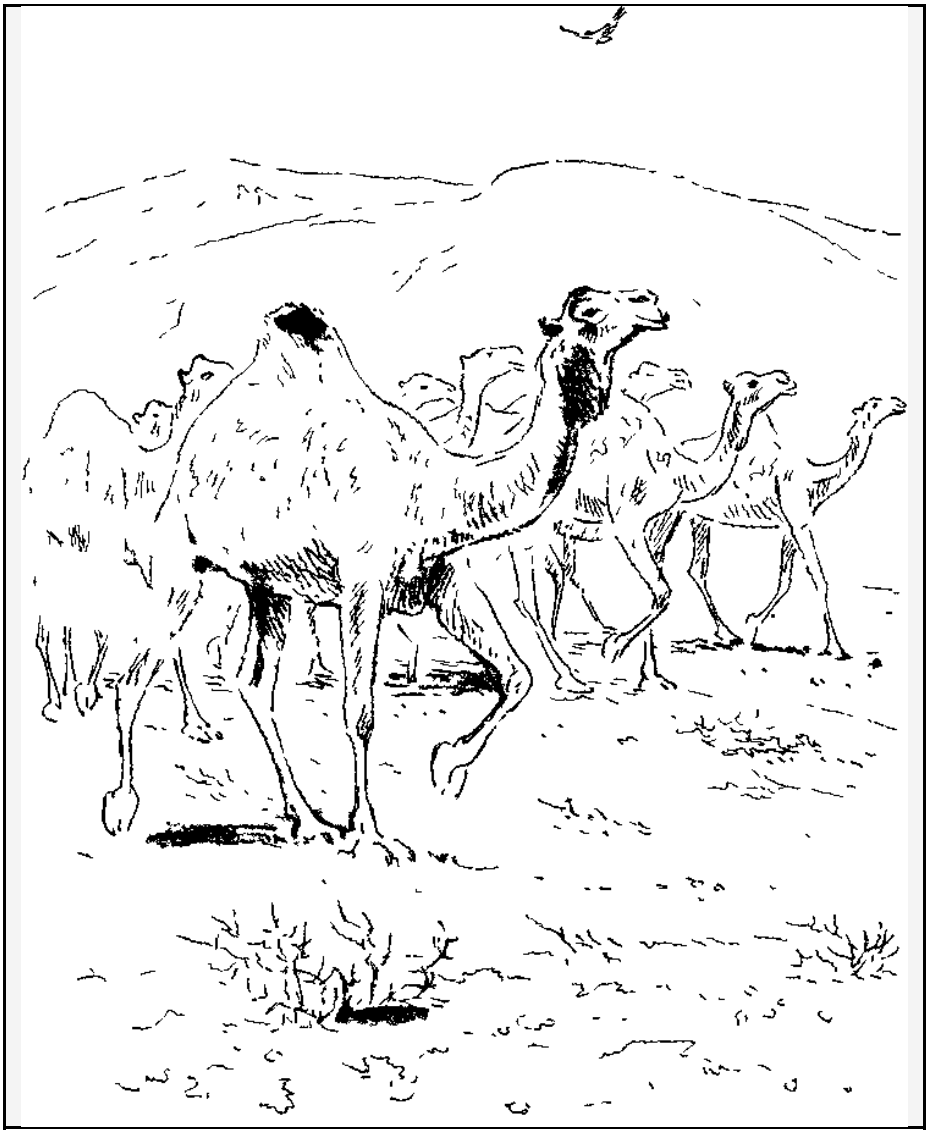
Мы сняли нашу палатку и уехали с таким чувством, будто покинули гостеприимный дом, который вдруг опустел и сделался необитаемым.

Но в тот же вечер в первом колхозе мы встретились опять со своими старыми знакомыми: тысячи скворцов расположились на ночлег в садах колхоза. Все ветви деревьев были так густо усыпаны птицами, что вновь подлетающим не было места. Они садились на спины сидящих, срывались с них и сшибали других. Скворцы сплошь покрывали все заборы и крыши, а из степи всё летели и летели новые стаи. Засыпали мы под щебет скворцов, совсем как около «своего» ущелья. Скворцы шумели всю ночь. Но едва стало светать, наступила полная тишина – птицы улетели в степь искать саранчу.

Пожелав скворцам приятного аппетита, мы в тот же день поехали домой.



ЗАГАДКИ РЯДОМ



Дикие птицы и звери умеют так ловко загадывать загадки, что жизни одного натуралиста недостаточно, чтобы разгадать множество лесных и степных тайн. Особенно интересна способность животных изменять заметным образом своё поведение перед переменой погоды и этим предупреждать всех, кто умеет «видеть» жизнь диких животных в природе. Большой отряд молодых натуралистов, вступающих в жизнь, должен поработать

над разгадкой того, что пока необъяснимо.

СБЕЖАВШИЕ ВЕРБЛЮДЫ

Мы отъехали всего пятнадцать километров от лагеря, как вдруг Лёня резко затормозил. Шлейф удушливой пыли нагнал нас и облаком накрыл машину. Лёня распахнул кабину и выскочил. Пыль клубом ворвалась к нам.

Поднять капот и убедиться, что порвался ремень вентилятора, было делом одной минуты. Запасного ремня, конечно, не оказалось. Ехать без него по пескам среди ужасающей полуденной жары было невозможно. В тени машины мы устроили «производственное совещание».

– А нельзя ли поясной ремень приспособить? – предложил научный сотрудник-ботаник, радуясь своей изобретательности. Но он умел только ездить в машинах и ничего не понимал в технике. Поэтому Лёня не удостоил его ответом.

Мы невольно улыбнулись. Ботаник сконфузился.

Ничего другого не оставалось, как идти в лагерь за ремнём. Однако шагать пятнадцать километров по раскалённым пескам было равносильно подвигу. Лёня решил пойти сам и стал собираться, хотя и без энтузиазма. Он нацедил в бутылку воды из канистры, долго искал зачем-то спички и сунул их в карман. Ещё дольше рылся в инструментах под сиденьем.

– Напиться надо про запас, – проворчал он и медленно, с усилием выпил литр тёплой воды, согретой в канистре на убийственной жаре.

– Слушай, Лёня, – пожалел я его, – а не лучше ли пойти вечером, когда жара спадёт? Ночью привезёшь ремень на нашем самосвале.

Другие поддержали меня, и Лёня остался. Упрашивать его не пришлось. Мы улеглись в тени машины и долго молчали. Было адски жарко, мутило от запаха бензина и автола. Неудержимо клонило в сон. И вдруг раздался радостный возглас Лёни:

– Машина!

Мы выползли из-под укрытия. Далеко на горизонте клубилось облачко пыли. Лёня был прав – к нам шла машина. Значит, через час Лёня будет в лагере и ещё через час приедет на самосвале с ремнём. Настроение наше сразу поднялось. Послышались шутки и смех.

Однако машина почему-то долго не приближалась.

– Тащатся, как черепахи! – проворчал Лёня.

Прошло ещё с полчаса, а облачко всё ещё висело на том же

месте.

– Может, это мираж? – предположил ботаник.

– Буксуют на одном месте, – авторитетно заявил Лёня.

Опять потекли томительные минуты ожидания. Но нет, это был не мираж – облачко стало увеличиваться, уже можно было различить очертания машины.

– Да здравствуют наши спасители! – вскричал жизнерадостный ботаник.

Я взобрался на капот, посмотрел в бинокль и молча сошёл вниз.

– В чём дело? – испугался Лёня.

– Это совсем не машина, сюда идёт караван верблюдов!

Мы опять поползли в тень под машину и стали терпеливо ждать. Доехать верхом на верблюде к лагерю всё же было проще, чем шагать пешком даже вечером.

Солнце уже перевалило далеко за полдень. Наконец караван подошёл. Шестнадцать верблюдов спокойно шагали друг за другом, опасливо обходя нашу машину. На них не было никакой поклажи. И не было с ними погонщиков.

– Если не ошибаюсь, это одногорбые верблюды, – удивился ботаник. – Иначе говоря, дромадеры.

И в самом деле, это были дромадеры, живущие только на юге Туркмении, и непонятно было, как они попали в Бетпак-Далу, где суровую зиму выдерживают только мохнатые двугорбые верблюды. Но разбираться нам было некогда, и мы бросились ловить дромадеров. Но не тут-то было. Верблюды сразу сбросили с себя меланхолический вид, оживились, высоко подняли головы и с ленивого шага перешли на быструю иноходь. Они легко оставили нас позади. Едкая пыль, как дымовая завеса, скрыла верблюдов.

Вечером, когда спала жара, Лёня сходил за ремнём, и мы благополучно поехали дальше.

Я вспомнил об этом происшествии, вскоре мною забытом, только зимой, когда получил очередной номер журнала «Природа». Моё внимание привлекла заметка, в которой сообщалось о том, что в Туркмении было закуплено шестнадцать одногорбых верблюдов для породоиспытания. Дромадеров всю зиму держали в Бетпак-Дале на трескучих морозах и ураганных буранах. Конечно, несчастные южные животные с редкой шерстью чуть было не сдохли и «доказали» учёным давно доказанное, что им не место на севере. Но учёные на этом не успокоились, и весной их погнали ещё дальше к северу, в Карагандинскую область. Такого издевательства над собой одногорбые верблюды не выдержали. Ночью они сбежали от своих мучителей – все

шестнадцать сразу. Но удивительно не это – и африканские слоны сбежали бы из Карагандинской области, если бы с ними стали проводить там «породоиспытание». Удивительно другое: они шли, словно по компасу, точно в Туркмению. Верблюды возвращались домой!

«Что вело их? Инстинкт? Думаю, что вела их память» – так заканчивает автор свою заметку о «пропавших верблюдах». Ну что же, пусть автор думает так. Воображали же учёные, что жителей юга можно спокойно заставить жить среди сорокаградусных морозов и буранов. Но вот верблюды, очевидно, «думали» иначе. И не слишком ли просто объяснять это «памятью»? Как же в таком случае понять поведение многих птиц и зверей, которые возвращаются домой за многие тысячи километров из мест, куда они были вывезены насильственно? И не действуют ли здесь иные способности, которые условно можно было бы назвать компасными?

ЗАГАДОЧНАЯ СПОСОБНОСТЬ

Посёлок на железнодорожном разъезде из кирпичных домиков с красными крышами прятался в тени деревьев. Впереди, рядом с перроном и пятью рядами рельсов перед ним, стоял дом побольше. Всего два пассажирских поезда в сутки останавливались на разъезде только на одну минуту. Иногда товарные поезда пережидали здесь встречных. Кругом шумел бор.

Жена начальника разъезда стала замечать у себя в кладовой то погрызенный мышами хлеб, то попорченные овощи. С каждым днём разбой мышей делался заметней. Начальника разъезда вызвали в город по какому-то делу. Вернулся он с четырьмя мышеловками. Вечером их зарядили колбасой и поставили в кладовой.

Утром жена начальника направилась в кладовую. Она думала о том, как будет топить в ведре с водой несносных мышей.

Все четыре мышеловки оказались захлопнутыми, и четыре буроватых зверька с белыми брюшками сидели в них по углам. Женщина взяла одну мышеловку в руки. Чёрный носик мыши доверчиво потянулся к пальцу. Бусинки глаз ничего не выражали, но длинные усы вытянулись вперёд и трепетали.

– Ага, попалась, воровка! Сейчас я тебя в ведро.

Но угрожающий тон сразу сменился вопросительным при виде доверчивого зверька:

– Будешь ещё воровать, а?!

И наконец, совсем ласково, когда мышиный розовый язычок

лизнул палец:

– Ах ты, крошка, как это тебя угораздило попасться! Что я с тобой теперь должна делать?

А мышь словно поняла, что покорным видом ей удалось отменить мучительную смертную казнь: она уселась на середине мышеловки, обвила себя сбоку хвостом, лизнула подошвы передних лапок и начала ими тереть мордочку от ушей к носу.

– Умываешься? – удивилась женщина и осторожно поставила мышеловку обратно на полку.

«Нет, не смогу я топить в ведре этих зверушек», – растерянно подумала женщина и осторожно притворила за собой дверь в кладовую.

Муж был на дежурстве, и ждать его, чтобы он расправился с мышами, было долго: он вернётся домой только вечером. Впрочем, женщина сама придумала, как избавиться от мышей. Наскоро позавтракав, она положила мышеловки с мышами в старое ведро и пошла в лес по знакомой тропинке к озеру. Оно было за полкилометра от дома. Кругом него шумел вершинами дремучий бор. В дальнем углу озеро заросло и обратилось в моховое болото. Сосны шагнули туда с берегов и росли на болоте по зыбуну хилыми и низкорослыми.

На берегу озера женщина открыла мышеловки. Одна за другой мыши мелькнули мимо её ног и исчезли в траве. Успокоенная, женщина вернулась домой.

А утром снова четыре мыши сидели в мышеловках.

И так ежедневно. Приходилось только удивляться, как много мышей, оказывается, жило в кладовой.

Но однажды мышь защемила в дверце ловушки усы с правой стороны мордочки и вырвала их. «Выбритая» с одного баку мышь была, как обычно, выпущена вместе с другими на берегу озера, а на следующее утро опять сидела в мышеловке в кладовой. Теперь стало понятно, что не сорок три мыши попались в ловушки, а одни и те же прибегали из леса «домой»!

Но как они находили дорогу? Об этом случае на разъезде узнал один зоолог и заинтересовался поведением мышей. Он наловил в мышеловки степных пеструшек под скирдой в поле, пометил их, унёс в лес и выпустил там за два с половиной километра от скирды. Большинство помеченных зверьков вернулись из леса «домой» и снова были пойманы под этой же скирдой в поле. Лесных мышей зоолог унёс в степь, но многие вернулись в свои норки в лесу.

Пеструшки и лесные мыши – ночные и сумеречные зверьки. Обычно они не видят солнца. Но их переносили в другие места, и они бежали к своему дому не только по местам, где никогда не

были до этого, но ещё и в дневные часы.

Как грызуны нашли дорогу? Их переносили в закрытом ведре. Лесные мыши никогда не были в степи, а пеструшки – в лесу. Зрение, обоняние и слух были бессильны помочь крошечным зверькам найти прямую дорогу в густой траве. Многие из них на глазах зоолога брали точное направление к дому, как по компасу, едва их выпускали. Некоторые зверьки поразительно быстро ориентировались и пробегали до четырёхсот метров за десять – пятнадцать минут. Требовалось около часа, чтобы лапки-коротышки переместили зверька величиной с палец за два километра к «своей» скирде или норке в лесу.

Не значит ли это, что мелким грызунам присуще какое-то «компасное чувство», по которому они выбирают правильное направление к своему дому. Что это за способность, остаётся пока неизвестным. Да разве только грызуны удивительным образом находят дорогу к дому? А как ориентируются дикие утки, когда весной летят в тёмные ночи с моросящим дождём? В такие ночи их летит больше всего. Как собаки и кошки, увезённые далеко от дома, в любое время суток находят дорогу обратно? Все эти загадки в природе пока ещё остаются загадками.

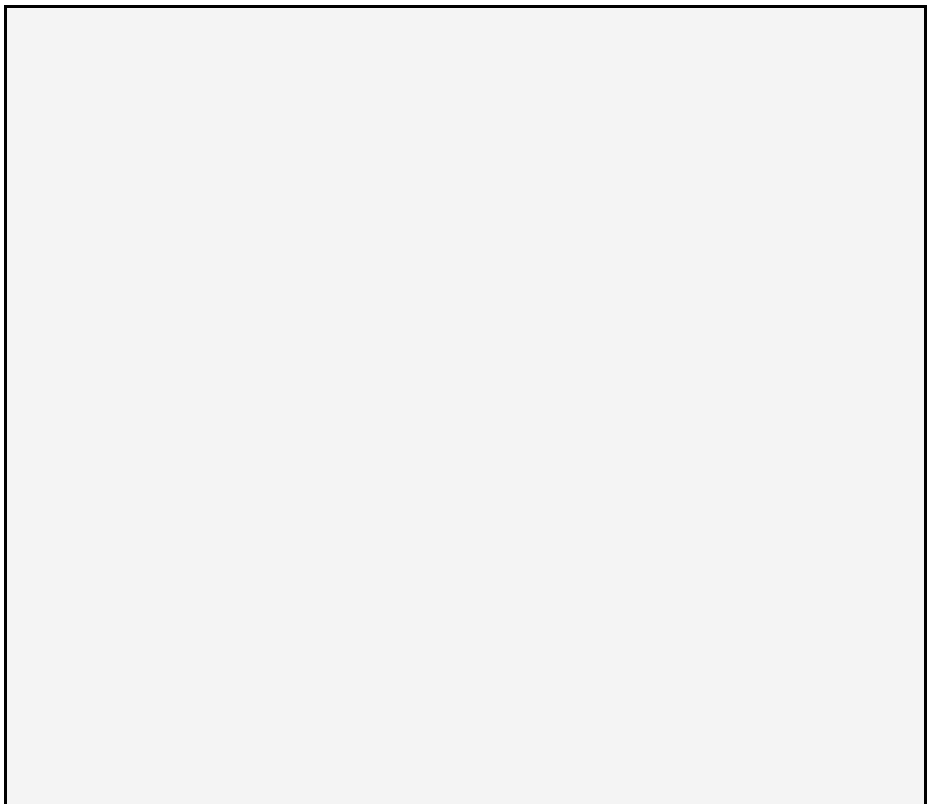
ПРЯМОЙ ПУТЬ

На берегу Катуни наша экспедиция выгрузилась из автомашины около маленького посёлка. Здесь нас ждал

проводник с вьючными лошадьми. Это было самое глухое место не только в Онгудайском аймаке, но и на всём Алтае. Дальше двигаться можно было только по тропам.

На следующий день утром мы направились вверх по горной речке Кадрину. Как всегда, сначала всё не ладилось. То сползал на сторону вьюк, то лопалась подпруга или упрямилась лошадь перед бродом. А тропа, как нарочно, то и дело переходила с одного берега Кадрина на другой. Постепенно всё наладилось, и к полудню мы были уже далеко от посёлка.

Нетронутая топором горная тайга окружила нас со всех сторон. Могучие кедры в два-три обхвата были усыпаны созревающими шишками. Крошечные пеночки трепетали крылышками и висели в воздухе на одном месте около шишек, как колибри у цветов. Смолистая жидкость из шишек привлекала насекомых, и пеночки хватали их на лету, не садясь и не пачкаясь. Со всех сторон неслись крики кедровок. Осень в этом году обещала богатый урожай орехов, и птицы начали собираться в этот район задолго до созревания шишек. Солнечные лучи не проникали через крону кедров. На земле под деревьями вместо травы рос мох. Воздух был влажный, а жидкая грязь на тропе не просыхала всё лето. Лошади громко чавкали копытами.



На небольшой поляне экспедиция провела первую ночь в палатках. Трое суток мы двигались по берегу Кадрина. Наконец проводник свернул с тропы в сторону, прямо в лес, и несколько километров мы двигались в обратном направлении через чащу и бурелом, пока не услышали шум горной безымянной речки. На её берегу мы разбили палаточный лагерь. На следующий день экспедиция приступила к работе.

Прошло десять дней. Настало время переезжать на новое место. Лошади хорошо отдохнули и так привыкли к лагерю, где им давали овёс, что их приходилось отгонять от палаток по нескольку раз в день. Проводник перестал их путать, и лошади паслись недалеко от палаток.

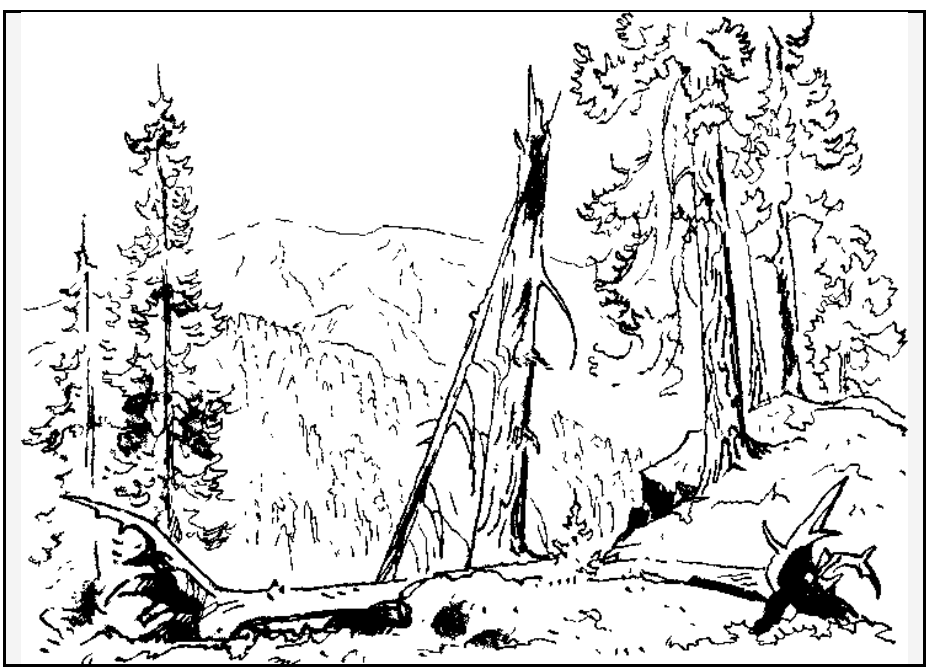
Как обычно, в этот вечер все сидели у костра после ужина. Начальник экспедиции по карте разъяснял нам маршрут перехода к новому месту работы.

Утром решено было сниматься с лагеря.

– Дождик, однако, завтра будет: бурундуки кричат, – сказал проводник, обращаясь к начальнику экспедиции.

И в самом деле, из леса со всех сторон раздавались булькающие крики бурундуков. Все дни до этого они так и не кричали.

– Если будет дождь, задержимся здесь ещё на денек, – ответил начальник. – А что бурундуки кричат перед непогодой, и мне приходилось замечать.



С полуночи зашумел ветер вершинами кедров, и вскоре налетела сильнейшая гроза. Темноту ночи то и дело озаряли яркие вспышки молний. Громовые раскаты следовали один за другим.

Дождь хлестал по палаткам как из ведра. Вдруг совсем рядом с палатками с треском и шумом рухнул подгнивший старый кедр и раздался топот лошадей. Больше часа всё бесновалось кругом, пока грозу не унесло дальше. Стих и дождик.

На рассвете ярко запылал восток. На небе не оказалось ни облачка. Тёплые солнечные лучи заиграли в капельках воды на траве и ветвях.

Пока кипятили чай и дежурный готовил завтрак, остальные участники экспедиции стали снимать палатки и укладывать вещи.

Проводник ушёл за лошадьми. Его долго не было. Прошло больше часа. Завтрак был готов, вещи уложены, а проводника с лошадьми всё не было.

Наконец он вышел из леса к лагерю совсем не с той стороны, откуда его ждали, но без лошадей, с одними уздечками в руках.

– Лошади напугались ночью грозы и убежали домой, – оглушил он нас «приятной» новостью. – Пойду за ними в посёлок, – добавил он невозмутимо.

– Но ведь это три дня туда и столько же обратно!

– Следы лошадей пошли напрямик по лесу к посёлку. Это втрое короче, чем по тропе. Я за день дойду до посёлка и на другой день приеду.

– Почему же мы ехали три дня кругом?

– С вьюками только по тропе можно ехать, а не прямо через лес.

– Лошади могут заблудиться, они не бывали здесь, – усомнился кто-то из нас.

– Здесь, где лагерь, ни одной лошади никогда не было, да и из людей-то я один только бываю зимой на промысле. Но лошади хоть и впервые здесь, а дом найдут без ошибки.

– Не сомневаюсь, – сказал начальник экспедиции и рассказал, как учёные Эмлен и Мюллер ловили в одной пещере летучих мышей, плотно закрывали им глаза, выпускали за восемь километров от пещеры и мыши возвращались домой. Жабы и тритоны, оказывается, тоже возвращаются к месту, где их поймали, и притом кратчайшим путём.

Проводник наскоро позавтракал, взял уздечки и ушёл. Мы решили посмотреть на следы лошадей. Когда начался дождь, лошади сгрудились вместе около палаток. Трава здесь была вытоптана до земли.

Молния ударила в соседний суховершинный старый кедр, и

он, загоревшись, с треском повалился на землю.

Перепуганные лошади врассыпную помчались в сторону, противоположную посёлку. Постепенно они перешли на рысь, собрались вместе и, наконец, направились гуськом, повернув в сторону посёлка. Лошади проторили след по лесу в тёмную бурную ночь точно по прямому направлению, как по компасу, от лагеря до посёлка, а не по тропе, по которой на них ехали сюда кружным путём. Словно не первый раз в жизни, а часто этим лошадям приходилось проделывать этот путь.

Через два дня проводник приехал с лошадьми в лагерь по этой же прямой тропе.

СЕРЕБРЯНКА

Даурская степь на маньчжурской границе особенная, непохожая на степи Украины или Западной Сибири. Слегка холмистая, без единого деревца, она местами совсем дикая, первобытная. Станция Борзя Восточно-Сибирской железной дороги, с магазинами, столовыми, сутолокой базара, – последний крупный районный центр перед границей.

Из звероферм на этой станции погружены в вагон серебристо-чёрные лисицы. Им предстоял длинный путь через Читу до Иркутска. Лисицы не могли видеть из своих клеток в тёмном вагоне, как в степи появились первые робкие лесочки. Чем дальше к северу шёл поезд, тем сильнее менялась природа. И наконец басистые гудки электровоза стали будить тишину тайги по обеим сторонам пути.

На одной из станций вагон открыли, и привычный запах пищи заставил лисиц заметаться в транспортных клетках. Серебристо-чёрные красавицы визжали, алчно облизывались, злились на соседок. Рабочий привычным движением открывал клетки и ставил чашки с кормом.

– Скорей, отправляемся! – подбежал к вагону кондуктор.

Рабочий заторопился, сунул чашку в последнюю клетку и выскочил из вагона. Закрыть дверцу на засов он забыл.

Поезд тронулся.

Лиса съела свою порцию, облизала чашку и забегала в тесной клетке. Над дверкой прибита дощечка с кличкой лисы «Серебрянка». Поздно вечером машинист электровоза резко затормозил на небольшом станции на берегу Байкала, и дверца от толчка приоткрылась. Лиса выскочила и заметалась по вагону. Голоса людей и грохот вагонной двери заставили её притаиться за клетками. На этой станции надо было что-то выгрузить из

вагона. Весовщик не заметил, как небольшая тень мелькнула из вагона.

Поезд ушёл.

Серебрянка долго лежала под грудой деревянных шпал, постепенно привыкая к необычной обстановке. Наконец она робко вылезла, крадучись перебежала по путям, юркнула в кусты и притаилась там. Незнакомые запахи ошеломили лису: она родилась и выросла в клетке. Её прадеды и много поколений серебристо-чёрных лисиц не знали ничего, кроме клеток и готовой пищи.

Грохот приближающегося поезда напугал лису, и она бросилась от станции в лес. Рассвет застал её, всю мокрую от росы, далеко от железной дороги. Древний инстинкт заставил лису укрыться от дневного света в густых кустах, хотя «дома», в клетке зверофермы, только в дневные часы лисицы получали пищу, шла уборка клеток, пересадка – словом, всё важное в жизни серебристо-чёрных лисиц было приурочено к дневным часам.

Томительно долго тянулся день с незнакомыми шорохами, звуками и запахами. Солнце опустилось за вершины Хабар-Дабана. Серебрянка вылезла из своего укрытия. Оглянулась, Ветерок слабо перебирал листья боярышника и рябины, принося запахи горного забайкальского леса.

Голод заставил лису сделать несколько робких шагов. Высоко поднимая ноги, она опускала их вертикально в траву, и поэтому походка была бесшумной. Кто успел научить Серебрянку так ходить? Ведь всю свою жизнь она не знала ничего, кроме сетчатого пола клетки.

Ветерок донёс слабый шорох чьих-то лёгких прыжков. Лиса замерла на месте. Уши и нос жадно «нащупывали» какое-то незнакомое живое существо. Оно пахло почти как кролики, а во время своей болезни Серебрянка получала их на ферме. Глаза лисицы хищно сверкнули. Уши прижались. Хвост нервно завилял.

Молодом зайчонок не спеша ковылял по полянке. Он то и дело останавливался и скусывал травинки. Предательский ветерок тянул от него, и не успел зайчонок опомниться, как чёрная тень ринулась из-за пенька ему навстречу.

Это был первый самостоятельный обед Серебрянки. Голодная лиса съела зайца вместе с лапками и частью шкурки. Утолив голод, она почувствовала смутное беспокойство. Непривычное желание заставило её растерянно оглянуться. Она сделала несколько шагов в одну сторону, постояла и пошла в другую сторону. Далёкое слабое журчание ручейка, напоминавшее плеск воды, наливаемой в поилку, заглушило беспокойство. Лиса спустилась в ложок и долго лакала воду. Но после этого её снова обуяла «тоска по дому», если допустимо так образно сказать о звере.

Поразительная способность животных легко ориентироваться в незнакомой местности ярко проявилась у Серебрянки: она вдруг повернулась в сторону далёкой станции на границе с Маньчжурией и уверенно побежала в этом направлении. Если бы взять линейку и на карте Восточной Сибири положить её одним концом на станцию Борзя, а другим на начало того направления, по которому побежала лиса, – это была бы прямая линия, самое короткое расстояние между двумя точками. Именно так нередко поступают птицы и звери, насильственно увезённые от своих нор и гнёзд. Как оказалось, Серебрянка не была исключением.

Легко себе представить, что пришлось пережить Серебрянке на её тысячекилометровом пути. Горную забайкальскую тайгу сменили степи. Широкую реку Селенгу пришлось переплывать. Но лисицам не нужно, как людям, учиться плавать, они рождаются умелыми пловцами.

В дневные часы лиса пряталась где-нибудь в укромном месте, а все ночи напролёт бежала лёгкой рысцой всё прямо и прямо –

«домой». По пути ей удавалось перекусить спящими на земле птицами или мышами, а иногда приходилось бежать впроголодь. Тогда на день она затаивалась голодной. Серебрянка похудела, но мускулы её окрепли. С каждой сотней километров её всё сильнее охватывало могучее стремление вернуться «домой», заглушая все другие желания, даже голод. Она бежала всё прямо, словно прекрасно знала дорогу и много раз уже пробегала по ней.

Наступило утро, когда работница зверофермы Даша вдруг увидела около забора свою любимицу Серебрянку. Лиса с виноватым видом подползла к ней на животе, завиляла хвостом и лизнула руку.

ДОМОЙ

Приятно посидеть у костра на берегу озера за кружкой чая с «дымком». Впереди целый день наедине с собой среди воды и тальников. Только вздрогнешь, когда крупная рыба рванёт под воду поплавок. А потом опять пьёшь чай и удивляешься проворству маленького муравья. Он схватил крошечную белую точку от булки и бойко понёс её. С разбегу сунулся в траву и застрял со своей ношей. Через завалы сухих травинок крошку хлеба пришлось перетаскивать, пятясь и напрягаясь изо всех муравьиных сил. Сантиметр за сантиметром одолевает маленький труженик пространство, отделяющее его от муравейника. Но вот впереди потухающий костёр. Он слабо дымится, но раскалённые угли ещё пышут жаром. Где-то там, по ту сторону костра, родной муравейник. Скорее туда с аппетитной добычей! И муравей пошёл... напрямик.

Тысячи лет муравьи носили добычу в муравейник по кратчайшему пути. И этот муравей «не имеет права» уклоняться в сторону ни на метр и обойти костёр по дремучей траве. Нельзя терять драгоценное время. И муравей со своей ношей идёт прямо через костёр. Он легко пробегает остывшую золу. С каждым миллиметром зола горячей, но муравей скорее погибнет, чем вернётся назад с добычей в челюстях.

Муравей из последних сил взбирается на нестерпимо горячую головешку, и тут же крупинка хлеба валится вниз, а сам муравей падает на спину.

Жизненный путь муравья-труженика закончен.

ОЗЁРНЫЕ КУКУШКИ

Солнце ещё не поднялось над горизонтом, но восток ярко пылал. На берегу степного озера сделалось совсем светло. Где-то далеко едва слышно закричали журавли. Посередине озера в зарослях басовито перекликались гуси. Отчаянно загалдели чайки над огромным скопищем гнёзд на заломах тростника.

Знакомое с детства кукование послышалось из тростников. Как странно слышать его здесь: ведь каждый знает, что кукушка – лесная птица!

Но вот она и сама летит над вершинками тростниковых зарослей и садится на тростинку, а та не ломается, но покорно склоняется дугой под тяжестью птицы. Приподняв хвост и опустив крылья, кукушка долго кукует, покачиваясь на тростинке, совсем как в лесу на ветке. Кукушка здесь не одна. Едва солнечный шар показался над горизонтом, как в разных местах озера раздалось кукование. Кукушек здесь оказалось во много раз больше, чем в любом лесу на такой же площади.

Эти кукушки внешне ничем не отличаются от живущих в лесах. Но их предки приспособились из года в год подкладывать свои яйца в гнёзда только птичкам камышовкам. Маленькие жертвы бездомных кукушек, не подозревая опасности, беззаботно распевают в зарослях, взлетая на самые вершины тростников. А беда тут рядом: только отлучится от гнезда камышовка, а такого же, как и у камышовки, цвета кукушкино яйцо уже в её гнезде. С этого момента гнездо принадлежит уже не птенцам камышовки, а кукушонку. Одного за другим он выбросит в воду птенчиков камышовки, даже если вылупится позднее их. Убийцу своих птенцов камышовки выкормят, он вырастет, один улетит в тёплые страны и не заблудится, до сих пор удивляя этим учёных. А весной опять прилетит на это же озеро, чтобы сделать своих птенцов паразитами камышовок. Сколько гнёзд найдёт кукушка, столько будет погублено выводков камышовок. Хорошо, что этих птичек множество на озере.

Но чем объяснить, что здесь же, на самом берегу озера, есть гнёзда трясогузок, но в них кукушка не положила ни одного своего яйца? В окрестностях же Алма-Аты кукушки подкладывают свои зеленоватые в крапинку яйца в гнёзда трясогузок. А в савальском сосновом бору кукушки сносят голубые яйца в гнёзда горихвосток.

ПРЕДСКАЗАТЕЛИ ВОДЫ

Раскалённый воздух Бетпак-Далы невыносим после полудня. Но люди, казалось, не замечали этого. Загорелые, измученные

ежедневной жарой, они собрались около буровой вышки и горячо спорили, бурить глубже или нет. На пятидесятом метре было так же сухо, как и на поверхности. Воды не было, как и в других местах, где они бурили в это лето. А вода была нужна именно здесь, и нужна во что бы то ни стало.

Решено было переехать и бурить ещё в одном месте пустыни. Но сознание, что и там труд и время могут быть затрачены впустую, не придавало энергии. Все удручённо разошлись под тень пологов.

В это время на горизонте показалось облачко пыли. Оно быстро приближалось, и вскоре запылённый «газик» подлетел к буровой вышке и остановился, зашуршав покрышками по раскалённому песку.

Люди выскочили из-под пологов – гости в пустыне бывают редко. Из машины вышел загорелый, энергичный мужчина с биноклем на шее и фотоаппаратом на боку.

– Мариковский, – отрекомендовался он, протягивая руку подошедшему бригадиру. – Вижу, опять впустую трудились.

– Не можем нынче на воду наткнуться – и баста, с весны мучаемся, – невесело сказал бригадир буровиков и показал на удручённые фигуры рабочих.

Гость ничего не ответил. Он внимательно осмотрел почву вокруг себя, прошёлся туда-сюда, глядя под ноги, и уверенно сказал:

– Здесь и не могло быть близко воды!

– Почему?

– Нет муравьев.

Все удивлённо переглянулись.

– Шутите, товарищ Мариковский, – несмело проговорил бригадир.

– Нет, совершенно серьёзно. Я научу вас, как надо искать воду.

– Сделайте одолжение!

Гость порылся в карманах и вытащил маленькую пробирку.

– Вот смотрите! – пригласил он.

Все с интересом столпились около него.

– Там, кажись, мураши! – разочарованно воскликнул один из рабочих.

– Совершенно верно, это муравей-жнец. Видали таких в пустыне?

– Сколько раз. Их тут немало бегает, – ответил бригадир.

– Это очень важно для вас, – пояснил учёный. – Муравей-жнец в пустынях живёт только там, где неглубоко есть водяные линзы или подземные озёра. Муравьи роют норки до тридцати метров

глубины. Иногда и глубже. Там, в сырых подземных кладовых около воды, они размачивают зёрна пустынных злаков и только тогда поедают их. Вот и надо бурить там, где есть эти муравьи.

Раздались удивлённые возгласы:

– Вот здорово!

– Мураши, а лучше нас находят воду!

– Покажите нам такое место, товарищ Мариковский, для начала!

– Мы ночевали в пятнадцати километрах от вас, как раз над такой подземной водяной линзой. Поезжайте по следам нашей машины. Доедете до потухшего костра, там вы быстро найдёте воду...

– Товарищ профессор! – позвал шофёр гостя.

– Да, да, знаю, сейчас поедем. Извините, товарищи, мы очень спешим. Желаю вам успеха, а на обратном пути я к вам заеду.

Рабочие долго смотрели вслед машине, затем бросились снимать оборудование.

Учёный приехал, как обещал, к буровому отряду. Его встретили улыбками – буровики нашли воду на глубине двадцати пяти метров!

В АШХАБАДЕ

Была глубокая ночь над далёким южным городом. Около складов и закрытых дверей магазинов дремали сторожа. Заря ещё не занималась. Из ночной темноты фонари вырывали светлые пятна. На окраинах почему-то необычайно громко лаяли и выли собаки.

В одной из квартир города вся семья была разбужена неистовым лаем пинчера. Он с визгом и рычанием стаскивал одеяло с сынишки хозяина дома. Мальчик проснулся и со смехом отнимал одеяло у своего любимца.

– Пошёл на место! – раздражённо крикнул отец, проснувшийся в соседней комнате.

Но собака бросилась к двери и со всех сил обеими лапами заскреблась в неё, жалобно визжа и злобно хватая зубами порог. Вдруг она громко завыла на весь дом, присев на задние лапы и подняв морду к потолку.

– Выпусти его на улицу! – раздражённо крикнул отец.

Мальчик вскочил с постели и отворил двери. Собака бросилась в темноту ночи.

Но едва ребёнок улёгся в постель, как пинчер заскрёбся и залаял. Он с не меньшей энергией теперь просился обратно.

Спать было невозможно.

– Да что это с ним?! – сердито проворчал отец, появляясь в дверях соседней комнаты. Он зажёг свет. Прошлёпал ночными туфлями через комнату и отворил дверь на улицу.

Пинчер со всех ног, скользя когтями по полу, бросился прямо на постель к мальчику, схватил его за край рубашки и потянул с кровати.

Ударом ноги отец отбросил собаку в угол комнаты. Она шлёпнулась на пол прямо на спину, но даже не взвизгнула. Блеснув оскалом зубов, она вцепилась в ногу хозяина. Он вскрикнул от боли и отшатнулся. Одним прыжком через всю комнату собака перенеслась на кровать. Мальчик вскочил и прижался к стене, а пинчер вцепился зубами в край рубашки, пятясь задом, рывками потащил мальчика с кровати в сторону дверей, визжа, взлаивая, трясясь всем телом.

В дверях показалась мать. Она испуганными глазами смотрела на всю эту сцену. Вдруг, поняв, в чём дело, отчаянно закричала:

– Она взбесилась! Отец, спасай сына!!

Заряженное ружьё висело на стене. Отец мальчика, хромая на одну ногу, бросился к ружью и сорвал его с гвоздя.

А в это время пинчер, рыча и скалясь, подтащил мальчика к открытой двери на улицу.

– Стреляй, отец, что ты стоишь? Она укусит ребёнка! – неистово кричала мать.

– Не дам убивать, не дам! – закричал мальчик и обхватил руками шею своего любимца.

Напрягая все силы, собака выволокла мальчика за порог. Отец бросился было вперёд, но в этот момент погас свет. Пол заходил ходуном под ногами. Потолок с грохотом рухнул на головы людей. Началось сильнейшее землетрясение...

Утром спасательный отряд заметил мальчика. Он громко плакал перед развалинами старенького домика. Около него сидел пинчер. Собака сердито заворчала на чужих людей.

– Там папа... и мама! – сквозь слёзы кричал ребёнок. Родителей мальчика извлекли из-под развалин. Оба были живы. В больнице им пришлось пролежать больше месяца...

Людям известно немало случаев, когда животные, птицы и даже насекомые предчувствовали землетрясение, но объяснения этому факту наука до сих пор ещё не нашла.

ДОМАШНИЙ БАРОМЕТР

Солнечная жаркая погода без дождей стояла больше месяца. На поля и огороды жалко было смотреть. Солнце немилосердно жгло с утра до вечера. Река мелела на глазах. В полуденные безветренные часы тучи пыли за машинами долго висели над дорогами.

На лесном кордоне только к вечеру можно было работать, весь же день лежали в тени совершенно разомлевшие.

И опять солнце село за лесом в туманной розовой мгле, как облако. Завтрашний день не предвещал изменений погоды. В вечерних сумерках из леса пришла и замычала корова. Жена егеря отрезала ломоть хлеба и пошла её доить. Но сразу же вернулась. Почему-то свинья не вернулась из леса вместе с коровой, хотя всё лето они были неразлучны и сами приходили домой. Потерять крупную породистую свинью для семьи было бы большим несчастьем. Егерь оседлал коня и ускакал в темнеющий лес на поляны, где обычно паслись корова и свинья. Его встревоженная жена пошла доить корову. Корова стояла при входе в хлев, почему-то не входя внутрь, где её обычно доили. Женщина не обратила на это внимания и присела около коровы. Струйки молока со звоном брызнули в ведро из-под умелых пальцев.

Вдруг в глубине хлева кто-то кашлянул.

Жена егеря вздрогнула – уж не вор ли забрался в хлев?

Оставив ведро с молоком, она прибежала на кордон. За столом сидел дед в очках и читал газету, придвинув керосиновую лампу и заслоняя от глаз свет рукой.

– Дедушка, кто-то забрался в хлев и там кашляет. Я боюсь, вдруг это грабитель, а Саша уехал за свиньёй... – испуганно зашептала женщина.

– Ну вот ещё, какие же грабители в лесу. Просто почудилось тебе. Пойдём посмотрим.

Дед встал, взял с полки электрический фонарик и не спеша пошёл к хлеву. Жена егеря пересилила страх и шла сзади.

Корова по-прежнему стояла у дверей и не заходила в хлев. Вдруг оттуда явственно донёсся чей-то вздох.

Дед оторопело остановился:

– И впрямь кто-то есть в хлеве!

В это время раздался конский топот. Приехал лесник.

– Нигде свиньи нет, – озабоченно сказал он и спрыгнул с коня.

– Слышь, сынок, кто-то, никак, есть в хлеву, – сказал дед, поднимая с земли железные вилы. – Сам слыхал, как вздохнул. Пьяный, что ли, забрался какой, так ведь откуда бы ему? А Марья слыхала, как кашлял. Да где же она?

Но жена егеря была уже на кордоне.

– Дай-ка фонарик, – сказал егерь и смело шагнул через порог в хлев.

Пятнышко яркого света забегало по стенам и полу, метнулось под ясли и остановилось – там лежала свинья, уткнув морду в угол.

– Вот она где, а я её в лесу ищу!

Дед удивился не меньше:

– Ни разу к корове в хлев не забиралась, у неё ведь своё место под навесом есть, она всегда там спит!

Долго в тот вечер за ужином рассуждали о причуде свиньи, пока деда не осенило:

– Знать, свинья-то ненастье зачуяла, вот и забилась в хлев. Не иначе завтра дождик будет. Помню, мой отец про дождь по свиньям угадывал наперёд всех, ещё наших мужиков в деревне удивлял: если долго летом жарит, а потом резко ненастье, обязательно свиньи прячутся кто куда.

Утром на кордоне все проснулись под мерный стук дождевых капель по железной крыше.

ПТИЧЬЕ „БЮРО ПОГОДЫ" НЕ ПОДВЕЛО!

Гнездо синей птицы помещалось в нише отвесного обрыва скалы над бурной горной речкой Талгаркой. Это был; настоящая синяя птица, а не сказочная – Метерлинка. Зоологи зовут её ещё фиолетовым дроздом. В Северном Тянь-Шане этот выходец из Южного Китая и Индии появился недавно, какие-нибудь полсотни лет назад. Поэтому было так заманчиво получить редкие кадры синей птицы на плёнке фотоаппарата и кинокамеры.

Соорудить плотный шалаш недалеко от гнезда синей птицы было недолго. Она быстро привыкла к нему и продолжала выкармливать своих птенцов. Щелчки фотоаппарата и стрекотание кинокамеры глушились шумом горной речки.

Ниже гнезда из воды торчал камень. Синяя птица сначала садилась на него с кормом в клюве, а потом взлетала в нишу скалы в гнездо. Но вода вскоре прибыла и стала хлестать через камень. Это не смутило заботливую мамашу, и она продолжала садиться на камень теперь по колено в воде.

Неподалёку на середине реки торчали из воды камни. Вода с шумом неслась мимо них и даже слегка захлёстывала холодными брызгами. В камнях было гнездо оляпки, и птенцы её были всё время мокрыми. Но это было в порядке вещей для оляпок – они ведь корм добывают под водой.

Обе птицы приносили корм своим птенцам до двадцати пяти раз в день. Оляпка доставала насекомых под водой. Синяя птица ловила кузнечиков и крупных кобылок на берегу. Не брезговала она и ящерицами. Её птенцы имели поистине резиновые глотки, и в них исчезали даже крупные ящерицы. Иногда синяя птица разнообразила пищу для своих птенцов, ловила на обед мелких рыбок. Она ловила их ловко, забегая по колено в воду по мелким заливчикам.

В этот памятный день с утра синяя птица и оляпка вдруг проявили необыкновенно бурную деятельность: почему-то они вдвое чаще приносили корм весь день. Птенцы под вечер были настолько сыты, что отворачивались и не открывали ртов. Тогда мамаши сами проглатывали принесённую добычу и устремлялись за новой.

Более сорока раз принесли корм оляпка и синяя птица в этот день!

За ужином мы терялись в догадках, почему птицы сразу удвоили рацион своим птенцам, но совсем не обратили внимания на тёмные тучи вечером на западе. А вот синяя птица и оляпка справились у своего таинственного, но совершенно точного птичьего «бюро погоды» и с утра знали, что надо успеть накормить птенцов как можно сытнее: следующий день они будут сидеть голодные.

Утром проглянуло было солнце, но какое-то неяркое, словно смущённое своим сегодняшним бессилием. Сразу же его закрыли зловещие тучи. Послышались раскаты грома, всё ближе и ближе. Потемнело, как вечером. Вдруг страшный тропический ливень хлынул на горы Заилийского хребта. Из тёмных туч вода полилась тугими струями. Страшная тяжесть падающей воды заставила поползти камни, и они покатились на крутых склонах, увлекая другие, вместе с лавинами воды и грязи. Внизу всё перемешалось и с грохотом понеслось дальше по дну ущелий, пополняясь из боковых склонов и сметая всё на своём пути, словно бульдозером фантастической силы...

А на следующее утро с чистого голубого неба яркое горячее солнце осветило затихшие, неузнаваемые ущелья, засыпанные камнями, опять неподвижными. Гробовая тишина, как в сказочном мёртвом царстве, сменила оживлённые голоса птиц и насекомых там, где ещё вчера были заросли кустарников, лужайки трав с крупными ирисами, пионами и ярко порхающими бабочками. Только совсем бессильные, мутные остатки вчерашнего грозного ливня ещё струились по дну ущелий, угасая среди камней.

Гнездо оляпки смыло. Камни, где оно было, скрылись под водой неузнаваемо бурной и многоводной Талгарки. Но птенцы оляпки оказались такими же замечательными водолазами, как и их родители: они ещё не могли летать, но ныряли великолепно. Утром после грозы оляпка продолжала кормить свой выводок – птенцы теперь сидели на береговых камнях значительно ниже по течению от своего прежнего гнезда.

Гнездо синей птицы не пострадало, только она с разлёта садилась теперь прямо в нишу – камень в реке был глубоко.

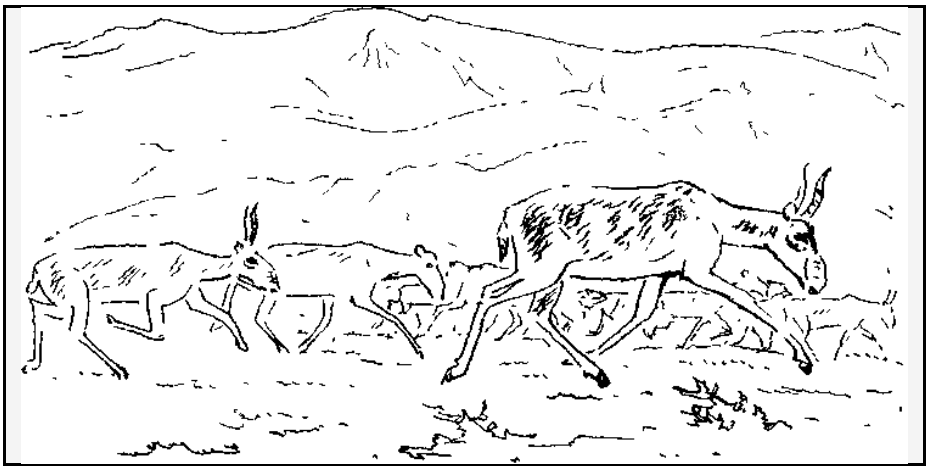
Как бы хорошо и нам узнать тайну птичьего «прогноза» погоды!

САЙГАКИ ПЕРЕД БУРАНОМ

Огромное стадо сайгаков всё утро паслось в небольшой долинке. Горбоносые морды животных были низко опущены. Пустынная полынка, чуть припорошённая снегом, служила им пищей и спасала от жажды. Низкое январское солнце бросало длинные тени от каждого сайгака. То и дело над стадом поднимались головы с насторожёнными ушами, осматривались и опять опускались. Никто не нарушал спокойствия стада в это утро.

Но вот одна из старых самок перестала пастись, постояла и пошла вперёд, не опуская больше головы, хотя полынки было сколько угодно. Ещё несколько самок перестали кормиться и пошли за первой. Вскоре всё стадо оставило хорошие выпасы и быстрыми семенящими шагами направилось к югу.

Справа и слева на горизонте тоже показались стада сайгаков. Они быстро шли в одном направлении, не задерживаясь. После полудня некоторые табунки сайгаков уже не шли, а бежали.



Весь короткий зимний день прошёл в торопливом передвижении сайгачьих стад к югу.

Вечером на стане бригада охотников по истреблению волков была занята сменой сломанной рессоры у одной из машин. Ремонт закончили, когда солнце скрылось за горизонт. Охотники собрались у костра около большого казана с мясной похлёбкой.

Самый младший член бригады волчатников спросил:

– Почему это сегодня сайгаки совсем мало паслись? Целый день их табуны шли в саксаульники.

– Да, да, и мы тоже заметили! – подтвердили другие члены бригады.

– Значит, напрасно торопились с заменой рессоры. Можно было это сделать утром. На охоту завтра не поедем! – ответил бригадир.

– Почему?! – разочарованно спросило сразу несколько голосов.

– Если сайгаки пошли в саксаульники и к песчаным барханам, значит, буран будет. Это верная примета.

Впрочем, утро было ясное, как и все последние дни. Но с полудня небо быстро заволокло тучами. Солнце исчезло. Засвистел ветер с севера, и полетели сначала редкие снежинки, а вскоре свирепый буран на целые сутки скрыл пустыню в бешено ревущей карусели.

За сутки до начала бурана сайгаки двинулись в укрытия, каким-то образом предугадав изменение погоды.

ЧЁРНЫЕ ЖАВОРОНКИ

Мелкий снег едва припорошил степь. Всюду торчали сухие стебельки трав. Овцы разгребали снег и паслись на степной полынке. Она до весны не теряет своих питательных свойств. Отара медленно брела по степи.

Стайка чёрных жаворонков перепархивала у ног овец. Птицы находили какие-то семена там, где снег был сбит копытцами. Эти птички, собратья обыкновенных жаворонков, выводятся в Центральном Казахстане, а часть их осенью улетает на зиму далеко на север, навстречу перелётным птицам. Некоторые стайки их зимуют даже под Новосибирском. Чёрными точками они усеивают заросли степной полыни, и кажется, что это сидит стайка скворцов.

Но сегодня с полудня чёрные жаворонки вдруг с беспокойным писком заметались над отарой. Они то садились, то взлетали, и всё поведение этих птичек говорило о сильнейшем волнении.

– Гони овец ночевать в кошару! – крикнул старик чабан помощникам.

– Почему, ата? Ещё до вечера далеко! – удивился один из молодых чабанов.

– Буран идёт: видишь, птицы боятся! – ответил старик. – Айда, заворачивай овец!

Овец погнали. А небо стало быстро заволакиваться тучами. Они всё ниже спускались над степью. Начался ветер. Едва овцы вошли в ворота кошары, как повалил снег и начался сильнейший буран. Задержись овцы в степи – и не миновать бы большой беды. Чёрные жаворонки вовремя предупредили о буране. А сами зарылись в снег и будут ждать, когда кончится ненастье.

ЗАДОЛГО ДО ШТОРМА

Множество гнёзд чаек-хохотуний находилось на небольшом песчаном острове огромного озера Тенгиз. Истерического крика, шума и драк было достаточно с утра до вечера по любому поводу. Но были и мирные сцены. Вот из соседнего гнезда косолапо приплёлся трёхдневный пуховый птенец к солидной старой чайке. Она сидела в своём гнезде и грела яйца. С минуты на минуту из них могли вылупиться её птенцы. Но пришелец бесцеремонно полез под чайку. Наседка приподнялась. Птенец влез в гнездо и улёгся среди яиц. Он явно мешал чайке, и она долго усаживалась, меняя позы, пока не заняла нужного ей положения. Но чужого птенца не прогнала.

К гнезду прилетел самец. Чайка вскочила с яиц и подбежала к нему. С закрытым клювом она стала издавать приглушённое «кукование», всё время кивая головой снизу вверх. Самец отвернулся. Но мамаша хлопотливо забежала вперёд и заискивающе кланялась. Так повторилось несколько раз. Наконец самец отрыгнул целую кучу заглотанных им кобылок с таким видом, будто хотел сказать:

«На, только отвяжись!»

Чайка съела подачку и улетела на озеро купаться. А папаша, не торопясь, уселся вместо неё на гнездо высиживать яйца и широко зевнул во весь клюв.

В этот вечер была безветренная ясная погода. На небе не было ни облачка. Вода на озере сверкала от низкого солнца, как огромное масляное пятно. Но барометрическое давление резко упало. Погода должна была измениться.

Вдруг весь чаячий остров пришёл в движение. Чайки дико хохотали, взлетали в воздух, кричали, кружились, садились и взлетали вновь. Мы долго наблюдали за ними. Но никакой враг им не угрожал. Они беспокоились сами по себе, заражая друг друга какой-то таинственной тревогой. Только поздние сумерки угомонили чаек. А ровно через десять часов с севера налетел шторм, нагнал воду и затопил много гнёзд чаек. Их «краткосрочный прогноз» был совершенно точен!

„ПРОГНОЗ" КАМЫШОВОК

Солнце ещё не поднялось над горизонтом, а восток уже пылает. На берегу степного озера сделалось совсем светло. Где-то далеко едва слышно, печально кричат журавли. На озере, по ту сторону плёса, в зарослях тростника басовито переговариваются гуси. Отчаянно загалдели чайки; огромные скопища их гнёзд ежегодно бывают на одном и том же месте по заломам тростника.

Над водой виднелось на тростнике растрёпанное прошлогоднее гнёздышко камышовки. Это в нём в прошлом году вырос кукушонок. А тут же рядом, но повыше, пара камышовок дружно делала новое гнёздышко.

На берегу озера сидел и курил егерь охотничьего хозяйства. Рядом лежала лодка, опрокинутая вверх мокрым дном. Под кустом в тени сверкал никелем новенький мотоцикл.

Мы поздоровались, как старые знакомые.

– Ящики приезжал проверить. Во многих утки уже начали нестись, – пояснил свой приезд сюда егерь.

Искусственное гнездовье – ящик – виднелось недалеко от

берега, возвышаясь над водой на кольях, в кромке тростниковых зарослей.

– Что же это вы, Карп Андреевич, так высоко над водой устроили этот ящик? – спросил я егеря.

Он удивлённо взглянул на меня и скупо пояснил:

– Нынче камышовки высоко над водой гнёзда вьют на тростнике.

– При чём же тут камышовки?

– Значит, разлив большой будет, и вода поднимется высоко. Эти птахи узнают наперёд по каким-то приметам про разлив. Старые их гнёзда почти на полметра ниже нынешних. Прошлогодние ящики для уток на той неделе пришлось переставить повыше, а то вода зальёт яйца.

Это было для меня ещё одним открытием. Но только для меня: в журнале «Семья и школа» уже печатали об этом «прогнозе» камышовок.

РАСКРЫТАЯ ТАЙНА

Давно это было. На рубеже девятнадцатого и двадцатого века я жил в деревне. Летняя жара в тот год с каждым днём всё больше высушивала землю. Солнце палило немилосердно. Ни ветерка. Даже ночи стояли душные и жаркие. Проедет по селу телега, а пыль после неё долго висит в воздухе.

Забеспокоились мужички. Всё чаще стали поглядывать на небо. Посевы хлебов начали сохнуть.

В те далёкие, глухие времена единственным «спасением» от засухи был крестный ход: зазвонит колокол в селе, соберётся стар и млад, вынесут иконы из церкви, и священник ведёт всех за околицу служить молебен на полях, просить у бога дождя.

А дождя-то всё нет и нет!

В соседних сёлах чуть ли не каждый день служили молебны. А в нашем селе ни одного разу. Ругают про себя сельчане своего попа. Но делать нечего – ждут, пока батюшка сам не позовёт идти крестным ходом.

Мы жили рядом с поповским двором. И, чего греха таить, любили в щёлку подглядывать, что там делается. Кто-то из ребят заметил, что как только утром поп проснётся, выйдет на крыльцо, перекрестится, так скорыми шагами идёт к бане на огород. Заглянет в сенцы и обратно лениво шагает. Однажды утром смотрим – чуть ли не бегом поп от бани бежит и ещё с середины огорода кричит работнице:

– Дарья, беги к звонарю, пускай благовестит: с крестным

ходом сейчас пойдём!

Вскоре басовитые удары колокола поплыли над селом. Народ, крестясь, стал собираться на площади перед церковью. Вынесли иконы. Поп повёл всех за село. Крёстный ход начался под раскалённым безоблачным небом в нестерпимую жару.

И странное дело: к вечеру на горизонте показались тёмные облака, а ночью полил дождь. Земля ожила, хлеба повеселели. Авторитет нашего попа возрос необычайно.

На что же по утрам смотрел поп в своей бане? Это не давало нам покоя. Воображение рисовало чудотворную икону в сенях бани с горящей лампадой или ещё что-то таинственное, сверхъестественное. И конечно, мы не в силах были сдержаться. По задам огородов прокрались к поповской бане и с затаённым дыханием заглянули в сени. Там стояла только скамейка для раздевания и больше ничего. На стене висело короткое поленце с длинной неотрубленной веткой...

С тех пор прошло много десятилетий.

И вот я сижу на кордоне Алма-атинского заповедника в горах Заилийского Алатау. Жара нестерпимая, а надо ехать верхом на следующий кордон. Страшно выйти из прохладных сеней на невыносимую жару. Корова лесника лежит в тени, лениво пережёвывая жвачку. Куры с раскрытыми клювами подпрыгивают около неё и склёвывают оводов. Кругом в ельниках полуденная тишина. Даже не слышно крикливых кедровок. Птицы тоже пережидают жару.

– Ну что же, сиди не сиди, а ехать надо! – сказал я, вздохнув.

– Что-то уж очень жарит сегодня! Обождите-ка, я сейчас! – ответил хозяин и пошёл под навес...

– Придётся вам у меня переночевать! – заявил он, возвращаясь.

– Почему?

– Гроза с дождём ночью будет. Как раз в горах вас застанет. Не верите? Пойдёмте, покажу!

Под навесом на стене висел обрубок ели с длинной тонкой веткой. Против её конца на стене были нанесены деления.

– Барометр это у меня, – пояснил лесник. – Вчера конец ветки был вон где, а сейчас на десять сантиметров отклонился. К скорому дождю это, вот увидите.

И сразу мне припомнилось далёкое детство, поповские сени в бане и такой же «барометр» на стене. Так вот в чём дело! Хитрый поп собрал крестный ход наверняка: дождь к ночи должен был быть обязательно!

В городе зимой, просматривая журнал «Природа» за 1958 год, я прочёл статью одного учёного. Он писал, что сучок ели длиной

в тридцать два сантиметра отклоняется перед дождём до одиннадцати сантиметров. Поповская тайна только через полвека сделалась достоянием каждого!

БАБОЧКИ-СИНОПТИКИ

На веранде было душно. Солнце безжалостно палило с безоблачного неба. Учёный сидел около открытого окна за столом среди разложенных книг, рукописей, диаграмм и писал. Он подолгу обдумывал каждую фразу: нелегко было кратко, но понятно излагать на бумаге результаты опытов.

Бабочка-крапивница огненным пятнышком мелькнула над столом из окна и порхнула к потолку. Учёный проследил за ней взглядом. Бабочка прицепилась вверх ногами к потолку веранды в самом тёмном углу. Ещё несколько таких же бабочек сидели там, свесив вниз сложенные крылья. Все они были неподвижны.

Это заинтересовало учёного. Он встал и согнал одну из бабочек. Но она тут же опять села рядом. Было непонятно, почему бабочки в такой яркий солнечный день ведут себя так, словно наступила ночь?

Учёный снова углубился в работу. Он не заметил, как бежало время. Одна мысль подгоняла другую и ровные строчки на бумаге покрыли несколько страниц, когда на веранду вышла его жена и стала закрывать окна.

Только теперь учёный заметил, что солнце скрылось в облаках, жара спала, деревья в саду шумели от ветра. Вдали слышались раскаты грома. Они делались всё громче и ближе. Быстро надвигалась гроза.

Бабочки-крапивницы, как сухие листочки, висели под потолком. «За два часа до наступления грозы бабочки спрятались в укрытия», – подумал учёный. Но вскоре забыл об этом...

Однажды утром учёный стоял на веранде и, заложив руки за спину, смотрел, как в саду беснуется ливень. Гром то и дело сотрясал воздух. Учёный вспомнил про бабочек и посмотрел на потолок. На том же месте, где и в прошлый раз, висели вниз крылышками несколько бабочек-крапивниц.

Грозу быстро пронесло. В прорывах между облаками показалось солнце. Мокрые листья на деревьях засверкали, как отполированные. Но бабочки под потолком продолжали висеть.

Учёный сел за стол. Однако недолго в это утро сияло солнце. Не прошло и двух часов, как оно опять скрылось в облаках, и вскоре хлынул ливень.

Только во второй половине дня прекратился дождь. Но небо

было ещё затянуто облаками. Вдруг над столом одна за другой стали пролетать бабочки в открытое окно. Под потолком не осталось ни одной. Вскоре засверкало солнце, и надолго установилась ясная погода.

Поведение бабочек заинтересовало учёного. «Значит, когда после первой грозы засияло солнце, бабочки не поддались его обманчивой ласке и каким-то образом чувствовали, что скоро будет опять дождь», – думал учёный...

После этого три года подряд он внимательно наблюдал за бабочками-крапивницами. Эти крылатые синоптики были совершенно точны в своих прогнозах. Даже 15 процентов ошибок, допустимых в прогнозах метеорологов, у бабочек не было. Теперь каждый может сам убедиться, наблюдая за бабочками-крапивницами, насколько это опасные конкуренты прогнозам «Бюро погоды»!

СОДЕРЖАНИЕ

Под тропой архаров

Хозяин небесных гор
Беглец
«Заветное» слово
Под тропой архаров
Старый секач
Олений волк
Спасительный лёд
В каменной ловушке
Волчок из Бетпак-Далы

Соловьиные острова

На разливе
Соловьиные острова
Детсад без нянек
Последний архар Капчагая
В ледяных объятиях
Белый сигнал
Лебединые озёра
«Отблагодарил»!
Шагающая мышь
Коварные растения
«Дуэль»
«Нечистая сила»
Вороны на столбе
Неразгаданная тайна кекликов
Среди розовых скворцов

Загадки рядом

Сбежавшие верблюды
Загадочная способность
Прямой путь
Серебрянка
Домой
Озёрные кукушки

Предсказатели воды
В Ашхабаде
Домашний барометр
Птичье «бюро погоды» не подвело!
Сайгаки перед бураном
Чёрные жаворонки
Задолго до шторма
«Прогноз» камышовок
Раскрытая тайна
Бабочки-синоптики
Рисунки А. Келейникова
Для младшего школьного возраста

Зверев Максим Дмитриевич
ХОЗЯИН НЕБЕСНЫХ ГОР
Повести и рассказы

Ответственный редактор *Л.Г. Тихомирова*
Художественный редактор *Н.И. Комарова*
Технический редактор *Л.П. Костикова*
Корректоры *Л.М. Короткина* и *Е.И. Щербакова*
OCR – Андрей из Архангельска

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер, 1

Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Зверев М.Д.

Хозяин небесных гор. Повести и рассказы. Рис. А. Келейникова. М., «Дет. лит.», 1972.

notes

1

Такыр – ровная затвердевшая почва в пустыне на том месте, где весной была снеговая вода.

2

Тарт, серке! – Веди, тащи, иди вперёд!

3

Айнал! – Кругом!

4

Издё! – Ищи!

5

Тампонит – вздутие живота.